
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2020. 11(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 22.12.2020
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 28

© Russkaya Starina, 2020

Russkaya Starina

2020

Is. 2

Русская старина

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2409-2118
 2020. 11(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йожеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара
 Вайнорска, г. Братислава – Нове Место,
 Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.12.2020.
 Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
 E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
 House Researcher s.r.o.

Заказ № 28

CONTENTS

Articles

The Idea of “Moscow, Third Rome” by Philotheus: on the Formation of the Concept of “Russian World” M.Ch. Larionova, A.S. Tishchenko	83
The Images of the Peoples of the Don in Popular and Popular Literature of the second half of the 19 th and early 20 th centuries O.A. Grom	90
Adaptation of the Don Cossacks to Post-War Life (1920) A.V. Venkov	99
Evolution of Models of Demographic Behavior of Russian Ethnic Groups in the 1930s S.A. Kropachev	109
Bataysk Aviation School of Pilots: Training and Education of Personnel for the Red Army during the Initial Period of the Great Patriotic War (1941–1942) D.M. Gryadski	129
Taman Peninsula as the Most Important Strategic Bridgehead in the Struggle for Crimea at the Initial Stage of the Great Patriotic War V.A. Ivanov	139
Boat “Chaikovsk”: Reconstruction of the Biography of the Ship N.W. Mitiukov	146

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 83-90

DOI: 10.13187/rs.2020.2.83
www.ejournal15.com

Articles

The Idea of “Moscow, Third Rome” by Philotheus: on the Formation of the Concept of “Russian World”

Marina Ch. Larionova ^{a, *}, Alexey S. Tishchenko ^b

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The concept “Russian world”, which is actively used in diverse fields of science, is associated with various social ideas. One of these ideas is “Moscow, third Rome”, which took shape in the epistles of Elder Philotheus. This article analyzes the influence of the theory “Moscow, third Rome” on the formation and establishment of the concept of “Russian world”. This idea presupposes the opposition of Russia and Western and Eastern civilizations, deduces the opposition of the Russian world to the “non-Russian”. The perception of the Russian people as the last bearer of the Orthodox statehood allows us to speak about the special historical significance of Russia. The role of Moscow as a center spiritually uniting Orthodox peoples added credibility to the Russian state, which was at the stage of formation and strengthening. The presence of a single strong state is one of the conditions for the formation of the concept of the “Russian world”. Based on the messages of Elder Philotheus, one can deduce the values of the Russian world: the presence and sovereignty of the state, the sacredness of power, spirituality, conciliarity, and messianism. The idea of “Moscow, third Rome” puts forward strict requirements for the ruler, who appears to be the ideal leader, absorbing the best qualities of the Russian world. Thus, the idea of “Moscow, third Rome” influenced the formation of the concept of “Russian world”, the question of which is promising for scientific research.

Keywords: “Russian world”, “Moscow, third Rome”, orthodoxy, sacredness of power, spirituality, conciliarity, messianism.

1. Введение

Понятие «русский мир» в последнее время встречается в научных трудах все чаще. Оно обсуждается представителями различных сфер деятельности: политологами, экономистами, культурологами, историками, филологами, и специалисты из разных областей по-своему определяют «русский мир», его содержание и границы. В предыдущей статье, посвященной истокам понятия «русский мир», мы показали, что эта тема древнерусская по происхождению. Мы предложили филологическое толкование исследуемого понятия:

* Corresponding author
 E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

«русский мир – это сложное многостороннее явление, представляющее собой объединение людей, связанных общностью истории, русским языком и культурой, ментальностью, привязанностью к России и интересом к ее судьбе; это понятие наднационально и внетерриториально, зачастую под “русским миром” осознается особая идея межгосударственного и межконтинентального сплочения людей, объединенных неравнодушием к России и считающих, что у России свой особый путь развития и важная роль в мировом сообществе» (Ларионова, Тищенко, 2019: 88). Тема «русского мира» тесно связана с различными идеями, которые возникали под пером писателей, философов, историков. Одной из таких идей является «Москва – третий Рим».

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат тексты двух посланий старца Филофея Псковского 1523–1524 гг., первое из которых адресовано дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину, второе – Великому князю Василию III Ивановичу. Собственно формулировка теории «Москва – третий Рим» присутствует в первом послании, но оба текста содержат идеи, органически связанные с формированием понятия «русский мир». Среди научных работ мы опираемся в основном на труды Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского (Лотман, Успенский, 1982), Н.В. Николаевой (Николаева, 2009), А.Л. Гольдберга (Гольдберг, 1974), О.В. Парилова (Парилов, 2003).

Исследование основано на органическом синтезе традиционных для литературоведения культурно-исторического и вытекающего из него социологического методов. Согласно культурно-историческому методу, литературный текст неразрывно связан с эпохой, в которую он написан, текст рассматривается как дух народа в контексте цивилизации и культуры. Социологический метод позволяет осмысливать литературное произведение как форму выражения общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Формулировка идеи «Москва – третий Рим» оформляется в посланиях старца Филофея Псковского в 1523–1524 гг. В это время к Московскому княжеству были присоединены Ярославское, Тверское, Новгородское, Ростовское княжества. В Москве начинает складываться единая система административных учреждений, составляется Судебник – единый закон для всех земель. В период конца XV – начала XVI в. Русь начинает крепнуть как государство во главе с Москвой, на что в первую очередь повлияли освобождение от монгольского ига, патриотические настроения народа.

Восприятие Филофеем Москвы как «третьего Рима» содержится в его послании псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину: «Да вѣси, христороубче и боголюбче, яко вся христіанская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Послания старца Филофея, 2009). После падения Византии в 1453 г. Русское государство осталось единственным независимым православным государством: «покорение Константинополя турками (1453 г.) приблизительно совпадает по времени с окончательным свержением в России татарского господства (1480 г.); оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости – в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т.е. торжество православия над мусульманством» (Лотман, Успенский, 1982: 238), – отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский. Москва осмысливается автором послания как мировой центр христианства, единственный и последний. Н.В. Асонов пишет: «Утверждение теории “Москва – Третий Рим” связано также с тем, что ко второй половине XV в. все православные страны лишились независимости. Москва же смогла не только сбросить иго Орды, но и объединить русские земли, взглянув на себя как на последний оплот правой веры» (Асонов, 2008: 181). Москва была призвана сохранять православные каноны, чистоту нравов, духовные ценности.

Эта теория, с нашей точки зрения, оказала большое влияние и на формирование понятия «русский мир». В обоих посланиях старца (дьяку Михаилу и князю Василию) обозначаются определенные признаки, без которых невозможно понимать русский мир как

целостное явление. И хотя Филофей не говорит о них прямым текстом, его рассуждения позволяют вычлениить особенности, присущие понятию «русский мир».

Во-первых, формула «Москва – третий Рим» позволяет рассматривать Москву, а вместе с ней и всю Русь в оппозиции к первому и второму Риму: Рим – это западная цивилизация, Константинополь – восточная, иными словами, Москва, глава Русского государства, противопоставлена Западу и Востоку как носителям других культурных ценностей. Любое противопоставление должно основываться на каких-либо признаках, оппозиция Москвы и первого и второго Рима свидетельствует о том, что Москва приобрела некое свойство, отсутствующее у Римской и Византийской цивилизаций. В понимании Филофея это мировое православное лидерство. Акцентуация такого показателя позволяет нам говорить, что он является одним из формирующих понятие «русский мир». Православие – одно из оснований, позволяющих осмыслить «русский мир» как нечто целое. Именно православие сыграло огромную роль в формировании сознания и русского самосознания, русского мира, оно во многом является источником философского осмысления места России в мире и задает направления дальнейшего развития страны. В период становления государства православная религия занимает одно из ведущих мест. Тот факт, что Русь заслужила честь быть лидером православного мира, вносит огромный вклад и в формирование русского мира, объединенного на основе православного христианства. Русский мир здесь находится в оппозиции к другому миру – нерусскому. Лотман и Успенский подчеркивают некую изолированность православной цивилизации во главе с Москвой от других земель: «Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от “нечистых земель”» (Лотман, Успенский, 1982: 237).

Тема противопоставления русского мира другим проходит через весь текст посланий. Филофей возражает западным взглядам на сущность человеческого бытия, осуждает астрологию, говоря, что это «кошунство и басни», а жизнь со всеми ее противоречиями и неожиданностями движется по воле Божьей. Хранительницей высших заветов, по Филофею, и является Москва, а вместе с ней – и вся Русь. На характер резкого противопоставления разных культур в посланиях старца указывает и А.Л. Гольдберг: «Отмечая гибель “обоих Римов”, Филофей приводит к выводу о том, что функции “ромейского царства” – т. е. державы, в пределах которой обретается истинная христианская церковь, перешли к единственной, “не потопленной неверными” и осененной “благодатиею христовой” стране – Московской Руси. Такое определение исторической роли Руси и русской церкви является вполне правомерным в антилатинском трактате» (Гольдберг, 1974: 78). У русского мира свои культурные ценности, а у Руси свой особый исторический путь, особое мировое значение, она не зависит от других стран, в своем историческом развитии она не ориентируется на ценности других цивилизаций. Укоренение на русской почве мысли о переходе в Москву вселенского православия повлияло на то, что русский народ стал осознавать себя последним носителем православной государственности. Говоря о русском мире, необходимо отметить, что одним из его признаков является самоидентификация русского народа, понимание того, что у народа есть определенная историческая роль.

Во-вторых, закрепление за Москвой статуса мирового православного лидера повлекло за собой упрочнение Руси на мировой арене и в политическом смысле. Н.С. Жукова отмечает: «Прозрения Филофея точно отражали и политические реалии того времени – смену политической парадигмы: удельноместническая политика с ее своекорыстием. Рядом с властью великого князя московского не оставалось других, сопоставимых с ней политических сил. В определенной мере этому способствовала женитьба Ивана III на Софье Палеолог. И хотя Софья была царевной уже не существовавшей Византийской империи, вместе с гербом Византии – двуглавым орлом – на Московское княжество как бы переходило ее религиозное и политическое призвание. Москва фактически становилась преемницей Византии и в политическом, и в религиозном отношении» (Жукова, 2010: 118). Наличие, укрепление и развитие независимого государства – условие строительства русского мира. Как мы упоминали выше, начало XVI в. – период, когда Русское государство постоянно наращивает силу и могущество. Увеличение территории за счет присоединения земель к Москве, расширение политических контактов делало Русь крупной державой

с сильной столицей; победа над монголо-татарским игом вызвала подъем патриотизма. Роль Москвы как центра, объединяющего православные народы духовно, добавляла авторитетности Русскому государству. Н.В. Николаева говорит об этой идее как о «странствующей»: «идея *translatio imperii* (странствующего царства), суть которой в том, что вселенская Римская империя продолжает свое метаисторическое и метафизическое существование, становясь поочередно достоянием разных народов, заслуживающих эту честь» (Николаева, 2009: 79).

Строительство, укрепление и развитие Русского государства, активно происходившее в XVI в., тесным образом связано и со строительством русского мира. Государство – это прежде всего народ с его культурой, традициями и представлениями. Безусловно, в нашем понимании русский мир скреплен прежде всего ментальными и духовными ценностями, однако наличие единого централизованного государства с сильной столицей, к которому русский мир привязан, является условием крепости этого мира. Децентрализованное государство, омраченное междоусобными войнами, способно пошатнуть русский мир и даже его разрушить. В пору написания Филофеем посланий мы наблюдаем ситуацию, когда русский мир как явление формируется основательно, соблюдается одно из главнейших условий его жизни – создание единого государства.

В-третьих, русский мир как цельное образование невозможен без своей особой системы ценностей. Эти ценности также обозначаются Филофеем в его посланиях. Первое, на что стоит обратить внимание, – это суверенность государства, подразумеваемая автором посланий. Только сильное и независимое государство могло бы стать «третьим Римом». Освобождение от ига и как следствие получение государственного суверенитета, несомненно, повлияли на крепость духовных уз, связывающих народ, и мысль Филофея о роли Руси на мировой арене вполне понятна как следствие общего настроения русского народа.

Автор посланий много говорит о фигуре правителя государства. Сначала Филофей хвалит главу государства, высоко оценивает его царствование: «нѣкаа словеса изречем о нынѣшнем православном царствии пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего» (Послания старца Филофея, 2009), говорит о великой роли правителя суверенного государства – носителя православного лидерства: он не просто самодержец, а ответственный за всех христиан: «иже въ всей поднебесной единого христианом царя и брододръжателя святых Божиихъ престолъ», «и да въсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския вѣры снисдошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь» (Послания старца Филофея, 2009). Во втором послании, адресованном князю Василию, Филофей перечисляет требования к великому царю, которым он должен следовать: «Подобает тебѣ, царю, сие держати со страхом Божиимъ, убойся Бога, давшего ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остаются» (Послания старца Филофея, 2009), – подчеркивается важность духовных ценностей, а не материальных. Филофей рассматривает правителя как носителя лучших человеческих качеств, как фигуру, включающую все признаки русского мира и одновременно являющуюся главой этого мира. Правитель должен быть ответственным не только перед своими подданными, в первую очередь он отвечает перед Богом. Филофей указывает, что необходимо понимать это и бояться Божьего наказания за грехи, ведь два Рима не оправдали своего назначения перед Богом. Дальше Филофей не только дает установки князю, но и связывает его с великим Константином, называя последнего прадедом князя Василия: «Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадеды – великий Константинъ, и блаженный святой Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихъж корень и до тебе. Не обиди, царю, святых Божиихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови в наслѣдие вѣчныхъ благъ на память послѣднему роду, о сем убо святой великий Пятый соборъ страшное запрещение положи» (Послания старца Филофея, 2009). Таким образом, Филофеем выражается мысль о сакральности власти: все самодержавие, по мнению Филофея, невозможно вне формулы «Москва – третий Рим».

Особым образом в тексте посланий выражается важнейшая категория, свойственная русскому миру, – это категория соборности. Соборность – это понятие довольно сложное, не имеющее однозначного толкования, причем оно актуализируется именно в связи

с русским миром, а перевести его на иностранные языки дословно практически невозможно. Определение из философского словаря «Соборность – это термин православного богословия и русской философии, означающий, что в церкви осуществляется добровольное соединение (собор) индивидов на основе любви к богу и друг к другу. <...> Соборность – “братство людей во Христе”, “вхождение в общение живых и умерших”» ([Философский словарь](#)) целесообразно расширить: соборность означает духовное единение людей не только в церковной, но и в мирской жизни, общение в братстве и любви. Филофей пишет: «...дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтитя...» ([Послания старца Филофея, 2009](#)) – эта фраза подчеркивает духовный принцип соборности в сосуществовании и общении людей, этот принцип скрепляет русский мир, делая его цельным образованием, особым явлением.

Следует сказать еще об одной общей мысли о русском мире, которая прослеживается в рассуждениях Филофея. Идея «Москва – третий Рим» – мессианская, и наличие такой идеи – один из признаков формирования русского мира: народ воспринимает себя как носителя уникальных знаний, культуры, понимает свое историческое предназначение. Филофей сам является человеком русского мира, которому небезразличен исторический путь Руси, ее значение на мировой арене. Теория «Москва – третий Рим» не навязана свыше: она возникает внутри русского мира как некая рефлексия на сложившуюся историческую ситуацию. Филофей представляет ее как данность, к чему нужно относиться очень ответственно.

Важно сказать и об эсхатологическом значении данной теории: если четвертому Риму не бывать, не означает ли это, что если падет и третий Рим, то наступит конец света? Чтобы этого не допустить, важно соблюдать заповеди, о которых говорит старец, тогда будет существовать великое православное царство. Историческая миссия, обозначенная автором посланий, не просто велика или амбициозна, она предполагает крайнюю степень ответственности Москвы перед православной общностью: раз четвертому Риму не бывать, то Москва – последняя возможность сохранить православную культуру в необходимом виде. Общий тон посланий старца предполагает, что русский народ должен четко понимать, что нельзя не оправдать данное Москве доверие. «То, что “Москва – Третий Рим, а четвертому не бытии” – это, по мысли Филофея, “повод не для национальной гордыни, а для эсхатологической тревоги”. Для монаха Филофея, провозгласившего Москву Третьим Римом, были важны не державное самоутверждение Москвы как нового православного царства и уж никак не формальная сакральность числа 3; в его пророческом слове гораздо напряженнее звучит тема, восходящая к экклесиологическому реализму: если не будет Руси как православного царства, то эстафету православной государственности, отвечающей за судьбы Вселенской Церкви и всех православных народов, передавать некому...», – пишет Н.В. Николаева ([Николаева, 2009: 80](#)).

Говоря о мессианстве, невозможно не упомянуть о теме богоизбранности русского народа, которая тоже связана с понятием «русский мир». Менталитет русского народа всегда предполагал понимание себя как народа особенного, отмеченного «Божьей благодатью». Эта тема присутствует в текстах Филофея, называющего Москву «богоспасаемым градом», подразумевающего отмеченность русского народа Богом. По Филофею, русская православная церковь – единственная верная высшим заветам церковь во всем мире, она «...едина въ вселеннѣи паче солнца свѣтитя» ([Послания старца Филофея, 2009](#)). Задается же тема богоизбранности русского народа еще Иларионом в торжественной проповеди «Слово о законе и благодати», где именно русский народ отмечается как народ – носитель православной культуры, народ, избранный Богом. В «Слове о законе и благодати» подчеркиваются своеобразие православного сознания и его свобода в отличие от несвободы иудаизма: «Прѣжде законъ, ти по томъ благодѣть, прѣжде стѣнь, ти по томъ истина. Образъ же закону и благодѣти Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ти потомъ свободнаа, да разумѣть, иже чтеть!» ([Слово о законе и благодати, 2000](#)). Свобода подразумевается прежде всего внутренняя, она касается отношения человека и Бога. На эту особенность тоже обращает внимание Филофей: «Аще бы злыя дни и чясы сотворил Бог, почто грешных мучити ему, Бог имат винен быти,

яко зла человека народил» ([Послания старца Филофея, 2009](#)), человек свободен в своем выборе, а потому он ответствен за то, что совершает. О.В. Парилов отмечает: «Русскому православному сознанию присуща принципиально иная трактовка свободы – как направленности собственной доброй воли на служение Богу. Это внутренняя духовная христианская свобода, ей необходимо присущ диалектически связанный с ней компонент – осознание собственной ответственности перед Богом не только за себя, но и за весь мир» ([Парилов, 2003: 15](#)).

С нашей точки зрения, наличие строгих требований к царю и, следовательно, к народу, которым он правит, дидактизм, пронизывающий в особенности второе послание Филофея, тоже свидетельствуют о формировании и развитии понятия «русский мир». Филофей говорит прежде всего об этических нормах, а мышление нравственными категориями – одна из черт русского народа. М.Н. Громов подчеркивает: «...древнерусская этика выступает как центральное, связующее звено» ([Громов, 1997: 127](#)). С этим суждением трудно не согласиться, ведь во многих памятниках древнерусской литературы («Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Поучении Владимира Мономаха», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Повести о гибели Русской земли» и других) если не содержатся последовательно этические требования, то хотя бы присутствует авторская оценка с точки зрения морально-нравственных норм.

4. Заключение

Таким образом, можно обобщить, что теория «Москва – третий Рим» Филофея отражает процесс формирования и становления понятия «русский мир». В тексте посланий старца можно выделить систему ценностей, которые объединяют русский мир в целостное образование. Рассуждая о правителе великого царства, выдвигая к нему строгие требования, Филофей выделяет некие ценностные ориентиры русского мира, которые мы обозначим следующим образом: наличие и суверенность государства, сакральность власти, духовность, соборность, мессианство, эсхатологизм. Как мы видим, вопрос о русском мире, о миссии русского народа возник не сегодня, он живо обсуждался в русском Средневековье. Его дальнейшее существование и разрешение – тема для наших следующих публикаций.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-11901190182-8

Литература

[Асонов, 2008](#) – Асонов Н.В. «Второй Израиль» или «Третий Рим» // *Государственная служба*. 2008. № 6. С. 180-185.

[Гольдберг, 1974](#) – Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея». (Опыт текстологического анализа) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы: в 65 томах. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 68-97.

[Громов, 1997](#) – Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии. М.: Институт философии РАН, 1997. 289 с.

[Жукова, 2010](#) – Жукова Н.С. Сущность государственной идеологической концепции «Москва – третий Рим» // *Философия права*. 2010. № 4 (41). С. 115-118.

[Лотман, Успенский, 1982](#) – Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра первого (к проблеме средневековой традиции и культуре барокко) // *Художественный язык средневековья*. М.: Наука, 1982. С. 236-249.

[Николаева, 2009](#) – Николаева Н.В. «Москва – третий Рим» – артикуляция русской идеи // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2009. № 7 (27). С. 78-82.

[Парилов, 2003](#) – Парилов О.В. Послание старца Филофея и место России среди других государств // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2003. № 1. С. 14-19.

[Послания старца Филофея, 2009](#) – Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 2000. Т.9. Конец XIV – первая половина XVI века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 11.10.2020).

[Слово о законе и благодати, 2000](#) – Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 2000. Т.1. XI–XII века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 10.10.2020).

[Философский словарь](#) – Философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Соборность (дата обращения: 03.10.2020).

[Larionova, Tishchenko, 2019](#) – *Larionova M.Ch., Tishchenko A.S.* The Theme of «The Russian World» in the Old Russian Literature // *Russkaya Starina*. 2019. № 10(2). Pp. 86-94.

References

[Asonov, 2008](#) – *Asonov, N.V.* (2008). «Vtoroi Izrail'» ili «Tretii Rim» [“The second Israel” or “the third Rome”]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 6: 180-185. [in Russian]

[Filosofskii slovar'](#) – *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. [Electronic resource]. URL: <http://filosof.historic.ru/enc/index1.shtml> (date of access: 03.10.2020). [in Russian]

[Gol'dberg, 1974](#) – *Gol'dberg, A.L.* (1974). Tri «poslaniya Filofeya» [Three “letters of Philotheus”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. In 65 vols. Vol. 29. L.: Nauka, pp. 68-97. [in Russian]

[Gromov, 1997](#) – *Gromov, M.N.* (1997). *Struktura i tipologiya russkoi srednevekovoi filosofii* [The structure and typology of Russian medieval philosophy]. M.: Institut filosofii Rossiyskoy Akademii nauk, 289 p. [in Russian]

[Larionova, Tishchenko, 2019](#) – *Larionova, M.Ch., Tishchenko, A.S.* (2019). The Theme of «The Russian World» in the Old Russian Literature. *Russkaya Starina*. 10 (2): 86-94. [in Russian]

[Lotman, Uspenskii, 1982](#) – *Lotman, Yu.M., Uspenskii, B.A.* (1982). Otvzuki kontseptsii «Moskva – tretii Rim» v ideologii Petra pervogo (k probleme srednevekovoi traditsii i kul'ture barokko) [Echoes of the concept “Moscow – the third Rome” in the ideology of Peter the Great (to the problem of medieval tradition and baroque culture)]. *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [The artistic language of the Middle Ages]. M.: Nauka, pp. 236-249. [in Russian]

[Nikolaeva, 2009](#) – *Nikolaeva, N.V.* (2009). “Moskva – tretiy Rim” – artikulyatsiya russkoy idei [“Moscow is the third Rome” – articulation of the Russian idea]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 7(27): 78-82. [in Russian]

[Parilov, 2003](#) – *Parilov, O.V.* (2003). Poslanie startsa Filofeya i mesto Rossii sredi drugikh gosudarstv [The message of Elder Philotheus and the place of Russia among other states]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1. 14-19. [in Russian]

[Poslaniya startsa Filofeya, 2000](#) – *Poslaniya startsa Filofeya* [The Epistles of Elder Philotheus]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol 9. End of the XIV – first half of the XVI c. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (date of access: October 11, 2020). [in Russian]

[Slovo o zakone i blagodati, 2000](#) – *Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona* [The Sermon on Law and Grace by Metropolitan Bishop Hilarion]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*. [The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (date of access: 10.10.2020). [in Russian]

[Zhukova, 2010](#) – *Zhukova, N.S.* (2010). Sushchnost' gosudarstvennoi ideologicheskoi kontseptsii «Moskva – tretii Rim» [The essence of the state ideological concept “Moscow is the third Rome”]. *Filosofiya prava*. 4(41): 115-118. [in Russian]

Идея «Москва – третий Рим» Филофея: к вопросу о формировании понятия «русский мир»

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}, Алексей Сергеевич Тищенко ^b

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Понятие «русский мир», активно используемое в различных областях науки, связано с различными общественными идеями. Одной из таких идей является «Москва – третий Рим», оформившаяся в посланиях старца Филофея. В настоящей статье анализируется влияние теории «Москва – третий Рим» на формирование и становление понятия «русский мир». Эта идея предполагает противопоставление Руси и западной и восточной цивилизаций, выводит оппозицию русского мира «нерусскому». Восприятие русского народа как последнего носителя православной государственности позволяет говорить об особом историческом значении России. Роль Москвы как центра, объединяющего православные народы духовно, добавляла авторитетности Русскому государству, находящемуся на этапе формирования и укрепления. Наличие единого сильного государства является одним из условий формирования понятия «русский мир». На основе посланий старца Филофея можно вывести ценности русского мира: наличие и суверенность государства, сакральность власти, духовность, соборность, мессианство. Идея «Москва – третий Рим» выдвигает строгие требования к правителю, представляющемуся идеальным главой, вбирающим лучшие качества русского мира. Таким образом, идея «Москва третий Рим» оказала воздействие на становление понятия «русский мир», вопрос о котором является перспективным для научных исследований.

Ключевые слова: русский мир, «Москва – третий Рим», православие, государство, сакральность власти, духовность, соборность, мессианство.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 91-98

DOI: 10.13187/rs.2020.2.91
www.ejournal15.com

The Images of the Peoples of the Don in Popular and Popular Literature of the second half of the 19th and early 20th centuries

Oleg A. Grom ^{a, *}

^a Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reflection of the ethnic diversity of the Don and the Azov region in popular geographical descriptions and textbooks on local history (homeland studies) of the second half of the 19th – early 20th centuries. Among all the ethnic groups of the Oblast of the Don Host, the Don Cossacks and Kalmyks attracted the greatest interest to the authors of this kind of publications, Cossacks due to their numerical dominance in the region, and Kalmyks due to their anthropological and cultural exoticism. At the same time, Little Russians, having a quarter of the region's population, often either remained out of sight of the authors, or were described extremely sparingly. The images of peoples in the studied literature were often extremely stereotyped, and descriptions moved from one book to another.

Keywords: Don region, ethnography, Cossacks, Kalmyks, Little Russians, textbooks, local geography.

1. Введение

В XIX в. сложился жанр популярных географических описаний, неотъемлемой частью которых были этнографические очерки. В последней четверти века к этим работам добавились книги по так называемому родиноведению – учебники краеведения, описывающие природу, население и хозяйство отдельных губерний.

Область войска Донского (далее – ОВД) в ряду других губерний и областей Российской империи была охвачена процессом этнографического и географического описания слабо. В первой половине – середине XIX в. население Области было описано в работах военных статистиков ([Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1850](#); [Краснов, 1863](#)). К середине XIX в. стали появляться также работы как местных краеведов-любителей, так и профессиональных географов из Донского статистического комитета ([Рудиченко, 2004](#)). Наиболее полной и авторитетной работой такого рода считается «Статистическое описание Области войска Донского», изданное в 1884 г. секретарем Донского Статистического комитета С.Ф. Номикосовым ([Номикосов, 1884](#)). Однако при этом в ОВД фактически вплоть до революции не существовало официального учебника по местной географии – «родиноведению». Первые попытки написания подобных работ были предприняты только в 1910-х гг.

* Corresponding author
 E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

2. Материалы и методы

Источниковой базой для написания статьи послужили популярные и учебные издания второй половины XIX – начала XX вв., в которых описывались народы, населявшие в то время ОВД. Источники можно разделить на три группы: географо-этнографические описания, популярные издания «для народа» и учебники для школ. Они отличались целевой аудиторией, но глубина проработки этнографического материала была в них невелика, а отдельные сюжеты и описания кочевали из одной книги в другую. В отличие от узкоспециальной и научной литературы, популярные издания и учебники были рассчитаны в первую очередь на массового читателя. И именно они, наряду с публикациями в периодической печати, формировали у подданных Российской империи представление об этнической географии и этническом разнообразии страны и отдельных ее регионов. Эти издания можно разделить на три группы: географические очерки и этнографические альбомы; популярные издания «для народа» и учебные пособия.

3. Обсуждение и результаты

В вышедшем в 1874 г. учебном пособии российского географа и педагога М.С. Мостовского «Этнографические очерки России» упоминаются практически все этнографические группы, населявшие Донскую область. Описание малороссов у Мостовского довольно типично для этнографической литературы XIX в. (Мостовский, 1874: 10). Донских казаков Мостовский выделяет в отдельную группу, насчитывавшую по его данным около 300 тысяч душ. Казаки состоят из «удальцов», бежавших из разных районов Великой и Малой России на Дон. О них он пишет в основном в историческом контексте. Особо он отмечает нетерпимость к мусульманам (Мостовский, 1874: 28). Нравственность казаков, по Мостовскому, – это смесь пороков и добродетелей (Мостовский, 1874: 29).

Описывая внешний облик казаков, Мостовский разделяет их на верховых и низовых, которые отличаются как антропологическим обликом, так и нравами. Верховые казаки – блондины, крепкие, выносливые, говорят по-русски и занимаются хлебопашеством, деньги не пускают в оборот. Низовые, напротив, брюнеты, менее крепкого сложения, говорят с примесью малороссийских слов; у них нет простоты нравов, «они проворны, как и все южные народы» (Мостовский, 1874: 30).

Второй народ ОВД, упомянутый в книге Мостовского, – это калмыки. Наиболее характерной чертой калмыков, отмечаемой практически всеми авторами, выступала их внешность: «в калмыке нетрудно узнать настоящего монгола». Описание быта и нравов калмыков у Мостовского преимущественно пренебрежительное. По природе калмык простодушен, неопрятен, ленив и суеверен. На последнем недостатке автор акцентирует особое внимание – калмык даже комара убить не может без совета «колдуна», т.е. буддистского священника. Из прочих пороков, присущих калмыкам, Мостовский упоминает страсть к пьянству, воровству и азартным играм (Мостовский, 1874: 48).

Среди других народов, проживавших на Дону, Мостовский упоминает армян, которых по образу жизни и нравственным качествам он сравнивает с евреями. Подобно евреям армяне нигде не утрачивают свою национальность (Мостовский, 1874: 104). Там, где они живут вне городов, их деревни грязны, около Нахичевани – повсеместная беднота. Армянские купцы сделались скрытными и недоверчивыми, а торговля упоминается как главная страсть армян (Мостовский, 1874: 105).

В издании «Народы России. Этнографические очерки» журнала «Природа и жизнь» из народов, населявших ОВД, упоминаются только калмыки. Подчеркивалось, что калмыки ведут полудикий образ жизни, в их облике резко сказывается монгольский тип (Народы России. Этнографические очерки, 1880: 443). Они мужественны и отважны, их главная страсть – это лошади. Причем даже женщины – хорошие наездницы.

Как и другие авторы того времени, составители очерков отмечают нечистоплотность калмыков, что объяснялось их кочевым образом жизни. Но, по мнению авторов, нечистоплотность калмыков относительная, а из-за общения с русскими и поездок в города чистота и роскошь входят в их быт. Заключается очерк о калмыках следующим выводом: «Говоря вообще, народ этот, несмотря на некоторую необузданность и дикость, добродушен, миролюбив в житейских сношениях, гостеприимен, сильно предан своей религии и властям,

и привязан к старинным обычаям, что впрочем, не исключает в нем способности к образованию» ([Народы России. Этнографические очерки, 1880: 446](#)).

В 1880 г. картографическое издательство Ильина выпустило альбом, посвященный народам России, содержащий изображения 45 народных типов, сопровождавшихся описанием. Во многом составители альбома опирались на изданный в 1862 г. альбом "Les Peuples de la Russie" («Народы России») Ф.Х. Паули. Донские казаки как группа в альбоме отсутствуют. Про малороссов сказано, что они частично населяют Донскую область. Кроме того, упоминается, что Дон служил конечной точкой одного из маршрутов чумаков – малороссов, занимавшихся торгово-перевозным промыслом ([Народы России. Живописный альбом, 1880: 41](#)). Образ малоросса в альбоме достаточно позитивный. Как и все земледельческие народы, малороссы имеют добрый, тихий нрав, привязаны к своей родине. Они стоят на высоком нравственном уровне, а пороки между ними почти не встречаются. Из недостатков малороссов авторы выделяют лень, однако и этот стереотипный порок объясняется спецификой земледельческого труда – необходимостью работать без отдыха в течение земледельческого сезона, а затем компенсировать это. Наружность малоросса характеризует приближенность к «азиатскому типу», что проявляется в темноглазии, темноволосости и смуглости ([Народы России. Живописный альбом, 1880: 18-19](#)).

Упоминаются в «Живописном альбоме» и донские армяне, про которых авторы сообщают, что они поселились близ Ростова, в Нахичевани. Отличительными чертами их характера выступали хитрость, обман, сокрытие мыслей, льстивость. Но в то же время они были склонны получать хорошее образование и предприимчивы ([Народы России. Живописный альбом, 1880: 414-415](#)).

На рубеже XIX и XX вв. получил распространение жанр «чтений для народа». Наибольшую известность приобрела изданная писателем Н.А. Александровым серия брошюр, объединенных заголовками «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет?» и «Народы России. Этнографические рассказы для детей». В 1899 г. вышла книга Александрова «Казаки: Донцы и уральцы». Автор подчеркивал, что казаки на Дону и Урале – это потомки беглых из Малороссии, России, Польши и Турции ([Александров, 1899: 5](#)). Образ казака у Александрова – это образ человека, связанного с лошадей, «потому-то и главное достояние, и главный промысел донцов, – это табуны лошадей, рогатый скот и овцы». Особенно это было актуально для казаков, живших в задонских степях. Вторым по значимости промыслом, обеспечивавшим доход казакам, называлось рыболовство, характерное для низовьев Дона и побережья Азовского моря ([Александров, 1899: 10-11](#)). Среда обитания казаков описывается как райский уголок: «Там всего вдоволь, всего в изобилии» ([Александров, 1899: 16](#)).

В брошюре Александрова, посвященной калмыкам, этот народ описывался как потомки монголов, заселившие степи между Доном и Волгой ([Александров, 1901: 3](#)). Основные занятия калмыков – коневодство, скотоводство, соляные промыслы. Калмыки считались лучшими скотоводами, их охотно нанимали в пастухи ([Александров, 1901: 15](#)). По характеру калмыки изображались как «народ способный, переимчивый, выносливый, терпеливый, а также здоровый и сильный» ([Александров, 1901: 16](#)).

Как и большинство других авторов, Александров подчеркивает типичную азиатскую внешность: «С лица калмык тот же монгол: он, как дразнит его русский народ: "Ай, молодца, широка лица, глаза узенька, нос пятка"» ([Александров, 1901: 17](#)). Отмечает Александров патриархальный уклад, гостеприимство, добродушие и миролюбие калмыков. В целом, «при их способностях и выносливости в труде они были бы весьма полезным народом для государства во всех отношениях, но они, как мы видели, нищают, вследствие тягостных условий их голой по преимуществу песчаной степи» ([Александров, 1901: 43](#)).

В начале XX в. Русское географическое общество начало издание многотомного труда «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» под редакцией П.П. Семенова Тян-Шанского. Каждая книга содержала рассказ об этнографии описываемого региона. В 1910 г. вышел 14 том издания «Новороссия и Крым», в котором описывались южные окраины Российской империи, в том числе и Область войска Донского. Этнографический очерк для этого тома был написан Я.Ф. Ставровским. По сравнению с описанием Новороссии, Крыма и даже Ставропольской губернии сведения об этнографии Дона, приведенные в книге, довольно скудны.

Так, малороссийское население области вообще не упоминается (на фоне подробного описания по другим губерниям). Как и в большинстве более ранних изданий, из этнографических групп подробно описываются казаки и калмыки. Из диаспорных народов Дона упоминаются только немцы, и то при подписи к фотографии (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 210).

Как и в других работах, в «Полном географическом описании» казаков делят на верховых и низовых. Верховые казаки – потомки великороссов, как и все казаки, они среднего роста, крепкого сложения, с русыми волосами, «выносливы и долговечны». Низовые казаки – смешанного происхождения, они смуглые, темноглазые и темноволосые. Объясняется такое различие тем, что низовые казаки брали в жены пленных южанок (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 190). Характер верховых казаков, согласно составителям описания, более «консервативный», чем у низовых, они менее тщеславны. Говор у них типичный южно-великорусский, но с некоторыми особенностями, среди которых выделяется яканье. У низовцев же «рязанский говор» «подавлен» малороссийскими и татарскими словами (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 191).

Говоря о быте казаков, Ставровский, вопреки бытовавшим в тот период представлениям, говорит о подчиненном положении женщин-казачек и патриархальности нравов: «внутрисемейный быт казаков раньше носил деспотичный характер». Семейная жизнь у них регулировалась Священным писанием и Домостроем. Впрочем, в последнее время, – отмечал автор, – «нравы смягчились» (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 193-195).

По данным составителей «Полного географического описания» в ОВД насчитывалось 32 300 калмыков, которые были приписаны к казачьему сословию. Для службы калмыков распределяли в чисто казачьи полки, где они, однако, освобождались от строевой службы, и занимали должности табунщиков. «Метисация» с казаками не сильно сказалась на внешнем облике калмыков, которые сохранили монгольский тип. Влияние русских (казаков) сказалось главным образом в быте и одежде (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 226-227). При этом автор отмечал, что, несмотря на соседство с русскими, калмыки не были склонны к оседлой жизни (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910: 228).

Накануне Первой мировой войны появились две небольших книжки, которые должны были послужить прообразом учебника региональной географии. В вышедшей в 1912 г. брошюре секретаря Войска донского областного статистического комитета З.И. Щелкунова значительная часть текста была посвящена описанию населения, прежде всего в демографическом отношении. Из почти трех миллионов человек, населявших по данным автора Область, 98 % составляли русские, к которым причислялись великороссы, казаки и малороссы; остальные жители Донской области – калмыки, татары, армяне и немцы (Щелкунов, 1912: 42). Русские живут по всей Области, калмыки – в задонских степях, армяне в некоторых местностях Таганрогского и Ростовского округов, татары – около Новочеркасска (Щелкунов, 1912: 43).

Десятая часть книги посвящена описанию нравов и жизни казаков. Хотя казаки и происходят от «русского корня», на их наружность оказали влияние другие народы, что привело к формированию «чисто казачьей наружности, отличающейся от наружности великороссов и малороссов» (Щелкунов, 1912: 15). В целом автор описывает внешность казаков как людей среднего роста, крепкого телосложения, обладающих большой физической силой. Они смуглы и темноволосы. Разница между низовыми и верховыми казаками заключается в их характере: низовые любят погулять и пофрантовать, а верховые – «берегут денежку» (Щелкунов, 1912: 45).

Наиболее характерными отличительными чертами казаков по Щелкунову выступают религиозность, любовь к царю и родине. Отдельную казачью «добродетель» составляет чинопочитание (Щелкунов, 1912: 49-50). Казак-воин – смелый, находчивый, стойкий и дисциплинированный. В семейном быту у казаков важную роль играет женщина, которая по домашним вопросам равна мужчинам. Членство в общине и взаимопомощь – важные особенности характера казаков. Это объясняется автором укладом жизни древнего

казачества. Образ казака у Щелкунова – это классический образ воина-земледелца (Щелкунов, 1912: 51-52).

Традиционно для этнографических описаний ОВД заметное место в брошюре Щелкунова отводится калмыкам. Автор отмечает, что они принадлежат к монгольскому племени и во внешнем облике имеют все его типичные черты. По вероисповеданию калмыки – «язычники». Автор отмечает переход от кочевого образа жизни к оседлому, что, по его мнению, является положительным следствием учреждения калмыцких станиц. Однако образование калмыков стоит на низком уровне, и в целом они остаются «почти такими же полудикарями, какими они вышли из глубины азиатских степей, и цивилизация коснулась их, так сказать, внешним образом» (Щелкунов, 1912: 54).

Следующую группу населения составляют «крестьяне». Они живут по всей области, но составляют большинство в Таганрогском и Донецком округах. Почти все крестьяне по происхождению малороссы и «ведут такой же образ жизни, как их сородичи, оставшиеся в Малороссии». На подробностях их быта и характера автор не считает нужным останавливаться. Затем Щелкунов упоминает немцев и татар. Эти группы живут отдельными колониями и сохраняют свой «национальный образ жизни». Говоря об армянах, автор называет их «сельскими обывателями», которые занимаются исключительно земледелием, а «устройство их жизни такое же, как у русских крестьян» (Щелкунов, 1912: 56).

В целом описание Щелкунова повторяет в сжатом виде этнографический очерк из статистического описания ОВД Номикосова, но с «обновленной» статистикой. От других работ «Краткий географический очерк» отличает пассаж про исключительный патриотизм донских казаков.

В 1913 г. вышла книга И.Ф. Полякова «География Области Войска Донского: Краткое учебное пособие по родиноведению для школ». Низовые казаки, по мнению автора, – самые древние поселенцы на Дону. Среди них было много выходцев из Украины, поэтому они сохранили многие особенности запорожских казаков. Поляков, как и другие авторы, отмечает характерные черты внешности низовых казаков: смуглую кожу, темные волосы и черты характера – храбрость, ловкость, большую чистоплотность, чем у верховых. Эта довольно типичная характеристика, в литературе XIX в. приписываемая малороссам в сравнении с великороссами, вероятно, была перенесена на их «потомков» – низовых казаков. Верховые казаки – позднейшие поселенцы, их переселение Поляков связывает с церковным расколом конца XVII в. Среди характерных черт он называет русый цвет волос, серые глаза и сильно искаженное великорусское наречие (Поляков, 1913: 12).

Из-за плодородия земли «казаки издавна земледелие предпочитают всем другим промыслам и ремеслам». Но из-за осушения и измельчания наделов казаки начали пускать деньги в оборот мелких предприятий, хотя в предпринимательстве они часто проигрывают более предприимчивым великороссам. Помимо земледелия автор упоминает среди казачьих промыслов скотоводство, поскольку «казаки в старину вели полукочевой образ жизни» (Поляков, 1913: 13-14).

Поляков выделяет 30 000 калмыков, живущих в Сальском округе и приписанных к войсковому сословию. Ранее они были кочевниками, «разделяя с казаками все невзгоды боевой жизни, участвовали в походах; теперь же они живут оседло в 12 станицах» (Поляков, 1913: 11). Занимаются калмыки скотоводством, но в последнее время, отмечает автор, «и земледелие делает у них значительные успехи» (Поляков, 1913: 58).

Полиэтническое население городов Поляков только упоминает: в городах ОВД он называет греков, армян и болгар (Поляков, 1913: 12). Ростовский округ населен крестьянами, а не казаками, а в самом городе живут евреи, армяне, греки и немцы. Характерной чертой Ростова-на-Дону он называет «наплыв инородцев». Нахичевань населена армянами, и по этой причине город красивее и чище Ростова, в нем много школ (Поляков, 1913: 49-51). Таганрогский округ населен «крестьянами»; этническую принадлежность этих крестьян автор не конкретизирует. В самом же городе 88 % населения составляют русские, однако вся торговля сосредоточена в руках евреев, армян и греков (Поляков, 1913: 55).

Определенный интерес представляет вышедшая в 1912 г. книга «Приазовье и Дон», написанная известным донским журналистом и общественным деятелем А.М. Грековым. Большинство народов Дона (за исключением великороссов, малороссов и казаков), прежде

всего армян, евреев и немцев, Греков рассматривает сквозь призму тезиса об «экономическом засилье» инородцев. Соответственно сами эти народы награждаются порой неожиданными, но в конечном итоге негативными характеристиками. Весьма характерный пример представляет описание донских немцев-колонистов: «Немец давит надменностью, презрением к мужику, давит своим богатством, своею чистотою, своим отказом отдавать излишек земли в аренду; давит своею честностью, словом, именно своими всеми положительными тевтонскими качествами, за которые немцев у нас, да и везде в мире, уважают и боятся, но... никто в душе не любит» (Греков, 1912: 141).

Казачков же Греков, напротив, описывает подробно и с нескрываемой симпатией. Прежде всего, он подчеркивает их «русскость»: «за 350 лет, донцы, ассимилировав в себе различные народности, были и остаются глубоко русскими людьми, хотя и до сих пор еще спрашивают и говорят: “вы русский?”, “вы из России?”, “женаты на русской?”» (Греков, 1912: 173).

Как и большинство ранее упомянутых авторов, Греков делит казаков на верховцев и низовцев. Первые, по его мнению, сохранили «настоящий, неисковерканный русский язык, – здесь говорят, как пишут». Вторые «шепелявят и сюсюкаются» («просю», «чайкю», «барышня», «у церкви били» и т.д.). Среди «отклонений» в речи верховых казаков он называет яканье и склонность переводить существительные среднего рода в женский («земство – она», «областное правление – она» и т.п.) (Греков, 1912: 173). Отмечает Греков и пренебрежительное отношение низовцев к верховцам, объясняя это «большой культурностью»: «Низовцы и щеголеватее, и красивее, и дома у них понаряднее, и жизнь ведут они скорее городскую, и едят лучше» (Греков, 1912: 174).

Говоря о положении женщин, Греков отмечает, что они, особенно у низовых казаков, в большей степени подверглись модернизации: традиционный женский костюм, «кубелек» исчез; «казачки стали “барышнями” и дамами. Мужчины остались те же». Греков отвергает измышления «доморощенных столичных публицистов» о распущенности нравов казачек, хотя и признает, что ввиду условий службы казака, незаконные связи имели и имеют распространение (Греков, 1912: 175). Положение полов он, в отличие от ряда проанализированных авторов, описывает как равноправное: «Между мужем и женой, мужчиной и женщиной здесь полное равноправие, не то, что у крестьян. Казак не знал крепостного права, казачка не знала неволи и теремов» (Греков, 1912: 176).

4. Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Наибольший интерес для авторов популярной и учебной литературы, писавших об ОВД, представляли казаки. Особенно это было характерно для местных авторов. О происхождении казаков высказывались самые различные версии, число которых почти равно числу проанализированных работ. Более или менее схожими были описания внешности, быта и нравов казаков, хотя встречались и заметные разночтения, например, в вопросе о положении женщины в казачьей семье. Вторым народом Дона, привлекавшим внимание авторов, были калмыки. В их образах чаще всего доминировали ориенталистские мотивы, особенно в описании внешности, быта и религии. Практически все авторы заостряли внимание на кочевом образе жизни калмыков, даже в начале XX в., когда традиционный уклад был уже заметно подорван. Малороссы, хотя и составляли четверть населения ОВД, редко попадали в поле зрения авторов, специально писавших о Донском крае. Их описания можно встретить в обобщающих работах, чаще всего без привязки к Области. Местные авторы зачастую включали их в группу «крестьяне», или «иногородние», противопоставляя тем самым казакам. Прочие народы, такие как немцы, греки, армяне, чаще всего просто упоминались, без конкретизации их быта и «характера». За рамками внимания популяризаторов этнографии также, как правило, оставалось космополитное и полиэтническое население городов, таких как Таганрог, Нахичевань и Ростов-на-Дону. В целом ОВД представлялась как чисто казачий регион, хотя к началу XX в. казаки составляли менее половины ее жителей.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Литература

Александров, 1899 – Александров Н.А. Казаки: Донцы и уральцы. М.: Издание А.Я. Панафикина, 1899. 60 с.

Александров, 1901 – Александров Н.А. Степи. Калмыки. Чтение для народа. М.: Издание А.Я. Панафикина, 1901. 61 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1852 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11: Новороссийские губернии, Бессарабская область и Земля Войска Донского. Ч. 5. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1852. 234 с.

Греков, 1912 – Греков А.М. Приазовье и Дон (Очерки общественной и экономической жизни края). СПб.: Общественная польза, 1912. 208 с.

Краснов, 1863 – Краснов Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земли Войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. 596 с.

Мостовский, 1874 – Мостовский М. Этнографические очерки России (учебное пособие). М.: Катков и Ко, 1874. 152 с.

Народы России. Живописный альбом, 1880 – Народы России. Живописный альбом. СПб.: Общественная польза, 1880. 572 с.

Народы России. Этнографические очерки, 1880 – Народы России. Этнографические очерки. СПб.: Общественная польза, 1880. 648 с.

Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1884. 762 с.

Поляков, 1913 – Поляков И.Ф. География Области Войска Донского: Крат. учеб. пособие по родиноведению для школ. Борисоглебск: Паровая типо-лит. А.В. Безобразова, 1913. 58 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1910 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб.: А.Ф. Девриен, 1910. 983 с.

Рудиченко, 2004 – Рудиченко Т.С. Любительское краеведение в Области войска Донского в XVIII – начале XX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 г.: материалы Северокавказской науч. конф. Дикаревские чтения (10). Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://fstanita.ru/?q=culture/lyubitelskoe-kraevedenie-v-oblasti-voiska-donskogo-v-xviii-nachale-xx-veka> (дата обращения: 12.08.2020).

Щелкунов, 1912 – Щелкунов З.И. Область войска донского. Краткий географический очерк. Новочеркасск: Эл.-тип. Ф.М. Туникова, 1912. 105 с.

References

Aleksandrov, 1899 – Aleksandrov, N.A. (1899). Kazaki: Dontsy i ural'tsy [The Cossacks: the Dontsy and Uraltzy]. M.: Izdanie A.Ya. Panafidina, 60 p. [in Russian]

Aleksandrov, 1901 – Aleksandrov, N.A. (1901). Stepi. Kalmyki. Chtenie dlya naroda [The Steppes. Kalmyks. Readings for Simple People]. M.: Izdanie A.Ya. Panafidina, 61 p. [in Russian]

Grekov, 1912 – Grekov, A.M. (1912). Priazov'e i Don (Oчерki obshchestvennoi i ekonomicheskoi zhizni kraja) [The Azov and Don Region (Essays on Social and Economic Life of the Land)]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 208 p. [in Russian]

Krasnov, 1863 – Krasnov, N. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemli Voiska Donskogo [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Land of the Don Host]. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 596 p. [in Russian]

Mostovskii, 1874 – Mostovskij, M. (1874). Etnograficheskie oчерki Rossii (uchebnoe posobie) [Ethnographic Sketches of Russia (Study Guide)]. M.: Katkov i Ko, 152 p. [in Russian]

Narody Rossii. Etnograficheskie oчерki, 1880 – Narody Rossii. Etnograficheskie oчерki [Peoples of Russia. Ethnographic Essays]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1880. 648 p. [in Russian]

Narody Rossii. Zhivopisnyi al'bom, 1880 – Narody Rossii. Zhivopisnyi al'bom [Peoples of Russia. Scenic Album]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1880. 572 p. [in Russian]

[Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti voiska Donskogo [Statistical Description of the Land of the Don Host]. Novocherkassk: Oblastnaya Voiska Donskogo tipografiya, 762 p. [in Russian]

[Polyakov, 1913](#) – *Polyakov, I.F.* (1913). Geografiya Oblasti Voiska Donskogo: Krat. ucheb. posobie po rodinovedeniyu dlya shkol [Geography of the Land of the Don Host: Short Tutorial on Homeland Studies for Schools]. Borisoglebsk: Parovaya tipo-lit. A.V. Bezobrazova, 58 p. [in Russian]

[Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva, 1910](#) – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei. T. XIV. Novorossiya i Krym [Russia. Full Geographical Description of our Fatherland. Handbook and Road Book for Russian People. Vol. XIV. Novorossia and Crimea]. SPb.: A.F. Devrien, 1910, 983 p. [in Russian]

[Rudichenko, 2004](#) – *Rudichenko, T.S.* (2004). Lyubitel'skoe kraevedenie v Oblasti voiska Donskogo v XVIII – nachale XX veka [Amateur Local Geography in the Oblast of the Don Host in XVIII – Early XX Century]. Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2003 g.: materialy Severokavkazskoi nauch. konf. Dikarevskie chteniya (10) [Electronic Resource]. URL: <http://fstanitsa.ru/?q=culture/lyubitelskoe-kraevedenie-v-oblasti-voiska-donskogo-v-xviii-nachale-xx-veka>. Data obrashheniya 12.08.2020 g. (date of access: 22.10.2020). [in Russian]

[Shhelkunov, 1912](#) – *Shhelkunov, Z.I.* (1912). Oblast' voiska donskogo. Kratkii geograficheskii ocherk [The Oblast of Don Host. Brief Geographical Outline]. Novocherkassk: El.-tip. F.M. Tunikova, 105 p. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение Россииской империи, 1852](#) – Voенно-статистическое обозрение Россииской империи. T. 11: Novorossiiskie gubernii, Bessarabskaya oblast' i Zemlya Voiska Donskogo [Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 11: Gubernias of Novorossia, Bessarabian Oblast and the Land of the Don Host]. Part. 5. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1852, 234 p. [in Russian]

Образы народов Дона в популярной и учебной литературе второй половины XIX – начала XX вв.

Олег Андреевич Гром ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется отражение этнического разнообразия Дона и Приазовья в популярных географических описаниях и учебных пособий по краеведению (родиноведению) второй половины XIX – начала XX вв. Из всех этнических групп Области войска Донского наибольший интерес авторов подобного рода изданий вызывали донские казаки и калмыки, первые из-за численного доминирования в регионе, вторые из-за антропологической и культурной экзотичности. В то же время составлявшие четверть населения Области малороссы часто либо оставались вне поля зрения авторов, либо описывались крайне скупно. Образы народов в исследуемой литературе часто были крайне стереотипными, а описания кочевали из одной книги в другую.

Ключевые слова: Дон, этнография, казаки, калмыки, малороссы, учебники, краеведение.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 99-108

DOI: 10.13187/rs.2020.2.99
www.ejournal15.com

Adaptation of the Don Cossacks to Post-War Life (1920)

Andrey V. Venkov ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The Don Cossacks were devastated during the Civil War and sought to get out of the war and come to terms with the new government. The Northern districts, which suffered heavily from the war, were particularly eager to do this. The Soviet government began to create new authorities from Pro-Soviet Cossacks, and the whites, who surrendered, were included in the Red army and sent to the front against the Poles and Wrangel. However, the Cossacks did not quickly adapt to the Soviet regime. The government did not trust most of the Cossacks, and the Cossacks were dissatisfied with the food policy of the Bolsheviks. There were no open uprising of the Cossacks on the Don in 1920, since the combat-ready Cossacks were either in the Red army or in the troops of General Wrangel. But the situation became explosive again, when the fighting on the fronts ended, and the Cossacks, who served in the Red army learned about the food policy, pursued by the authorities on the Don. Isolated actions of Red army units against the government began. The Don Cossacks did not adapt to post-war life in 1920. A new stage of relations between the Cossacks and the authorities was coming.

Keywords: Don Cossacks, Civil War, Soviet power, adaptation, food policy, 1920.

1. Введение

Выход из Гражданской войны для донских казаков, большинство которых воевало на стороне белых, был очень болезненным. В ходе войны казаки понесли значительные потери, их территория, ставшая ареной боев более чем на два года, была разорена. Противостоять Красной армии, не имея собственных заводов, производящих в достаточном числе оружие и боеприпасы, казаки не могли. Гражданская война на Юге России, по мнению большинства историков, закончилась в конце 1920 г. Но с территории Дона белые армии были вытеснены зимой 1919–1920 гг. Последнее сражение на донской территории у станицы Егорлыкской произошло 1 марта 1920 г. Сложившаяся ситуация, когда большинство боеспособных казаков оставило свою разоренную территорию, заставляла их искать примирения с победившими большевиками и адаптироваться к новым условиям жизни.

2. Материалы и методы

Проблемы выхода населения из войн, имевших место на Юге России, были отражены в недавно вышедшей работе «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия» (Войны и население, 2019).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (A.V. Venkov)

Непосредственно о событиях 1920 г. на Дону в последнее время писалось в работах С.А. Кислицына (Кислицын, 2015) и О.В. Рвачевой (Рвачева, 2017). Авторы обобщили труды предшественников, но не раскрыли некоторые детали политики власти на Дону, когда при формировании органов власти ставка делалась на красное казачество.

Большой материал по исследуемой теме содержится в материалах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Ростовской области, в советской печати того периода.

Опираясь на принцип историзма и используя сравнительный и антропологический методы, автор прослеживает процесс адаптации донских казаков к жизни в новых условиях и причины срыва этой адаптации.

3. Обсуждение и результаты

Разделение казаков на красных и белых имело на Дону скорее территориальную, чем классовую окраску. На стороне красных выступила часть казаков Хоперского, Усть-Медведицкого и 2-го Донского округов. Особенностью этих северных округов было то, что экономически они были тесно связаны не столько с Ростовом и Новочеркасском, сколько с городами Воронежской и Саратовской губерний (Воронеж, Царицын). Казачий отдел ВЦИК отмечал, что «в станице Михайловской Хоперского округа все богатые казаки находились в рядах Красной армии, а беднота на противоположной стороне» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 51). Особенно четко территориальное разделение просматривалось во 2-м Донском округе. Левобережные станицы здесь считались «советскими», их населяли казаки, «которые составляют лучшие полки в армии тов. Буденного» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 282 об.). Правобережные станицы считались «белогвардейскими». Соотношение представителей «советских» и «белогвардейских» станиц на «Беспартийной конференции» 29 августа 1920 г., куда большевики пригласили беспартийных активистов, чтобы выяснить отношение населения к новой власти, было 24 к 34 (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 283 об.). Остальные донские округа дали в Красную армию гораздо меньше казаков. Из Верхне-Донского округа в 1918 г. ушли в Красную армию единицы.

К концу 1919 г., после того, как фронт прокатился по 6–8 раз по северным казачьим округам, белые казаки этих округов заколебались. Так, казаки станицы Филоновской на станичном сборе 6 октября 1919 г. приняли резолюцию «поддерживать советскую власть и вождей трудового народа» и просили прощения за борьбу против советской власти (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 59).

Созданный для организации советской власти на Дону Донской комитет РКП(б) докладывал 22 октября 1919 г.: в Хоперском округе 60 % мужского населения бежало с белыми. Настроение казачества по отношению к советской власти было пассивным: «В северных станицах после вторичного занятия их белыми почти все население осталось на местах, из них много солдат, служивших в белой армии. В южных станицах настроение казачества весьма напряженное» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 11а). В Усть-Медведицком округе ситуация была лучше: «Настроение в округе удовлетворительное, есть возможность путем разъяснения и агитации получить желательные результаты» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 11а).

Желая выйти из войны, казаки послушно повторяли агитационные лозунги большевиков. Так, 28 декабря 1919 г. съезд представителей станицы Кременской и 21 хутора заявил: «Советская власть борется за освобождение казачества от пауков коннозаводчиков и царских генералов, которые хотят отнять землю у трудовых казаков» (Борьба за власть Советов, 1957: 495). Хотя в районе Кременской не было конных заводов, а земельные проблемы царских генералов на Дону были решены еще при царской власти.

Однако Донской комитет казачьим резолюциям не доверял и выступил против проведения зимой 1919–1920 гг. казачьего съезда в Донской области (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 3).

К весне 1920 г. борьба на Дону была решена военным путем. Белые были прижаты к Черному морю. Примерно три четверти донских казаков, служивших у белых, были брошены на Черноморском побережье. Четвертая часть вместе с «добровольцами» ушла в Крым. Брошенным на берегу донским казакам объявлялась амнистия (кроме военных

преступников), казаки, не достигшие возраста в 34 года, зачислялись в Красную армию и отправлялись на Западный и Юго-Западный фронты против поляков.

Донские беженцы, отступавшие на Кубань со всем имуществом и скотом, тоже были брошены белыми на берегу Черного моря. Домой они вернулись уже без скота, бросили его на Кубани. Появилась поговорка «Кубань сына женила, а Дон приданое давал» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 184).

Не уходившие в отступление казаки смогли засеять весной 1920 г. лишь часть земли. Станицы Трехостровянская и Голубинская засеяли половину площадей от посевов 1918 г., Пятиизбянская – треть, а Верхне-Чирская и Нижне-Чирская – четверть площадей (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 184). Казачий отдел ВЦИК считал, что у казаков «сдвиг политического сознания произошел на почве тяжелых материальных жертв, в условиях гражданской войны исключительных для некоторых казачьих областей, например, Донского, Оренбургского (так в документе. – А.В.)» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10).

Лидер донских большевиков С.И. Сырцов обвинял в хозяйственной разрухе самих казаков: «В хозяйственном отношении наиболее пострадал из числа тех округов, в которых пришлось побывать, – Верхне-Донской округ, который весной минувшего года поднял восстание против Советской власти. Это восстание помешало своевременному засею полей... Убеждение оставшихся в Верхне-Донском округе казаков таково, что именно восстание привело их к таким печальным последствиям» (Положение в Донской области, 1920: 2)

И все же большинство казачьего населения было радо, что война, ведущаяся на уничтожение, закончена, большинство старых казаков были распущены по домам, а молодежь зачислена в Красную армию. В итоге «в мае месяце даже наиболее контрреволюционные станицы принимали самые восторженные резолюции» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 284).

С этого момента намерения власти и настроения казаков стали постепенно расходиться по разным векторам. Казаки, воевавшие с 1918 г. в рядах Красной армии, надеялись реализовать свою победу и закрепиться в органах власти. В Революционный военный совет 9-й армии 31 декабря 1919 г. поступил рапорт из одной строевой части: «Доношу, что часть казаков, дезертировавших в разное время из Хоперского полка, в данное время состоят на советских должностях в Хоперском округе... По частным сведениям, хоперские советы являются гнездом для спасающихся в тыл не только казаков Хоперского полка, но и других, в особенности 124 полка 14-й дивизии» (РГВА. Ф. 7631. Оп. 1. Д. 19. Л. 14). Все остальные стремились восстановить разрушенное войной хозяйство

Власть демонстрировала благожелательность. Упор делался на агитацию, на превозношение красного казачества. 3 февраля газета «Советский Дон», искажая реальность, писала: «Красные казаки в союзе с рабочими и крестьянами всей Советской России освободили Тихий Дон от казачьего дворянства, донских и пришлых помещиков и капиталистов». (Организация Советской власти, 1920: 1).

На страницах «Известий» большевик Ю. Стеклов писал 27 февраля 1920 г. «Красный казак – это драгоценное завоевание истории. В его лице старый мир темноты и угнетения протягивает руку новому миру света, труда, свободы; трудом и жертвой красного казака искупается много старых грехов, открывается новое плодотворное будущее» (Седина, 1976: 174).

В начале 1920 г. ревкомы реорганизовались в исполкомы, в них стали включать местное население. Однако партийные верхи в это время продолжали смотреть на казаков как на мелких помещиков. Это было озвучено в марте 1920 г. на партийной конференции Ростовского, Таганрогского, Черкасского, Миллеровского округов Донской области (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 20), где подавляющее большинство составляло крестьянское население, относившееся к казакам враждебно. Об этом на первой Донской областной партийной конференции, проходившей 2–5 июня 1920 г., сказал старый большевик Митрофанов (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–72), впоследствии вошедший в высший орган советской власти на Дону – Донской исполком.

Однако на открытую конфронтацию с оставшимися на Дону казаками власть не шла. 25 марта 1920 г. вышел декрет о строительстве советской власти в казачьих областях, станицы приравнивались к волостям, при местных советах стали создавать казачьи секции. На казачьи области распространялись все земельные законы РСФСР. Но на уравнительный

земельный передел на Дону в 1920 г. большевики не пошли. Земли станиц они не тронули, национализировали и передали малоземельным казакам и крестьянам лишь частновладельческие, монастырские, церковные, запасные войсковые земли.

В то же время власть намеревалась «расслоить» основную массу казачества, вычленив из него часть, на которую большевики могли бы опереться. Заведующий информационного отдела Казачьего отдела ВЦИК Клунников докладывал: «Если крестьянство расслоилось еще в 1918 г., то казачество не проделало такого расслоения до сего времени. Если в крестьянстве выделились беднейшие и середняцкие слои, то казачество не оформило таких слоев» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 7).

Для расслоения казаков для начала надо было изолировать или даже ликвидировать авторитетную казачью верхушку. 8 апреля 1920 г. «Дончека предлагает всех бежавших и ныне возвращающихся офицеров Деникинской армии отправлять [к] этапным комендантам для отправления [в] глубокий тыл в концентрационные лагеря, полицейских чиновников, жандармов арестовывать и заключать в концлагерь для принудительных работ на сроки от 2 до 5 лет» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 516. Л. 36).

И, кроме того, власть была заинтересована в завоеванных территориях как в источнике продовольствия. Но для этого надо было организовать властный аппарат. Аппарат пытались организовать при помощи красных казаков, членов Казачьего отдела ВЦИК, подбор которых еще в 1918 г. был достаточно случаен. Тем не менее, на Дону в казачьих станицах они были известны, пытались устанавливать здесь власть в 1919 г., боролись с перегибами (как они их понимали).

5 января 1920 г. в Донскую область прибыли наиболее авторитетные члены Казачьего отдела М.П. Мошкарлов и Ф.Д. Чекунов. Михаил Петрович Мошкарлов – петроградский рабочий с завода «Гейслер и С», казак по происхождению, член партии с августа 1917 г., с 4 сентября 1918 г. был председателем Казачьего отдела ВЦИК (ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 3. Л. 69). Федор Данилович Чекунов – казак станицы Анненской, член партии с 21 января 1918 г. (со дня разгрома донского партизанского отряда полковника В. Чернецова), 42 лет (возраст, по казачьим понятиям, довольно солидный), прошел путь от вахмистра царской армии до члена Казачьего отдела ВЦИК, в январе 1918 г. вместе с Ф.Г. Подтелковым входил в Донской казачий военно-революционный комитет, 23 марта 1918 г. встречался с В.И. Лениным, докладывал ему о положении на Дону.

Но административные способности указанных красных казаков, видимо, оставляли желать лучшего, и их из отдела ВЦИК «бросили» всего лишь на руководство казачьим округом, но зато наиболее контрреволюционным – Верхне-Донским. Мошкарлов был назначен председателем Верхне-Донского окружного исполкома, а Чекунов возглавил там земельный отдел.

Позже проверяющий из центра отметил: «Мошкарлов – казак Донской области, член ВЦИК. Вполне оправдывает свое назначение, близко стоящий к быту и нуждам казачества, особых административных дарований в строительстве советской власти не имеет» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 14 об.). Когда власть «устоялась», М.П. Мошкарлов занял должность редактора окружной газеты.

4 февраля 1920 г. красные казаки 2-го Донского округа просили прислать к ним члена Казачьего отдела ВЦИК Козюбердина (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 60), бывшего казачьего офицера, который в 1918 г. командовал под Царицыном красным казачьим полком.

Но трое названных товарищей не были уроженцами тех мест, куда их назначали или приглашали. Мошкарлов был из Новочеркасска, Чекунов – из Анненской, Козюбердин – из Луганской станицы. Между тем оставшиеся в станицах казаки просили, чтобы к ним на руководящие должности прислали местных уроженцев. Донской комитет РКП(б) поддерживал такие настроения и просьбы. 8 марта 1920 г. Донком постановил направить в Верхне-Донской округ местного уроженца, красного казака И.Г. Мельникова (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 9а). Но И.Г. Мельников служил в штабе кавалерийской дивизии, и с переводом в округ возникли трудности. Окружные власти настаивали. 8 мая из округа в областной центр пришло ходатайство: «Верхне-Донской окружной исполком, исходя из соображений, направленных на усиление работы своих аппаратов, поставив во главу задач оказать как можно больше влияния на казачьи трудовые массы и до крайних пределов нуждаясь в казаках-работниках, ходатайствует перед Вами об оставлении

в распоряжении Окрисполкома казаков Еланской станицы, пользующихся большой популярностью среди населения т. Фомина Якова Ефимовича и Мельникова Ивана Григорьевича» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 598. Л. 28). В резолюции говорилось: «Разрешено. Если не состоят на военной службе» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 598. Л. 27).

Стремление передать власть своим уроженцам – красным казакам было на Дону общим. 3 июня 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК докладывали с мест: «Надо отметить, что казаки как раз стараются проводить в советы людей, хорошо знающих район» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 206).

То, что красных казаков, пытавшихся остаться в органах власти на родине, вновь забирали в ряды Красной армии, вызывало тревогу окружающих органов. Так, А.М. Детистов, уроженец станицы Качалинской 2-го Донского округа, бывший до 25 мая 1920 г. комиссаром 4-й кавалерийской дивизии Конной армии С.М. Буденного, сообщал, что бывших казаков-красноармейцев из исполкомов отправили в армию, а вместо них в исполкомы проникли люди, «лишь вчера возвратившиеся с Кубани или Кавказа, куда они уходили с белыми. А исполкомы из таких лиц кроют в себе пока что немалую опасность для Советской власти на Дону» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 281 об.).

С возвращением бывших белых структура общества в станице усложнилась. Представитель станицы Нижне-Чирской 17 августа 1920 г. разделил население станицы на 3 категории: 1) красное казачество, отступавшее от белых, семьи красноармейцев и пострадавшие от Гражданской войны – революционный оплот в округе; 2) оставшиеся, не отступившие с белыми, «не верившие в силу и правду белых», эти казаки «стоят больше за советскую власть, они ждут от нее помощи, организации и защиты их хозяйственного положения... Надо для них создать реальные хозяйственные условия» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 142 об.–143). Третью категорию составляли «вынужденные вернуться белогвардейские семьи и служившие в белой армии: 1-е искоса поглядывают на крестьянские массы, 2-е делятся на ярых и хотевших перейти» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 143). Затем представитель неожиданно добавил четвертую категорию: «обыватели (интеллигенция); провокаторы, их надо на принудительные работы» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 143).

В условиях смены власти к ней стали пробираться разные темные элементы. В Верхне-Донском округе «помощник начальника милиции занимался распродажей советского имущества (тов. Кондратьев) и выпивкой “дымки”, а милиция следовала по стопам своего начальства» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 1). Оттуда же сообщали, что «милиция состоит из ненадежного элемента, бывших белых прислужников, поэтому вполне естественно, что главной ее целью являются нажива и пьянство» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 27).

В июле 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК сообщали, что население Хоперского округа возбуждено спекуляциями властей. От него поступали заявления в Рабоче-крестьянскую инспекцию (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 230).

Но в целом летом 1920 г. обстановка на Дону оставалась относительно спокойной. 2 июня 1920 г. проходила 1-я областная партийная конференция, на которой представитель 2-го Донского округа Болдырев констатировал: «Средние элементы, запуганные денкинциной, одно время сильно шатнулись в правую сторону, а теперь, когда убедились, что советская власть не хочет уничтожения казачества, они шатнулись в ее сторону» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 28).

17 июня 1920 г. состоялся 2-й съезд Советов Донской области. Съехались крестьян – 96, казаков – 74, рабочих – 59. И здесь прозвучали определенные нотки недовольства властью. Делегат Мусиенко, докладывая о советском строительстве, сказал: «На окружных съездах были возгласы со стороны представителей хуторов, что с них тянут, а они ничего не получают. Да и здесь некоторые представители с мест говорили, что они ничего не получают» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 2. Л. 69). Однако дальше разговоров дело не шло. Население было пассивно и сторонилось власти. 24 июля 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК писали о безынициативности и инертности населения: «Оно будет оставаться пассивным даже в тех случаях, когда оно могло бы предотвратить те или другие ошибки строительства» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10). Имели место лишь единичные случаи проникновения во власть бывших белых.

Показательно, что среди делегатов съезда от Николаевской станицы был некий Моргулин Федор Николаевич, билет № 163, которого арестовали по телеграмме Революционного военного трибунала 10-й армии как контрреволюционера (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 26. Л. 65).

Но в июле 1920 г., когда на донской территории высадился десант полковника Назарова, казаки его не поддержали. С 17 по 24 июля отряд Назарова прошел от района Таганрога до центра 1-го Донского округа станицы Константиновской, где и был разгромлен. Присоединились к нему единицы.

В сентябре 1919 г. наконец-то был создан высший орган гражданской власти на Дону – Донисполком, куда вошли: А. Знаменский, казак Константиновской станицы; Копяткевич, член партии с 1905 г., работавший с казаками 4-го и 14-го Донских полков в Петрограде; Ф. Миронов – красный командир, казак станицы Усть-Медведицкой; Митрофанов – член партии с 1902 г., столяр; Сырцов – уроженец Донской области, член партии с 1913 г. (Донской исполком, 1920: 1). Соотношение красных казаков и коммунистов неказачьего происхождения в Донисполкоме было два к трем. Но вскоре Ф.К. Миронов был отправлен на фронт на должность командующего 2-й Конной армией.

К сентябрю стало меняться настроение жителей казачьих станиц. Связано это было с введением продразверстки.

Весной казаки из-за нехватки рабочих рук и отсутствия тяглогового скота засеяли мало. Урожай 1919 г. был хорош, и в Верхне-Донском округе в июне 1920 г. хлебных излишков имелось до 150 000 пудов (В Верхне-Донском округе, 1920: 2). Но урожай 1920 г. в Верхне-Донском округе ожидался «ниже среднего...» (В Верхне-Донском округе, 1920: 2).

Из Донецкого округа вести шли тревожные: «...урожай плохой, хлеба до нового урожая не хватит» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 69). Сразу же обострились антибольшевистские настроения. 17 августа из Донецкого округа сообщали в Казачий отдел ВЦИК: «А на коммунистов там смотрят как на чертей и считают их просто виновниками гражданской войны», ведутся разговоры: «если коммунистов перебить, то и не будет войны» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 70).

С мест в Донисполком сообщали, что при продразверстке, «за неимением точных указаний, как проводить таковую, продовольственные отряды оказались не на высоте своего положения, забрали весь хлеб, не оставляя населению для еды положенных продуктов» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3). Продотряды получили право конфискации казенного имущества, «и под этим предлогом продовольственники рылись в сундуках и забирали как казенную, так и штатского образца одежду и имущество, чем сильно озлобляют население и ставят ее (так в документе. – А.В.) против всей продработы» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3–3 об.).

В Усть-Медведицком округе проведение продразверстки привело к голоду. В письмах в Казачий отдел ВЦИК приводились примеры, что собираемый по продразверстке налог превышал наличные продукты (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382). «Настроение населения шаткое и как казаки хлебоборобы, а также мастеровые и чернорабочие ничего не хотят делать» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.). Беднота голодала и уже испытывала недоверие к власти – «3 года обещали, но ничего не дали» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.).

В этой тревожной ситуации на Дон с Украины вступили отряды махновцев. 20–25 сентября махновцы находились на территории Верхне-Донского округа, прошли ее с запада на восток и вернулись обратно. Верхне-Донской окружной исполком, имея 1000 штыков, уклонился от боев и бежал в самый северный хутор округа Шумилин (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 383).

Представитель ВЦИК Стариков 5 октября 1920 г. писал в Казачий отдел: «В Букановской, Еланской и Усть-Хоперской станице милиция работала под Махно, и жители выходили навстречу... найдено много оружия... Население готово на какое угодно выступление, лишь бы оно было против сов. власти» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 383). Но воодушевление было временным. Махновцы в подавляющем большинстве своем к казакам отношения не имели. Да и боеспособных казаков на Дону практически не оставалось.

15 октября из Верхне-Донского округа докладывали: «Перед приходом махновцев население частью с радостью ожидало таковых, но как только увидело все их проделки и грабежи лошадей, то стало в неопределенное положение и больше пряталось; с бандами ушло из всех станиц и хуторов, каковые были заняты бандами, 4 человека из лиц с грязным прошлым и почти ничего своего не имеют, в рядах банд видели 2–3 человека из занятых станиц, которые раньше были в белой армии и теперь скрываются в бандах, об ушедших составлена следственная комиссия и приступлено к конфискации имущества» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3). В ограбленном и голодающем Усть-Медведицком округе большевики даже провели против Махно мобилизацию, которая дала 300 штыков и 300 сабель (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.).

Судя по докладам с мест (12 сентября 1920 г.), оставшиеся на Дону казаки не поддержали выступлений Назарова и Махно, опасаясь окончательного разорения: «Если придет фронт, то лишимся последнего добра... А когда у нас ничего не останется ни во дворе, ни в амбаре, тогда нам один черт, что председатель, что атаман» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 284 об.).

Осенью, когда фронты на Юге были близки к ликвидации, ситуация на Дону ухудшилась в связи с продразверсткой. В Верхне-Донском округе «проведение разверстки за недостатком сил и классового сознания казачества проходит в большинстве случаев не в нашу пользу, так как полного расслоения не произошло и не удалось объединить бедноты вокруг РКП(б)» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 31). В Усть-Медведицком округе «население не поняло еще значения партии и ее тактики» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 59).

18 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», который гарантировал оставление за казачеством его надельных земель, то есть земель станиц и хуторов. Но этот документ не повлиял на настроения на Дону.

В целом представитель Казачьего отдела Стариков констатировал: «Донская область за все время существования в ней Советской власти мало изменилась или же совсем не изменилась» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 348). Источник сопротивления он видел в южных станицах Дона. «За исключением рабочих-революционеров на фабриках и рудниках Юг Дона богат и реакционен», – писал он и предлагал разделить Область на «революционный Север» и Юг (создать 2 губернии) (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 349). Но антибольшевистские настроения сместились в недовольные продразверсткой крестьянские волости, которые изначально были за большевиков, считали себя победителями в Гражданской войне и были разочарованы тем, что у них отбирают хлеб. И если казаки имели горький опыт «расказачивания» и побаивались выступать, то крестьяне, видимо, такого страха не испытывали. Из Хоперского округа сообщали, что «в станицах население опролетаризировалось, а в волостях нет» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 54а). По соседству, на территории Воронежской губернии, в Монастырщине, крестьяне создали отряд в 300 штыков, который возглавлял «казак-махновец» Колычев. В слободе Михайловке, на севере Усть-Медведицкого округа, 18 декабря 1920 г. восстал караульный батальон, восстание возглавил командир батальона К.Т. Вакулин, который отнюдь не был казаком. Более того, Вакулин во время Гражданской войны сражался в рядах Красной армии. Борьба с отрядом Вакулина затянулась до весны 1921 г.

Еще одним источником тревоги стали красноармейские части местного формирования, в значительной мере состоявшие из пленных белых казаков.

С.М. Буденный в своей книге «Пройденный путь» писал, что бойцы и командиры Конной армии получали много писем от своих родных с Дона, Кубани, Ставрополя, Северного Кавказа. В этих письмах нередко родные сообщали своим сынам и отцам о том, что на местах представители советской власти забирают у них хлеб, скот, фураж, лошадей. Естественно, это беспокоило конармейцев. Буденный объяснял бойцам, что зачастую к власти на местах пробиваются бывшие белогвардейцы и специально вредят (Буденный, 1965: 341).

11 октября 1920 г. на 2-ю партийную конференцию из Конной армии прибыл 81 представитель для ознакомления с работой на местах (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). Видимо, представители не были удовлетворены увиденным и услышанным, т.к. осенью и зимой власть на Дону стала опасаться восстания воинских частей. Связано это было

с выводом советских частей из Крыма после разгрома Врангеля и размещения их по разным областям Украины и Юга России. Боеспособные казаки в это время были или в эмиграции или в Красной армии, составляя значительную часть ее конницы.

В феврале 1921 г. командир бригады 1-й Конной армии Г.С. Маслаков с тремя эскадронами 19-го кавалерийского полка оставил ряды армии и двинулся на Дон, где начал борьбу с большевиками.

В 1921 г. 3-я партийная конференция отмечала, что во 2-й кавалерийской дивизии: «многие из красноармейцев стали очень болезненно реагировать на ненормальности, отрицательно настроились к местным советским органам. Эти настроения охватили часть командного состава и даже политработников» (*Боевой путь, 1930: 149*). Особенно плохой была ситуация во 2-й бригаде (казачьей). При приближении дивизии продовольственные агенты бросали работу и убегали. В войсках начались побегы, уход в банды (*Боевой путь, 1930: 149*).

Под подозрение попал бывший командующий 2-й Конной армией Ф.К. Миронов. Сотрудник ДонЧК Буров докладывал 21 февраля 1921 г.: «Из данных, имеющихся в Донске, можно установить, что уже теперь некоторая связь имеется, и в частности Миронов в этой истории играет не последнюю роль. Пока общий план, по-видимому намечается следующий: 1. Банда Антонова, Вакулина стремится прийти в северную часть Донской области, где расположен 2-й конный корпус Миронова и создать крепкий сильный удар нам с севера» (*ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 659. Л. 3 об.*). 2-й конный корпус так и не восстал, но для Миронова эти подозрения кончились трагически – арестом и расстрелом (*Филипп Миронов, 1997*).

14 марта 1921 г. в станице Вёшенской восстал караульный эскадрон, сформированный из местных красных казаков. В бумагах Окружного военного совещания по борьбе с бандитизмом это восстание названо «восстанием Фомина и Мельникова» (*ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 31. Л. 2*), тех самых красных казаков, о присылке которых на работу в округ год назад ходатайствовали окружные власти. Отряд Фомина удалось разгромить лишь в 1922 г.

Весь 1921 г. на Дону прошел под знаком борьбы с «политическим бандитизмом», то есть – с повстанческим движением.

4. Заключение

Таким образом, понеся огромные потери в Гражданской войне, донские казаки пытались примириться с новой властью и адаптироваться к новым условиям жизни. Власть не имела достаточно сил, чтобы организовать эффективную систему управления, сделала ставку на немногочисленных красных казаков и объявила амнистию многочисленным белым казакам, зачислив их в Красную армию и выведя тем самым с территории Дона. Проведение продовольственной политики новой властью вызвало резкое недовольство казачества, но открытых выступлений не было, потому что боеспособные казаки были вне пределов области. Как только началось возвращение воинских частей на территорию Дона, ситуация обострилась. Адаптация казаков к новым условиям жизни в 1920 г. не состоялась.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература.

Боевой путь, 1930 – Боевой путь блинцев: история боев и походов 5-й Ставропольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии 1919–1929. Ставрополь: Северный Кавказ, 1930. 235 с.

Борьба за власть Советов, 1957 – Борьба за власть Советов на Дону. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1957. 528 с.

Буденный, 1965 – *Буденный С.М.* Пройденный путь. Книга вторая. М.: Воениздат, 1965. 392 с.

В Верхне-Донском округе, 1920 – В Верхне-Донском округе // *Трудовая жизнь.* 1920. № 29. 13 июня.

Войны и население, 2019 – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Донской исполком, 1920 – Донской исполком // *Советский Дон*. 1920. № 4. 6 февраля.

Кислицын, 2015 – *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М.: ЛЕНАНД, 2015. 360 с.

Организация Советской власти, 1920 – Организация Советской власти на Дону // *Советский Дон*. 1920. № 1. 3 февраля.

Положение в Донской области, 1920 – Положение в Донской области // *Советский Дон*. 1920. № 5. 7 февраля.

Рвачева, 2017 – *Рвачева О.В.* Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 232 с.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Седина, 1976 – *Седина А.М.* На крутом повороте. М.: Советская Россия, 1976. 233 с.

Филипп Миронов, 1997 – Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 792 с.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

References

Boevoi put', 1930 – Boveoi put' blinovtsev: istoriya boev i pokhodov 5-i Stavropol'skoi im. tov. Blinova kavaleriiskoi divizii 1919–1929 [The battle path of the blinovtsy: the history of the battles and campaigns of the 5th Stavropol region Blinov cavalry division 1919–1929]. Stavropol': Severnyi Kavkaz, 1930. 235 p. [in Russian]

Bor'ba za vlast' Sovetov, 1957 – Bor'ba za vlast' Sovetov na Donu [The struggle for power of the Soviets on the Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 528 p. [in Russian]

Budennyi, 1965 – *Budennyi, S.M.* (1965). Proidennyi put'. Kniga vtoraya [Passed path. Book 2]. М.: Voenizdat, 392 p. [in Russian]

V Verkhne-Donskom okruge, 1920 – V Verkhne-Donskom okruge [In the Upper Don district]. *Trudovaya zhizn'*. 1920. № 29. June 13. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of Rostov region].

Donskoi ispolkom, 1920 – Donskoi ispolkom [Don Executive Committee]. *Sovetskii Don*. 1920. № 4. February 6. [in Russian]

Filipp Mironov, 1997 – Filipp Mironov. (Tikhii Don v 1917–1921 gg.). Dokumenty i materialy [Philip Mironov. (The quiet Don in 1917–1921). Documents and materials]. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1997. 792 p. [in Russian]

Kislitsyn, 2015 – *Kislitsyn, S.A.* (2015). Ukaz i shashka: Politicheskaya vlast' i donskie kazaki v pervoi polovine XX veka [Decree and shashka: Political power and the Don Cossacks in the first half of the 20th century]. М.: LENAND, 360 p. [in Russian]

Organizatsiya Sovetskoi vlasti, 1920 – Organizatsiya Sovetskoi vlasti na Donu [Organization of Soviet power in the Don region]. *Sovetskii Don*. 1920. № 1. February 3. [in Russian]

Polozhenie v Donskoi oblasti, 1920 – Polozhenie v Donskoi oblasti [The situation in the Don region]. *Sovetskii Don*. 1920. № 5. February 7. [in Russian]

RGVA – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian state military archive].

Rvacheva, 2017 – *Rvacheva, O.V.* (2017). Politika partiino-sovetskikh organov i sotsial'no-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v period sotsialisticheskoi modernizatsii 1920–1940 gg. [The policy of the party-Soviet bodies and the socio-political mood of the Don Cossacks during the period of socialist modernization in 1920–1940]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 232 p. [in Russian]

Sedina, 1976 – *Sedina, A.M.* (1976). Na krutom povorote [On a sharp turn]. М.: Sovetskaya Rossiya, 233 p. [in Russian]

TsDNIRO – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [The documentation centre of recent history in Rostov region].

Voiny i naselenie, 2019 – Voiny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v.: demograficheskie protsessy i posledstviya [Wars and population in the south of Russia in the 18th – the early 21st centuries: demographic processes and impacts]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. 767 p. [in Russian]

Адаптация донских казаков к послевоенной жизни (1920 год)

Андрей Вадимович Венков ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Донское казачество было разорено Гражданской войной и стремилось выйти из войны и примириться с новой властью. Особенно стремились к этому северные округа, которые пострадали от войны сильнее. Советская власть стала создавать новые органы власти из просоветски настроенных казаков, а белых, сдавшихся в плен, включила в состав Красной армии и направила на фронт против поляков и Врангеля. Однако быстрой адаптации казаков к Советской власти не произошло. Власть большинству казаков не доверяла, а казаки были недовольны продовольственной политикой большевиков. Открытых выступлений казаков на Дону в 1920 г. не было, поскольку боеспособные казаки были либо в Красной армии, либо в войсках генерала Врангеля. Но ситуация вновь стала взрывоопасной, когда боевые действия на фронтах закончились, и казаки, служившие в Красной армии, узнали о продовольственной политике, проводимой властью на Дону. Начались разрозненные выступления красноармейских частей против власти. Адаптации донских казаков к послевоенной жизни в 1920 г. не произошло. Предстоял новый этап взаимоотношений казаков и власти.

Ключевые слова. Донские казаки, Гражданская война, советская власть, адаптация, продовольственная политика, 1920 год.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 109-128

DOI: 10.13187/rs.2020.2.109
www.ejournal15.com

Evolution of Models of Demographic Behavior of Russian Ethnic Groups in the 1930s

Sergei A. Kropachev ^{a, *}

^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to changes in the demographic behavior of Russian ethnic groups in the 1930s, which occurred primarily under the influence of extremely negative exogenous factors. Birth, death, marriage, divorce, diseases, education and literacy levels, religious beliefs, and other demographic indicators of peoples are analyzed in the context of political processes, global social experiments, and cataclysms. In these conditions, it was difficult for many ethnic groups, especially small ones, to preserve their national roots, identity, including cultural identity. The article examines the factors that determined the way of life and quality of life of the Russian people for many years to come.

Keywords: 1930s, administrative and territorial division demography, ethnic groups, repressive policy, RSFSR, Russia.

1. Введение

Статья посвящена сложным, противоречивым проблемам демографического поведения этносов России, которое быстро менялось под влиянием революционных событий в политической, экономической, социальной, культурной сферах. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1930 г., когда появились первые тревожные признаки обострения демографической ситуации в стране, до 17 сентября 1939 г. – начала глобальных изменений границ СССР, присоединения стран и народов в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Политика «большого скачка», объявленная И.В. Сталиным в 1929 г., привела к глубоким изменениям и в демографическом развитии этносов, населявших в то время СССР и Россию. 1930-е гг. после относительно стабильного десятилетия нэпа вместили в себя многочисленные беды и катастрофы, которых с лихвой хватило бы и на сто лет. Последствия массового голода 1932–1933 гг., миграций, депортаций, раскулачивания и раскрестьянивания, «Большого террора», локальных войн, введения полувоенной трудовой повинности на долгие годы определили уклад и качество жизни народов России, кардинальным образом повлияли на их демографическое поведение.

Резкие перепады в характеристиках численности и удельном весе этносов страны в 1930-е гг. объясняются, прежде всего, влиянием крайне негативных экзогенных факторов.

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

2. Материалы и методы

Первым экзогенным фактором стали массовые миграции населения. Причины и условия миграций были различными, но все они имели разрушительные последствия для судеб народов, их демографического здоровья. Выделим четыре типа миграций в 1930-е гг.: 1) насильственные миграции зажиточных крестьян, или «кулацкая ссылка»; 2) сезонные миграции (Исупов, 2000: 79, 82, 84); 3) организованные миграции (Исупов 2000: 84–85; Всесоюзная перепись, 1937: 7); 4) фактические (латентные) миграции крестьян в города от коллективизации и голода, в поисках лучшей доли.

Массовым бедствием в ходе коллективизации в 1930–1931 гг. стали раскулачивание и депортация зажиточных крестьян (как кулаков, так и середняков). В этот период насильственной высылке подверглось 381 173 семьи, или 1 803 392 человека (Исупов, 2000: 81). Большая их часть поступила на спецпоселения (Земсков, 2005: 281). Кроме этого, принудительному переселению в 1930-е гг. подверглось еще около 700 тыс. человек. Это так называемый «сомнительный элемент» из пограничных зон, деклассированные жители городов и др. (Земсков, 2005: 281).

Апогеем борьбы с крестьянством стало принятие чрезвычайных постановлений ЦИК и СНК СССР в августе 1932 г., жестоко каравших, прежде всего, жителей деревни за хищения хлеба и спекуляцию (в том числе и зерном). По этим постановлениям вводилась ответственность вплоть до смертной казни (История Гулага, 2004: 647–649). В августе 1933 г. 44-й пленум Верховного Суда СССР подвел итог применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (Закона о «семи колосках») за период с момента издания до 1 июля 1933 г. По неполным данным, цифра осужденных составила 293 201 человек, из них к расстрелу было приговорено 13 844 и к 10 годам лишения свободы – 165 967 человек (История Гулага, 2004: 650).

Вторым экзогенным фактором, повлиявшим на демографическое развитие этносов, стало насильственное переселение народов в середине 1930-х гг. В СССР депортации были организованы по социальному (кулаки), этническому («неблагонадежные» и «наказанные» народы), религиозному (представители «подозрительных» конфессий) и политическому (власовцы, оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х гг., осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границ с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана 4 280 курдов (Земсков, 2005: 78–82). Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи) (Лубянка, 2004: 651). Корейцы были депортированы на основании постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) «О корейцах» от 21 августа и 23 сентября 1937 г. Они определили районы Дальневосточного края, откуда должны были переселяться корейцы, сроки, масштабы и порядок депортаций. Насильственное переселение прошло под девизом «пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК» (Лубянка, 2004: 325–327).

Всего в середине 1930-х гг. был депортирован по этническому признаку 268 561 человек. Учитывая высокую смертность во время транспортировки и на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибли (Земсков, 2005: 281).

Настоящим бедствием для всех народов СССР стал «Большой террор» 1937–1938 гг. Термин «Большой террор» был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Р. Конквестом. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «Большого террора», как правило, охватывающих 1930-е гг. (1934–1938, 1936–1938 гг. и др.). Мы понимаем под «Большим террором» события 1937–1938 гг., когда в стране выполнялся приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов (Лубянка, 2004: 273–281). Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов», утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек», организацию их работы и полномочия (Лубянка, 2004: 273–281). Всего в 1937–1938 гг. было принято более 70 документов, регламентировавших проведение массовых репрессий в СССР. Это всевозможные постановления, приказы, директивы, циркуляры, письма, шифротелеграммы, почтотелеграммы, спецсообщения Политбюро ЦК

ВКП(б), НКВД СССР, Прокуратуры СССР, многие из которых носили секретный характер (Кропачев, 2010: 114–121).

В соответствии с приказом № 00447 все репресслируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу» (Лубянка, 2004: 274). Ко второй категории относились «все остальные, менее активные, но всё же враждебные элементы». Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки». Степень «враждебности» и социальной «опасности» «антисоветских элементов» определяли органы НКВД. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репресслируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую. Был определен длинный перечень «контингентов», подлежащих репрессиям (Лубянка, 2004: 274). Обращает на себя внимание, что в очередной раз большевистский режим на одну доску поставил своих бывших политических противников («члены антисоветских партий», «белые») и уголовников («бандиты», «грабители», «воры-рецидивисты» и др.). Приравняв к бандитам так называемые «антисоветские элементы», коммунистическая система поставила последних вне закона.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других «антисоветских элементов» началась в августе 1937 г. и должна была закончиться в четырехмесячный срок (Лубянка, 2004: 273, 277). В приказе № 00447 было определено конкретное количество лиц, подлежащих репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю и области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек (Лубянка, 2004: 275–276).

Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений не имели права «самостоятельно их превышать». Разрешалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот...» (Лубянка, 2004: 276–277). В тех «случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны» были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР «соответствующие мотивированные ходатайства» (Лубянка, 2004: 277).

Надо отметить, что наркомы НКВД республик и начальники управлений НКВД краев и областей активно воспользовались своим правом на «мотивированные ходатайства» об увеличении «плановых заданий» («лимитов») в отношении лиц, подлежащих репрессиям, а правом на «уменьшение цифр» – нет (Лубянка, 2004: 275, 276, 322, 325, 330, 644, 651).

Фактически неограниченные полномочия «троек», рассматривавших дела заочно, в ускоренном порядке, осуждавших подсудимых списками, а также упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях, террористических актах, вредительстве и диверсиях, принятый постановлениями ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. (История государства, 1999: 294), привели к массовому произволу и беззаконию.

Начиная с середины 1937 г., в органах внутренних дел начинается неофициальное соцсоревнование по массовому разоблачению врагов народа. Волны доносительства и шпиономания захлестнули страну. Всё это происходило на фоне мощнейших идеологических и пропагандистских кампаний, нагнетания массового политического психоза и истерии. Выявление многочисленных шпионов, диверсантов, пособников вражеских разведок поддерживалось на собраниях интеллигенции, рабочих и колхозников (Кропачев, 2011: 116–124).

В итоге за короткое время в стране было арестовано, осуждено и расстреляно огромное число невинных граждан. В 1937–1938 гг. в СССР подверглись аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50,7 % приговорено к расстрелу (Население России, 2000: 318). Государство ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах в эти годы от различных причин умерло

160 084 заключенных (Население России, 2000: 320; Исупов, 2000: 118). Часть их них была осуждена по политическим мотивам (Земсков, 1991: 152). Добавим к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. В 1937–1938 гг. в результате организованного террора страна потеряла около 1 млн человек погибшими (Исупов, 2000: 118). Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели определенный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то не трудно представить катастрофические последствия «Большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны.

В годы «Большого террора» НКВД СССР было проведено десять национальных операций: польская, немецкая, греческая, латышская (латвийская), эстонская, финская, румынская, иранская, афганская и харбинская (харбино-японская). Этнические депортации и национальные операции середины – второй половины 1930-х гг. были направлены против выходцев из тех стран, которые, по мнению сталинского руководства, составляли вражеское окружение по периметру границы СССР. Это Польша, Латвия, Эстония, Финляндия, Румыния, Иран и Афганистан. Также были депортированы или репрессированы этносы, чьи метрополии представляли явную или скрытую для Советского Союза угрозу, – Германия, Корея, Греция. Эти меры, с точки зрения Сталина и его окружения, носили прелиминарный характер, были направлены против несуществующей пятой колонны. Все операции НКВД, как уже это было сказано, осуществлялись против представителей конкретного «враждебного народа». Но было одно исключение. В 1935 г., после продажи Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), в СССР прибыло более 20 тыс. харбинцев (или кавэжединцев). Из них около 5 тыс. являлись работниками КВЖД, остальные были членами их семей. Они проживали в городе Харбине (Манчжурия), где были созданы все условия для сохранения русскими своих этнических корней. Большинство харбинцев были репрессированы не по национальному признаку, а как японские шпионы. В итоге в 1933–1941 гг. в СССР было «разоблачено» и осуждено 53 тыс. «японских шпионов» различных национальностей, т.е. в 2,5 раза больше, чем всех прибывших в СССР кавэжединцев (харбинцев) (Кропачев, 2018: 119).

В середине 1930-х гг. СССР захлестнули волны шпиономании. Везде искали «польских», «немецких», «японских», «иранских» и других «шпионов». Понадобилась специальная, одиннадцатая операция НКВД СССР, в ходе которой по национальным линиям арестовывались и разоблачались литовские, болгарские, македонские, китайские, английские, американские, югославские «шпионы». Все они в «шпионской статистике» НКВД значились как категория «прочие» (Лубянка, 2004: 660).

В торопливом порыве выполнить очередные «лимиты» (плановые задания по разоблачению врагов народа) работникам НКВД некогда было сортировать предателей Родины по национальным линиям. Так, по состоянию на конец марта 1938 г., в Свердловской области по «немецкой» операции арестовали 4 142 человека, из них немцев было только 390 человек, по «польской» операции – 4 218 человек, из них поляков – 390, по «харбинской» – 1 249 человек, из них харбинцев – 42, по «латвийской» – 237 человек, из них латышей – 12, по «румынской» – один румын и 96 русских, по «финской» – ни одного финна, но было арестовано 5 русских, 8 евреев и 2 прочих (Лубянка, 2004: 659).

В Краснодарском крае в ходе осуществления «польской операции», помимо поляков, были репрессированы граждане девятнадцати национальностей: русские, армяне, белорусы, евреи, украинцы, немцы, литовцы, чехи, латыши, греки, австрийцы, болгары, эстонцы и др. (Кропачев, Селицкий, 2016: 23).

Национальные операции, как уже отмечалось, были проведены в отношении выходцев из стран «враждебного окружения». При этом основным критерием преступности было наличие любого рода связи с другим государством, а национальность становилась основанием для подозрений. Но в преступной гонке за выполнением «лимитов» и эти критерии не соблюдались. На определенном этапе органы НКВД вышли из-под контроля партии и государства, а террор стал всеобщим, лишенным любой логики.

Последствия национальных операций были ужасными. Так, по «польской операции» было арестовано 143 810 человек разных национальностей, из которых осуждено

139 835 человек. К расстрелу было приговорено 111 091 человек, что составляет 79,4 % от числа осужденных ([Репрессии против поляков, 1997: 33](#)). В ходе «греческой операции» было репрессировано от 13 500 до 14 000 человек, из которых около 11 000 было расстреляно. Это составляет около 80 % от всех репрессированных (данные И.Г. Джухи на 08.05.2020).

По некоторым данным, в ходе всех национальных операций НКВД в СССР в 1937–1938 гг. было осуждено около 350 тыс. человек, 71 % их них приговорен к смертной казни ([Кропачев, 2009: 212](#)). Данные цифры нуждаются в уточнении.

Еще один внешний фактор, определивший жизнь народов на длительный период, связан с введением фактически полувоенной трудовой повинности, форсированным воспроизводством системы принудительного труда. Не успели высохнуть чернила на постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» ([Лубянка, 2004: 607-611](#)), формально критиковавшем массовый произвол и насилие, как в декабре 1938 г. и мае 1939 г. принимаются решения, направленные на ужесточение трудовой дисциплины рабочих и колхозников ([История государства, 1999: 288](#)). Так, в соответствии с постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» от 28 декабря 1938 г. рабочим и служащим грозило автоматическое увольнение и выселение из ведомственных общежитий и квартир за три опоздания на работу на двадцать минут в течение одного месяца или за четыре опоздания в пределах двух месяцев ([Соломон, 1998: 294](#)). С 1939 г. рабочим и служащим в обязательном порядке выдавались трудовые книжки, в которые заносились все санкции дисциплинарного порядка ([Соломон, 1998: 294](#)).

27 мая 1939 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», которым предусматривалось изъятие излишков земель приусадебных участков колхозников в пользу коллективных хозяйств. Размеры приусадебных хозяйств приводились к нормам, предусмотренным примерным уставом сельхозартели. В дальнейшем за нарушение таких норм устанавливалась уголовная ответственность колхозников и руководителей хозяйств. Мощным способом активного принуждения колхозников к общественному труду стало установление для каждого из них обязательного минимума трудодней – от 60 до 100 в год, в зависимости от региональных особенностей. За несоблюдение этой нормы колхозы обязаны были исключать провинившихся из числа своих членов. Нарушитель терял права колхозников, прежде всего, право на приусадебный участок ([История государства, 1999: 288](#)).

Таким образом продолжался процесс прикрепления рабочих и служащих к производству, а крестьянства – не только к колхозам, но и в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от декабря 1932 г. об установлении единой паспортной системы – к своим селам.

В последующие годы меры по ужесточению трудовой дисциплины, абсолютизации трудовой повинности коснулись не только рабочих, служащих и колхозников, но и работников машинно-тракторных станций, учащихся системы государственных трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО) и других категорий граждан.

События 1930-х гг. в политической, экономической, социальной и иных сферах оказали прямое негативное воздействие на основные показатели демографического здоровья народов. Современные исследователи, обращаясь к показателям учета населения тех лет, во-первых, отмечают их несовершенство, неполноту данных, во-вторых, сознательное искажение в угоду политической конъюнктуре ([Жиромская, 2001: 11, 13; Исупов, 2000: 19-22, 80, 91, 92](#)). Так, в 1930–1933 гг. в СССР статистики не зарегистрировали 94 % смертей ([Исупов, 2000: 80](#)). Проведенная в январе 1937 г. Всесоюзная перепись населения была объявлена дефектной, а ее материалы были засекречены ([Всесоюзная перепись, 1937: 288](#)). Произошло это потому, что перепись приоткрыла завесу над масштабами демографических потерь, не подтвердила пропагандистских лозунгов о сплошной грамотности населения, его всеобщем атеизме, обнажила деформации в возрастно-половой пирамиде и др. Итоги переписи 1937 г. не соответствовали данным по основным демографическим критериям, которые уже были провозглашены советским руководством ([Всесоюзная перепись, 1937: 22](#)).

Всё это говорит о том, что дать объективную оценку показателям развития народов СССР и России в 1930-е гг. весьма сложно. Тем не менее развитие исторической и демографической науки, публикация ранее засекреченных источников, современные подходы и методики позволяют дать принципиальные характеристики основных количественных показателей жизни этносов в эти годы.

Одним из самых острых вопросов являются масштабы голода 1932–1933 гг. Он стал следствием коллективизации, разрушения деревни, раскрестьянивания, уничтожения уклада жизни сельских жителей. Определить потери от голода очень сложно из-за неполной и неточной источниковой базы, а также крайней политизации этой проблемы. Например, в Украине голодомор еще недавно рассматривался как рукотворное явление, имевшее целью геноцид украинцев ([Население России, 2000: 275](#)).

В РСФСР демографическая катастрофа начала 1930-х гг. привела к гибели в 1933 г. 3 млн человек ([Жиромская, 2001: 12-13](#)). В том числе в Поволжье от голода погибло 400 тыс., на Северном Кавказе – 1 млн человек ([Население России, 2000: 275-276](#)).

В СССР общий коэффициент смертности в 1933 г. достиг поистине апокалипсической отметки, составив почти 72 %. Таким образом, в этом году были превышены показатели смертности, характерные для периода революции и Гражданской войны. Значительно сократилась средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. Очень высокой была детская смертность. Из-за голода и отсутствия медицинской помощи из каждых десяти родившихся младенцев погибало трое.

Голод сопровождался массовыми болезнями, прежде всего, обусловленными негативными факторами внешней среды. Среди них были острые и хронические инфекции, паразитарные болезни, желудочно-кишечные заболевания. Ослабленный длительным хроническим недоеданием, человеческий организм быстро терял сопротивляемость и иммунную защиту ([Исупов, 2000: 92, 93, 95-98](#)).

Всего в СССР в 1933 г. умерло 11 450 тыс. человек. Сверхсмертность (от голода и болезней) составила около 7 млн человека ([Исупов, 2000: 93; Население России, 2000: 276](#)). Даже с учетом неполных и несовершенных статистических данных, результаты коллективизации были губительными для крестьянства и сельского хозяйства. Начиная с 1935 г. текущий учет населения и в селах, и в городах был достаточно полным, охватывая более 95 % всего населения Российской Федерации ([Жиромская, 2001: 11](#)).

Важнейшими источниками для характеристики демографического развития народов СССР и России в 1930-е гг. являются материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. «Репрессированная» перепись 1937 г. зафиксировала в СССР 162 039 470 человек ([Всесоюзная перепись, 1937: 47](#)). Это было почти на 19 млн меньше, чем ожидало советское руководство. Фактический ежегодный прирост населения составлял не 3,37 млн (на что рассчитывали советские статистики) и даже не 3 млн (о чем неоднократно говорил Сталин), а всего 1,41 млн человек. Что было крайне мало и никак не отражало успехов социалистического строительства ([Исупов, 2000: 19](#)). В Российской Федерации на январь 1937 г. проживало 103 967 924 человека ([Всесоюзная перепись, 1937: 45](#)).

Проведенная через два года Всесоюзная перепись 1939 г. зарегистрировала в СССР 170 557 098 человек. Что более устраивало советское руководство. Современные исследования говорят о том, что материалы переписи были сфальсифицированы. На самом деле, в СССР проживало от 168,1 до 168,9 млн человек. То есть меньше на 1,6–2,4 млн человек. Это относительно немного, и материалы переписи могут быть использованы, «но при условии коррекции» ([Исупов, 2000: 21-22](#)). В РСФСР на январь 1939 г. проживало 109 397 463 человека ([Всесоюзная перепись, 1939: 21](#)). С учетом коррекции, предложенной В.Б. Жиромской, эти данные могут быть уточнены и составят 107,8 млн человек ([Араловец, 2009: 26-27](#)).

В 1930-е гг. в РСФСР прошли крупные административно-территориальные реформы. Они существенно повлияли на уклад жизни народов и изменили границы субъектов республики. Эта тема имеет самостоятельное научное значение, поэтому назовем лишь наиболее значимые территориальные преобразования этих лет. В 1936 г. из состава РСФСР вышли Казахская Автономная Социалистическая Советская Республика (АССР), вместе с Кара-Калпакской автономной областью (АО), и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. В 1930-е гг. продолжилось создание национальных округов в местах

компактного проживания малочисленных северных народов. Всего к концу десятилетия в составе РСФСР насчитывалось десять национальных округов: Агинский Бурят-Монгольский (создан в 1937 г.), Коми-Пермяцкий (1925 г.), Корякский (1930 г.), Ненецкий (1929 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий, 1930 г.), Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (1937 г.), Ханты-Мансийский (1930 г.), Чукотский (1930 г.), Эвенкийский (1930 г.), Ямало-Ненецкий (1930 г.). Они входили в состав Читинской, Молотовской (Пермской), Камчатской, Архангельской, Иркутской, Омской (затем Тюменской) областей и Красноярского края.

Был повышен статус ряда национальных автономий. Несколько автономных областей были преобразованы в автономные республики: Коми (Зырянская) АО в Коми АССР, Вотская АО в Удмуртскую АССР, Марийская АО в Марийскую АССР, Калмыцкая АО в Калмыцкую АССР, Кабардино-Балкарская АО в Кабардино-Балкарскую АССР, Северо-Осетинская АО в Северо-Осетинскую АССР, Мордовская АО в Мордовскую АССР. Чеченская АО и Ингушская АО были объединены в Чечено-Ингушскую АССР. Всего в РСФСР к концу 1930-х гг. насчитывалось 17 АССР и 6 АО (Адыгейская, Карачаевская, Черкесская, Ойротская, Хакасская, Еврейская).

В 1930-е гг. были проведены реорганизации краев, являвшихся крупными административными единицами. 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на собственно Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края. 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский (Ставропольский) край. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. 28 сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края (ЗСК) были выделены Новосибирская область и Алтайский край. 20 октября 1938 г. из Дальне-Восточного края (ДВК) были выделены Хабаровский и Приморский края. Огромные административные единицы – ЗСК и ДВК – перестали существовать. К концу 1930-х гг. в РСФСР насчитывалось шесть краев: Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Орджоникидзевский, Приморский и Хабаровский. В них в качестве автономий входили области, автономные области и национальные округа.

В РСФСР также входило 35 областей (бывших губерний). Четыре области (Амурская, Нижнеамурская, Камчатская и Сахалинская) являлись частью Хабаровского, Уссурийская область – Приморского краев. Карта РСФСР была весьма обширной и пестрой. Республика состояла из 76 административных единиц: 6 краев, 35 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 национальных округов, двух городов федерального подчинения – Москвы и Ленинграда. РСФСР по размеру территории и численности населения являлась самой большой республикой СССР. Именно ресурсы РСФСР (население, территория, русский характер, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор) сыграли решающую роль в победе над фашизмом.

Таким же разнообразным, как и административно-территориальное деление, был национальный состав всех субъектов РСФСР. Как известно, перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов. Были учтены даже самые малые национальные единицы (Поляков, 1986: 156; Жиромская, 2001: 75, 79). Перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. – по 57 этносам (Всесоюзная перепись, 1937: 20; Всесоюзная перепись, 1939: 57, 58, 246).

На наш взгляд, существует несколько причин, повлиявших на сокращение количества национальностей, которые нашли свое отражение в переписях. Первая причина бюрократическая. Чиновники механически присоединяли этнические группы с очень малым числом представителей, в целях экономии места, к более крупным родственным единицам. Не учитывалось, что даже малые этносы могут являться и являются носителями уникальных языков, исторических знаний, культурных традиций, религиозных верований. Вторая причина заключалась в продолжавшихся процессах ассимиляции и этнической интеграции. После 1917 г., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения (Поляков, 1986: 154, 156). Ассимиляция малых народов осуществлялась, как правило, в пользу русского этноса, языка и культуры. Была еще одна, самая важная, причина уменьшения численности этносов и отражения этого процесса в переписях. Речь идет о сокращении количества аборигенных народов российского Севера (север европейской части страны, Сибирь и Дальний Восток). Народы Севера в подавляющем большинстве не были знакомы с элементарными правилами гигиены

и существовали в условиях антисанитарии. Эпидемии инфекционных болезней вспыхивали среди них постоянно. В.А. Исупов прямо пишет о том, что в 1930-е гг. «численность аборигенных народов российского Севера сокращалась – по сути, они вымирали» (Исупов, 2000: 121). За 10 лет, между переписями 1926 и 1937 гг., сократилась или не выросла численность таких этносов, как удэ (удехе), каряки, чукчи, саами (лопари), ханты, манси и др. (Жиромская, 2001: 81–82; Всесоюзная перепись, 1937: 86–87; Всесоюзная перепись, вып. IV: 12, 20) К счастью, этот процесс не стал необратимым, его удалось остановить в последующие годы.

3. Обсуждение и результаты

В 1930-е гг. большинство населения РСФСР составляли русские. Их количество всё время росло в абсолютном и процентном отношении. Если по переписи 1926 г. в республике их проживало 74 042 тыс. (73,4 %), то в 1937 г. – 85 361 тыс. (82,1 %), в 1939 г. уже 90 306 тыс. (82,5 %) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: V; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). За двенадцать лет количество русского населения увеличилось более чем на 16 млн человек. Русские проживали повсеместно. Наиболее высокий их процент фиксировался в Центрально-Промышленном, Западном и Северном регионах. По переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик, автономных областей и городов федерального подчинения РСФСР (Всесоюзная перепись, 1939: 59–68). Вторым по численности народом, населявшим республику, являлись татары. Под этим собирательным термином понимались не только казанские татары, но и иные этнические группы: крымские, астраханские, пермские, сибирские, чепецкие, касимовские и другие татары. Численность татар всё время росла, в том числе и за счет включения в данную этническую группу родственных народов. В 1926 г. татар (без близких народов) насчитывалось 2 846 тыс. человек. В 1937 г. в состав татар включили бухарцев и кряшенов и их численность выросла до 3 087 тыс. По переписи 1939 г. татары-мишари (мишари), тептяри, нагайбаки, кряшены были также определены как татары. Их количество составило 3 901 тыс. человек (3,6 % от общего числа населения) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 14; Всесоюзная перепись, 1937: 89, 312; Всесоюзная перепись, 1939: 59, 246). Они перегнали украинцев, которые долгие годы составляли вторую по численности этническую группу после русских.

Это произошло за счет резкого сокращения украинцев на территории РСФСР. Если в середине 1920-х гг. их насчитывалось 7 873 тыс., то во второй половине 1930-х соответственно 3 087 тыс. (1937 г.) и 3 359 тыс., 3,1 % (1939 г.) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Сокращение произошло в 2,5 раза, украинское население России уменьшилось на 4,5 млн человек. Это явление требует объяснения и комментариев. Тем более что масштабных изменений границ после 1926 г. между РСФСР и Украинской ССР не было.

Украинцы в 1920-е гг. на территории России проживали компактными ареалами. В трех приграничных губерниях – Брянской (в 1937–1944 гг. входила в Орловскую область), Воронежской и Курской по переписи 1926 г. их насчитывалось 1 762 043 человека. В Северо-Кавказском крае – 3 106 766, Казахской и Киргизской АССР – 924 950, Сибирском и Дальневосточном краях – 1 142 613 украинцев. Резкое уменьшение их численности во второй половине 1920-х – 1930-е гг. наводит на грустные выводы. Именно в это время в СССР прошла коллективизация, раскулачивание крестьян и их депортация, от голода погибли миллионы человек. Это были также годы массовых политических репрессий. Голод и террор не спрашивали национальности. От них пострадали представители многих этносов. Только на Северном Кавказе, где компактно проживали украинцы, от голода в начале 1930-х гг., по оценкам специалистов, погибло около 1 млн человек (Население России, 2000: 275). Поэтому первая причина, объясняющая резкое сокращение украинцев в эти годы, состоит в крайне драматичных экзогенных факторах. После выхода из состава РСФСР в 1936 г. Казахской и Киргизской АССР, преобразованных в союзные республики, около 1 млн украинцев были переведены на статистический учет в других субъектах. Была и третья причина, повлиявшая на сокращение численности украинцев. В 1920-е гг. на юге страны проводилась так называемая украинизация населения. Искусственное насаждение украинского языка и культуры отчасти совпадало с традициями сельского населения

кубанских станиц, которое самоидентифицировало себя с украинским этносом. Это проявлялось в языке, элементах материальной культуры, в т.ч. жилище, в одежде, пище, изделиях народных промыслов. По переписи 1926 г. в Армавирском, Кубанском и Черноморском округах Северо-Кавказского края (большая часть будущего Краснодарского края, образованного в 1937 г.) проживало 1 324 450 украинцев. Через двенадцать лет их в Краснодарском крае осталось лишь 149 874 человека, или 4,7 %. (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 71, 74, 77; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Тогда как в середине 1920-х гг. украинцы составляли более 37 % населения Северо-Кавказского края (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 71–81). Они за это время «превратились» в русских. Политика украинизации была прекращена.

Белорусы, третий восточнославянский народ, также потерял свою численность. Но сокращения были не такими существенными, как у украинцев. В 1926 г. в РСФСР проживало 638 тыс., в 1937 г. – 349 тыс., в 1939 г. – 458 тыс. белорусов (0,4 %) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Уменьшение белорусского этноса произошло на 28–45 %.

Увеличилось население коренных народов Поволжья. К концу 1930-х гг. после татар самыми многочисленными народами были: мордва (мордовцы, мордвины) – 1 376 тыс. (1,2 %), чувашаи – 1 346 тыс. (1,2 %), башкиры – 825 тыс. (0,7 %), удмурты (в т.ч. бесермяне) – 600 тыс. (0,5 %), марийцы – 476 тыс. (0,4 %) человек (Всесоюзная перепись, 1939: 59). На Северном Кавказе крупным народом были чеченцы, они вместе с ингушами составляли этническую группу вайнахи, которая насчитывала 491 тыс. человек (0,4 %). Крупными этносами являлись осетины – 196 тыс. (0,2 %), кабардинцы – 161 тыс. человек (0,1 %). Самой полиэтничной республикой оставалась Дагестанская АССР. Десятки аборигенных народов были объединены в собирательную группу «народности Дагестана». Она насчитывала 707 тыс. (0,6 %) человек. В Сибири крупными этносами являлись якуты – 242 тыс. (0,2 %), буряты – 221 тыс. (0,2 %) человек. Зыряне и пермяки в переписи 1939 г. были объединены в один этнос коми и насчитывали 415 тыс. человек (0,4 %). Почти на 400 тыс. за двенадцать лет увеличилось количество евреев (включая крымских и горских). Они насчитывали 957 тыс. человек (0,9 %). Крупными этносами являлись немцы – 862 тыс. (0,8 %), карелы – 250 тыс. (0,2 %), финны (собственно финны и финны ленинградские) – 139 тыс. (0,1 %), казахи – 357 тыс. (0,3 %), поляки – 147 тыс. (0,1 %), эсты – 132 тыс. (0,1 %) человек и др. (Всесоюзная перепись, 1939: 59).

Большинство населения РСФСР в конце 1930-х гг. составляли восточноевропейские народы: русские, украинцы, белорусы. Их доля составляла 86 % от общей численности населения республики. Они были представлены во всех областях, краях, автономных республиках и областях, национальных округах и городах федерального подчинения. Несколько народов также проживали во всех субъектах федерации. Это татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое распределение по территории РСФСР данных этносов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., которые осваивали огромные территории Российской империи. Так, немцы, как и представители других европейских народов – чехов, словаков, эстонцев и др., проживали компактно (колониями), в сельской местности и занимались сельским хозяйством. Поляки, как правило, проживали в городах и являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. Большая часть цыган перешла на оседлость только в 1950-е гг. Евреи после отмены черты оседлости в 1917 г., массово начали переселяться, прежде всего, в города. По переписи 1939 г. они занимали вторые места вслед за русскими в Москве и Ленинграде среди всех национальностей, обитавших в мегаполисах. В этих двух городах проживало 47 % евреев от общей численности данного этноса в России (Всесоюзная перепись, 1939: 59, 63). Присутствие в большинстве регионов евреев, как и татар, говорит о высоких адаптационных качествах этих народов.

В 1930-е гг. в СССР формировалась новая модель матримониального поведения. Традиционные ценности института брака и семьи подвергались серьезным испытаниям. Происходило это по двум причинам. Первая была связана с решениями Советского государства послереволюционных лет в отношении семьи и брака. Секуляризация брака, изъятие дел о браке и разводе из ведения церкви и передача этих функций государству,

отмена ограничений, связанных со вступлением в брак и его расторжением, декларация равноправия супругов, легитимизация незарегистрированных (фактических) браков привели к революционным изменениям. Второй причиной являлись сложные экзогенные факторы. Коллективизация, индустриализация, насильственная, а также вынужденная миграция, массовый голод, репрессии, невиданные темпы урбанизации, активная борьба с церковью привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения, снижению влияния религии, исчезновению повседневного общественного деревенского контроля. Миллионы крестьян, хлынувшие в города в конце 1920-х – 1930-е гг., стали быстро усваивать более свободный стиль матримониального поведения (Демографическая модернизация, 2006: 89, 90). Следствием всего этого стало резкое увеличение разводов и неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных аборт. Массовый характер приобрела детская беспризорность и безнадзорность.

К 1935 г. число разводов, по сравнению с 1913 г., возросло в 68 раз. При этом средняя длительность брака при разводе была рекордно низкой и составляла менее пяти лет. Значение коэффициента суммарной разводимости середины 1930-х г. было достигнуто и превышено только через тридцать лет (Демографическая модернизация, 2006: 89, 90).

В 1930-е гг. изменилось положение женщины в обществе, выросла ее социальная роль. Если совсем недавно женщина традиционно занималась лишь домашними делами и была крайне незначительно вовлечена в общественную деятельность, то сейчас у нее появились реальные условия для самореализации. Произошло это по двум причинам. Во-первых, после революции 1917 г. права женщин были юридически признаны во всех сферах российского общества, включая семейно-брачные отношения. Во-вторых, в условиях коллективизации, индустриализации и культурной революции женский труд был активно востребован наравне с трудом мужчин.

Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в сельском хозяйстве СССР было задействовано 36 170 тыс. мужчин (50,4 %) и 35 565 тыс. женщин (49,6 %). Но женщины, работавшие в сельском хозяйстве, являлись в подавляющей массе (90,1 %) «помогающими членами семьи». Большинство их них совмещали участие в общественном производстве с работой в домашнем хозяйстве и выполнением семейных обязанностей. Вне сельского хозяйства (в других сферах народного хозяйства и социальных областях) женщина была востребована еще меньше. Если в середине 1920-х гг. в СССР в промышленности, строительстве, транспорте и др. было занято 7 818 тыс. мужчин (71,2 %), то женщин всего лишь 3 159 тыс. или 28,8 % (Всесоюзная перепись, Вып. X: 7).

Данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. говорят о новой социальной роли женщины в обществе и ее активной востребованности в экономике. Процент (к итогу) женщин, занятых в народном хозяйстве СССР, составлял: промышленность – 15,8, сельское хозяйство – 61,5, лесное хозяйство – 0,7, строительство – 1,3, транспорт и связь – 2,5, торговля, заготовки и общественное питание – 4,5, жилищное и коммунальное хозяйство – 1,3, просвещение, наука, искусство, печать – 5,0, здравоохранение – 3,5, государственные учреждения, партийные и общественные организации – 2,0 (Всесоюзная перепись, 1939: 97). Таким образом, вне сельского хозяйства в конце 1930-х гг. трудилось 38,5 % женщин, занятых в экономике. Это было на 10 % больше, чем десять лет назад. Правда, материалы переписи 1939 г. не дают ответ на вопрос о том, насколько активной была женщина, например, в сельском хозяйстве. Продолжала ли она оставаться в роли «помогающих членов семьи» (таких в 1926 г. было 90 %), или общественный труд стал превалировать над домашними обязанностями.

Признанием нового статуса женщин в обществе стало выдвижение их на руководящую работу. Правда, этот процесс был сложным и зависел от многих факторов: региона проживания, традиций, преобладания титульной нации и др. Так, в конце 1930-х гг. среди руководителей партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий 17 автономных республик РСФСР доля женщин варьировалась от 16,5 % (Карелия) до 6,4 % (Чувашия). Чем больше был процент славянского населения в АССР (Карельская, Крымская республики), тем активнее женщины выдвигались на руководящую работу (Всесоюзная перепись, 1939: 149, 152, 155, 158, 161, 163, 166, 168, 171, 173, 176, 178, 181, 183, 186, 188, 190). В республиках с преобладанием титульных наций (Дагестан,

Коми, Чечено-Ингушетия, Чувашия, Якутия, Татарстан) процесс этот был более сдержанным и тормозился традиционными стереотипами о месте и роли женщины в обществе и семье ([Всесоюзная перепись, 1939: 149, 152, 155, 158, 161, 163, 166, 168, 171, 173, 176, 178, 181, 183, 186, 188, 190](#)).

Революционные изменения в матримониальных отношениях наряду со сложными экзогенными факторами говорили о первых признаках перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения, от патриархальной к современной (европейской) семье. Последняя, как известно, характеризовалась более поздним вступлением в первый брак (у мужчин и женщин), значительным количеством мужчин и женщин, оставшихся вне брака (или живших фактическим браком), сокращением числа детей в официальном браке, доступностью развода и др.

По переписи 1939 г. в РСФСР насчитывалось 23 960 527 семей. Большая их часть (80,52 %) состояли из 2–5 человек. Редкостью стали большие семьи, например, из 7 человек. Таких в конце 1930-х гг. было всего 5,42 % от общего количества семей. Тенденция к сокращению больших семей была характерна не только для России. В эти годы семьи, состоявшие из 7 человек, в Казахстане и республиках Средней Азии составляли от 4,92 % до 7,44 % от общей численности семей ([Всесоюзная перепись, 1939: 90-91](#)).

В 1920-е гг. государство лояльно относилось к теории отмирания семьи при социализме, романтизации свободных отношений между полами (А. Коллонтай, И. Арманд, А. Луначарский). В середине 1930-х гг. ситуация изменилась. Большое количество разводов, рост искусственного прерывания беременности, младенческой смертности, снижение рождаемости привели к смене государственной политики в области семейно-брачных отношений. Модель свободного матримониального поведения была подвергнута критике. Она уступила место идее семейного долга, «семья – ячейка советского общества». Следствием новой политики стало постановление 1936 г. о запрещении абортов, введение уголовной ответственности за неплатеж алиментов, ужесточение процедуры развода. В дальнейшие годы государство кардинально пересмотрело отношение к фактическому и юридическому браку ([Демографическая модернизация, 2006: 91](#)).

В 1930-е гг. стремительно росло население городов. Это было вызвано, прежде всего, бегством крестьян в города от голода и раскулачивания. По данным В.А. Исупова, в 1933 г. в города и поселки городского типа СССР прибыло 7,4 млн человек, выбыло из них – 6,6 млн человек. Общий объем валовой миграции составил 14 млн переселений ([Исупов, 2000: 85](#)). Вторая причина, по которой быстро росло население городов, заключалось в невиданных темпах индустриализации. Стройкам первых пятилеток остро нужны были рабочие руки. Поэтому в больших масштабах была востребована и неквалифицированная рабочая сила. Если по состоянию на 1926 г. в городах России проживало 17,7 % от всего населения, то в 1939 г. уже 33,7 % ([Всесоюзная перепись, 1937: 50, 51; Всесоюзная перепись, 1939: 22](#)). Городское население за 12 лет увеличилось почти в два раза. Быстро росли промышленные (Орск, Свердловск, Кемерово, Нижний Тагил, Челябинск, Ленинск-Кузнецкий, Дзержинск), шахтерские (Шахты, Прокопьевск, Анжеро-Судженск), портовые (Архангельск, Мурманск, Керчь, Таганрог, Владивосток) города. Увеличение городского населения за десять лет (1926–1937 гг.) составляло иногда 200–400 % и даже 1000 %. Рекорд абсолютного роста принадлежит городу Сталинску Западно-Сибирского края (современный Новокузнецк). Его население за эти годы увеличилось в 40 раз! ([Всесоюзная перепись, 1937: 60-64](#)) Росло и население столичных городов. Если за десять лет в релятивных показателях прирост составил относительно немного, 80–90 %, то абсолютные цифры увеличились значительно. В 1926 г. в Москве и Ленинграде проживало соответственно 2 млн и 1,5 млн, в 1937 г. уже 3,8 млн и 2,8 млн человек ([Всесоюзная перепись, 1937: 60](#)). Быстрый рост столичных городов сдерживался жесткими условиями прописки. Беспорядочная урбанизация привела к острому дефициту жилья, массовому нарушению санитарных норм, росту инфекционных заболеваний. В 1930-е гг. города стали более многонациональными. Так, в столичных городах, кроме восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), проживали евреи, татары, мордовцы, армяне, поляки, эстонцы, немцы, финны и представители других этносов ([Всесоюзная перепись, 1939: 63](#)).

В 1920-е гг. низким оставался уровень грамотности населения России. При этом подходы, определявшие этот уровень, были весьма лояльными. Грамотным считался

гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке ([Всесоюзная перепись, 1939: 245](#)). По переписи 1926 г. уровень грамотности в РСФСР составлял лишь 40,7 % (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95](#)).

В последующее десятилетие культурная революция и политика ликвидации неграмотности дали весомые результаты. В РСФСР в 1939 г. было 81,9 % грамотных в возрасте от 9 лет и старше (мужчин и женщин). При этом в возрастной категории 9–49 лет грамотных было 89,7 %, 50 лет и старше – 42,9 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 40](#)). Однако работа по ликвидации неграмотности была не закончена. Перепись 1937 г. не зафиксировала ни одной возрастной группы населения СССР, в которой не было неграмотных. А в возрастных категориях 50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70 и более лет неграмотных было больше, чем грамотных. Прослеживается прямая зависимость возраста и уровня грамотности. Чем старше была возрастная группа обоих полов, тем выше был в ней процент неграмотных ([Всесоюзная перепись, 1937: 112](#)). Переписи 1937 г. и 1939 г. не подтвердили пропагандистский лозунг о сплошной грамотности населения. Поэтому данные переписи 1939 г. по грамотности были засекречены ([Жиромская, 2001: 180–181](#)).

Перепись населения 1939 г. зафиксировала рост грамотных среди всех 57 основных этносов СССР по сравнению с переписью 1926 г. За двенадцать лет процент грамотных значительно увеличился среди и мужчин, и женщин всех возрастных категорий. Правда, у женщин возрастной группы «50 лет и старше» он у большинства народов еще оставался невысоким ([Всесоюзная перепись, 1939: 83–85](#)).

Наиболее грамотными были представители европейских народов, проживавших в СССР. У них индекс грамотности был очень высоким и у мужчин, и у женщин. Так, процент грамотных в возрастной категории от 9 лет и старше обоих полов составлял: у немцев – 93,5 %, поляков – 84,1 %, греков – 82,7 %, эстонцев – 94,1 %, финнов (включая ленинградских финнов) – 95,6 %, латышей и латгальцев (латышей-католиков) – 93,4 %, болгар – 89,3 %, литовцев – 89,4 %, чехов и словаков – 96,3 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)). Высокий уровень грамотности европейских народов, проживавших в СССР, объяснялся историческими, экономическими и другими причинами. Важным фактором являлись традиции семейного образования и изучение родного языка. Эти традиции активно поддерживались у тех представителей европейских народов, которые проживали на территории СССР и, прежде всего, РСФСР компактно, так называемыми колониями (землячествами). К ним отнесем немцев, эстонцев, чехов, словаков и представителей других европейских народов.

Высоким процент грамотности был у евреев. У мужчин и женщин в возрасте от 9 лет и старше он составлял в 1939 г. 94,3 %. Как известно, среди евреев, проживавших в СССР, помимо основной группы (ашкеназов), имелось достаточно много специфических этнических единиц: бухарские (среднеазиатские), грузинские, горские, крымские (крымчаки), курдистанские (лахлухи) евреи. Если в переписи 1926 г. они учитывались в большинстве своем как отдельные этносы, то в конце 1930-х гг. они выделены не были и входили в собирательную категорию «евреи» ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 246](#)). Определить уровень грамотности внутри этой группы очень сложно. В 1920-е гг. самый высокий индекс грамотности был у ашкеназов и крымчаков (60–70 %), у остальных этнических групп варьировался от 20 до 30 % ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86](#)).

Достаточно высокими показателями грамотности были у восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), проживавших в СССР: у русских – 83,4 %, украинцев – 84,3 %, белорусов – 78,0 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)).

Политика ликвидации безграмотности привела к хорошим результатам у этносов Поволжья. Их уровень грамотности, по сравнению серединой 1920-х гг., вырос в 2–3 раза. В 1939 г. он составлял в возрастной группе от 9 лет и старше обоих полов: у татар (включая мишарей, кряшенов, тептярей, нагайбаков, крымских татар) – 77,9 %, башкир – 72,4 %, марийцев – 70,6 %, мордовцев – 68,1 %, чувашей – 78,2 %, удмуртов (включая бесермян) – 70,6 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 246](#)).

Уступали по уровню грамотности другим народам этносы Севера и Северного Кавказа. Всесоюзная перепись населения 1939 г. объединила в одну группу «народности Севера» 27 малочисленных этносов, проживавших на севере европейской части СССР, Западной

и Восточной Сибири, Дальнем Востоке. К этой группе были отнесены: саами, манси, ханты, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, долганы, тофалары, эвенки, негидальцы, эвены, удэгейцы, орочи, нанайцы, ульчи, ороки, юкагиры, чуванцы, чукчи, коряки, кереки, алюторцы, ительмены, эксимосы, алеуты ([Всесоюзная перепись, 1939: 247](#)). Аморфная категория «народности Севера», по сравнению с 1926 г., была значительно расширена. Тогда в нее включили лишь шесть малочисленных этносов – гольдов, чукчей, коряков, камчадалов, гиляков, эскимосов.

Уровень грамотности «народностей Севера» в 1939 г. составлял 42,5 %. При этом грамотных в категории 9–49 лет было 51 %, в категории 50 лет и старше лишь 6,3 %. Грамотных мужчин во всех возрастных категориях было на 7–12 % больше, чем женщин. Среди женщин старше пятидесяти лет грамотных практически не было ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 85](#)).

У якутов и бурят индекс грамотности всех возрастных категорий обоих полов составлял соответственно 53,7 и 67,6 %. Однако с повышением возраста он резко снижался. У якутов грамотных мужчин старше 50 лет было 8,1 %, женщин – 1,6 %, у бурят – 32,5 и 4,7 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83–85](#)).

Резко, по сравнению с серединой 1920-х гг., увеличились средние показатели грамотности у этносов Дагестана и Северного Кавказа. Культурная революция пришла даже в самые отдаленные кавказские аулы. Так, среди собирательной группы «народности Дагестана», куда входило 25 этнических единиц, индекс грамотности увеличился в одиннадцать раз и составил 66,2 % во всех возрастных группах обоих полов. Такой стремительный рост показателей грамотности являлся одним из лучших среди других этносов Северного Кавказа. Все они также значительно прибавили в своем культурном развитии. Средние данные грамотности в конце 1930-х гг. составили: у чеченцев – 42,8 %, осетин – 70,4 %, кабардинцев – 63,9 %, ингушей – 39,2 %, карачаевцев – 62,0 %, балкарцев – 63,6 %, ногайцев – 55,8 %, адыгейцев и черкесов – 68,5 %. Показатели грамотности этих народов выросли в 3–9 и даже в 12–15 раз (балкарцы и чеченцы) ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)).

Несмотря на очевидные достижения в области распространения грамотности у этносов Северного Кавказа, как и в большинстве национальных автономий страны, имелись серьезные проблемы. Уровень грамотности жителей городов был значительно выше, чем сельских жителей. Мужчины и женщины 1889 г.р. и старше значительно уступали по уровню грамотности своим более молодым соплеменникам. Женщины автономных республик и областей Северного Кавказа и Дагестанской АССР в возрасте от 9 до 49 лет были на ступень ниже по уровню грамотности, чем мужчины, а старше 50 лет в основной своей массе были неграмотными. Уровень их грамотности колебался от 1,2 % (чеченки) до 10,9 % (адыгейки и черкешенки) ([Всесоюзная перепись, 1939: 84–85](#)).

Это объясняется не только историческими причинами, стереотипами о традиционной роли женщины в обществе, религиозностью и др., но и сложными экзогенными факторами, политической турбулентностью, вносившими свои существенные коррективы в уровень грамотности населения региона и страны в целом.

Советская власть, провозгласившая равноправие мужчин и женщин, предоставила последним право на образование. В новых социальных условиях женщины, прежде всего молодые, это право активно реализовывали.

Обратимся к воспоминаниям Евгении Джамурзовны Налоевой, кандидата исторических наук, доцента Кабардино-Балкарского государственного университета. Она родилась в 1920 г. (по другим данным в 1922 г.) в Кабардинской АО в зажиточной кабардинской семье, имевшей осетинские корни. В 1929 г. ее отец был арестован и осужден по 58-й статье УК РСФСР на восемь лет. Семью, где было шестеро детей, было решено выслать в Северный край, имущество конфисковать. Они принимают решение бежать в Таджикистан, где уже скрывался от репрессий старший брат Евгении Аслангери. В 1934 г. отца освободили, в 1935 г. семья вернулась на Кавказ. В Таджикистане погиб от тифа младший брат Адальгери. Отец устроил Евгению вместе со старшей сестрой у знакомых в Орджоникидзе, а сам с женой вернулся в родное село Старый Урух. Евгения Джамурзовна поступила рабочей в чулочно-швейную мастерскую, вступила в комсомол, ее избрали секретарем комсомольской организации. Она стала членом бюро райкома комсомола и была

рекомендована на учебу (Налоева, 2018: 11, 12, 50, 51). Вот как она вспоминает то время: «Я солгала, что отучилась в школе, так как по возрасту должна была уже отучиться в школе. На самом деле в школе у себя в селе я проучилась три года. Но за эти три года я окончила пять классов... На протяжении нашей тяжелой жизни в Средней Азии я нигде не училась, но читала всё, что только мне попадалось из книг... И вот я – такая разбитная комсомолочка, но сразу видно, что неграмотная. Вот почему меня решили выдвинуть на учебу.

В индустриальный техникум меня не взяли, а взяли в педтехникум, в первую подготовительную группу. Первую подготовительную группу я посещала три месяца. Боже мой, день и ночь я сидела за книгами. Из того, что нам задавали, я почти ничего не знала и поэтому день и ночь читала. Потом перевели в старшую подготовительную группу...

Когда меня перевели к первокурсникам, очень удивилась, увидев на доске математическую формулу. У меня не было представления, что такое алгебра, геометрия, физика. Эти термины вообще были мне неизвестны, и вдруг я вижу эту формулу. Но мне показалось, что я это смогу одолеть, и, действительно, я настолько сильно полюбила математику, что преуспела в ней...

На первом курсе я стала отличницей и по математике, и по физике, и по биологии» (Налоева, 2018: 51-52).

В мае 1950 г. Евгения Джамурзовна, работавшая ассистентом кафедры истории Кабардинского пединститута, была арестована органами МГБ по 58-й статье УК РСФСР. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 г. она была приговорена к 8 годам лишения свободы. В связи со смертью Сталина, Е.Д. Налоева попала под амнистию, но отказалась выходить на свободу, требуя полной реабилитации. Была освобождена лишь в августе 1956 г. из мест заключения по состоянию здоровья (острая форма туберкулеза). В августе 1963 г. полностью реабилитирована и восстановлена на работу в Кабардино-Балкарский государственный университет. Скончалась Евгения Джамурзовна в 2007 г. (Налоева, 2018: 13, 14).

Судьба Е.Д. Налоевой типична для поколения, чьи детские и юношеские годы пришлось на время глобальных социальных экспериментов. Пережив голод, политические репрессии, потери близких, депортации, вынужденные переезды, они сохранили в себе желание учиться, жажду знаний и открытий. Трудности их не сломили. Когорта молодых людей 1920-х годов рождения вместе со страной победила фашизм и послевоенную разруху.

Важным представляется соотношение национальности и родного языка. Не у всех этносов, проживавших в 1930-е гг. в СССР и РСФСР, эти понятия совпадали. Во-первых, это было связано с процессами ассимиляции и этнической интеграции. Сближению способствовали такие факторы, как длительное проживание в одном месте и одном ландшафте, общие эндогенные процессы и тип хозяйствования, одна религия, отсутствие внешних различий, похожие духовные ценности и менталитет. История в XX в. знала много примеров культурной ассимиляции одного, как правило, менее многочисленного этноса другим, более крупным. В этом отношении (с оговорками) можно привести такие примеры: удмурты – бесермяне, якуты – долгане, армяне – езиды, татары (казанские) – бухарцы, кряшены, тептяри и т.д. Самый мощный вектор ассимиляции был направлен в сторону русского народа и русского языка.

По переписи 1939 г. из 170,5 млн жителей СССР родным считали русский, а не язык своей национальности, почти 7 млн человек, или более 4 %. Высокие показатели несоответствия *своя национальность – родной язык* были у восточноевропейских народов. У белорусов и украинцев соответственно 12,7 и 11,95 %. То есть более 4 млн представителей этих этносов в качестве родного указали русский язык (Всесоюзная перепись, 1939: 80).

Второй причиной, по которой утрачивал свое значение родной язык, были адаптационные процессы. Многим некоренным народам, чтобы выжить, приходилось приспособливаться к реальным условиям и окружающей среде. Родным языком считали в конце 1930-х гг. русский 62,84 % литовцев, 54,64 % евреев, 42 % латышей. Высоким процент признания в качестве родного языка русского был зафиксирован у эстонцев, чехов, словаков, греков, поляков. Всего родным языком считало русский 62,39 % жителей СССР. В этих условиях закономерным выглядит соотношение *своя нация – родной язык* у русских. 99,84 % русских назвали родным язык своей национальности. Большинство титульных

наций автономий страны указали в качестве родного языка своего этноса ([Всесоюзная перепись, 1939: 80](#)).

Образование в РСФСР в 1920–1930-е гг. не получило масштабного развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. По переписи 1939 г., на 1 000 населения в РСФСР приходилось 77 человек со средним, в том числе незаконченным образованием, и 7 человек с высшим ([Жиромская, 2001: 182-185](#)).

Важной частью социальной жизни в России продолжала оставаться религия. Этот вопрос достаточно хорошо изучен в отечественной исторической литературе ([Жиромская, 2001: 185–217](#); [Араловец, 2009: 35-38](#)). Остановимся на самых важных моментах. Вопрос об отношении к религии был включен в переписной лист Всесоюзной переписи населения 1937 г. под номером 5. Инструкция к заполнению переписного листа предписывала счетчику опрашивать по этому пункту респондента, начиная с 16 лет и старше. Если опрашиваемый считал себя неверующим, необходимо было записывать «неверующий». Для верующих предписывалось записывать название религиозного течения, к которому они себя относили ([Всесоюзная перепись, 1937: 276-277](#)).

Пожалуй, именно вопрос об отношении к религии был самым острым. Он породил множество слухов и небылиц. Для этого были серьезные основания. Верующие опасались преследований, т.к. знали отношение советской власти к религии. В памяти были живы воспоминания о массовых репрессиях верующих в ходе коллективизации.

Самыми распространенными были слухи о том, что всех верующих «выбросят из колхозов», «должны забрать», «будут ссылать; с верующих будут брать налоги, детей верующих выбросят из школы» и т.д.

Устойчивым был слух о том, что большое количество верующих заставит власть открыть церкви, возобновить богослужения, вернуть из ссылки священнослужителей. Надежды верующих в том числе были связаны с принятой в декабре 1936 г. новой Конституцией СССР ([Всесоюзная перепись, 1937: 310-311](#); [Жиромская, 2001: 185-191](#)).

В условиях массовых репрессий, начавшихся после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., в атмосфере страха и политической турбулентности некоторые утаили свое истинное отношение к вере. Но и в этой сложной обстановке большая часть населения своих убеждений не скрывала. В итоге перепись 1937 г. в целом по СССР дала следующие итоги. Среди граждан в возрасте 16 лет и старше верующих оказалось 55,3 млн (56,7 %) против 42,2 млн неверующих (43,3 %) от общего числа населения, выразившего свое отношение к религии. 0,9 млн человек отказались ответить на этот вопрос ([Жиромская, 2001: 191](#)).

Материалы переписи 1937 г. позволили фрагментировать все крупные религиозные течения, существовавшие на территории СССР. Самым распространенным религиозным учением было христианство. Христианами признали себя почти 80 % всех верующих Советского Союза ([Жиромская, 2001: 205](#)). Были учтены все течения христианства: православные, включая старообрядцев, автокефалистов, иоаннитов и проч., армяно-григориане, католики, протестанты. Самой многочисленной группой среди всех религиозных направлений были православные. Они составляли 75,3 % от верующего населения обоих полов СССР ([Жиромская, 2001: 206](#)). Кроме христиан выделялись мусульмане (магометане), составлявшие 14,9 % от всех верующих, иудеи, буддисты и ламаисты, шаманисты, включая бурханистов, хэри-мапа и др. ([Жиромская, 2001: 206](#); [Всесоюзная перепись, 1937: 313](#)).

Несмотря на мощную антирелигиозную пропаганду, борьбу с церковью и верующими, верования играли в российском обществе большую роль. У православных в 1930-е гг. были популярны крестины, отпевание, празднования Пасхи и другие религиозные обряды. Но все это постепенно переходило в нелегальную, теневую сферу жизни верующих граждан. Часто обряды крещения и отпевания совершали тайно, без свидетелей, скрывая их от посторонних глаз. Религиозные праздники отмечали, как правило, дома, тихо, по-семейному. Как рассказывала мама, Татарина Таисия Александровна, автору этих строк, в середине 1930-х гг. в городе Вятке (ныне Кирове) учителя в школе после пасхальной ночи активно интересовались у учеников, пекли ли дома куличи, красили ли яйца и т.д. Родители строго наказывали детям не рассказывать об этом в школе, отвечать на подобные вопросы отрицательно.

В переписи населения 1939 г. вопрос об отношении к религии был исключен, т.к. несложно было спрогнозировать ответы населения о вере в Бога. Правда, вскоре, в годы Великой Отечественной войны, под влиянием драматических событий и потерь властям пришлось пойти верующим и церкви на определенные уступки.

4. Заключение

Подводя итоги демографическому развитию российских этносов в 1930-е гг., необходимо отметить, что оно проходило в крайне неблагоприятных условиях. Народы России пережили массовый голод 1932–1933 гг., миграции, депортации, раскулачивание, Большой террор и локальные войны. Всё это пагубно влияло на качество жизни этносов и имело разрушительные последствия для их демографического здоровья. В 1930–1931 гг., в период раскулачивания, около двух миллионов человек подверглись насильственной высылке на спецпоселения. В середине 1930-х гг. по этническому признаку было депортировано около 300 тыс. корейцев, финнов, поляков и курдов. Переселения носили прелиминарный характер, были направлены против несуществующей пятой колонны. В период Большого террора, за неполные два года, страна потеряла 1 млн человек погибшими. В это время органами НКВД СССР было проведено десять национальных операций против выходцев из тех стран, которые, по мнению Сталина, составляли враждебное окружение по периметру границ СССР. В ходе всех национальных операций, по некоторым данным, было осуждено около 350 тыс. человек, более 70 % из которых приговорено к смертной казни.

Голод 1932-1933 гг., ставший следствием коллективизации, разрушения села, раскрестьянивания, привел к гибели миллионов людей. Только в РСФСР в 1933 г. погибло 3 млн человек. Трагические экзогенные факторы привели в первой половине 1930-х гг. к высоким показателям смертности, сокращению средней продолжительности жизни, массовым эпидемиям.

Проведенные в 1937 и 1939 гг. Всесоюзные переписи населения не устроили советское руководство. Их результаты не отражали успехов социалистического строительства. Переписи не подтвердили высоких темпов ежегодного прироста населения, пропагандистских лозунгов о сплошной грамотности, всеобщем атеизме, обнажили масштабы демографических потерь. В итоге перепись 1937 г. была объявлена дефектной, а ее материалы на пятьдесят лет засекречены. Частично были засекречены и материалы Всесоюзной переписи 1939 г. Тем не менее материалы переписей дают богатый материал для характеристики демографического поведения российских этносов в 1930-е гг. Количество народов в переписях всё время уменьшалось. Если перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов и учла даже самые малые национальные единицы, то перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. – по 57 «основным» этносам.

Большинство населения РСФСР в исследуемый период составляли русские. Их в 1939 г. насчитывалось более 90 млн человек, или 82,5 % от общего числа жителей республики. Впервые более чем за два столетия истории России русские стали составлять большинство населения. Другие восточноевропейские народы (украинцы и белорусы) значительно сократили свою численность. Многие аборигенные народы Поволжья (прежде всего татары), Северного Кавказа, Сибири увеличили свою численность. Серьезные проблемы в демографическом развитии испытали малые народы Севера.

В 1930-е гг. формировалась новая модель матримонильного поведения. Решения Советского государства послереволюционных лет, а также социальные катаклизмы привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения и общественного контроля. Следствием этого стало резкое увеличение разводов, неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных аборт, детская беспризорность приобрела массовый характер.

В 1930-е гг. изменилось положение женщины в обществе, выросла ее социальная роль. Женщина активно вовлекалась в общественную деятельность, у нее появились реальные условия для самореализации, женский труд был востребован наравне с трудом мужчин. При этом в национальных автономиях процесс этот был более сдержанным и тормозился стереотипами о месте женщины в обществе и семье.

1930-е годы характеризовались массовой миграцией, невиданными темпами индустриализации и урбанизации. Городское население с 1926 по 1939 г. увеличилось в два раза и составляло более 1/3 всего населения РСФСР. Быстро росли промышленные, шахтерские и портовые города. Это привело к острому дефициту жилья, массовому нарушению санитарных норм, росту числа инфекционных заболеваний.

Политика ликвидации неграмотности дала серьезные результаты. Если в 1926 г. в России уровень грамотности составлял лишь 40,7 %, то в 1939 г. уже 81,9 %. Практически все этносы прибавили в своем культурном развитии. Но и здесь существовали проблемы. Не было ни одной возрастной группы, в которой отсутствовали неграмотные. Чем старше была возрастная группа обоих полов, тем выше был в ней процент неграмотных. Женщины национальных автономий старше 50 лет были в основном неграмотными.

В 1930-е гг. продолжались процессы ассимиляции и этнической интеграции. Самый мощный вектор ассимиляции был направлен в сторону русского этноса, языка и культуры. В конце десятилетия родным языком считали русский 7 млн жителей СССР (более 4 %) нерусской национальности.

Важной частью социальной жизни оставалась религия. По переписи 1937 г. среди граждан СССР в возрасте 16 лет и старше верующих (всех конфессий) оказалось 55,3 млн (56,7 %) против 42,2 млн. неверующих (43,3 %) от общего числа населения, выразившего свое отношение к религии. Такой итог был получен несмотря на мощную антирелигиозную пропаганду, атмосферу страха, преследования верующих, аресты священнослужителей, массовое закрытие храмов и приходов в годы коллективизации. Многие не стали скрывать своего истинного отношения к вере.

В 1930-е гг. демографическое развитие российских этносов проходило под влиянием крайне сложных экзогенных факторов. Рождаемость, смертность, брачность, разводимость, заболеваемость, уровень образования и грамотности, религиозности и другие демографические показатели народов напрямую зависели от политических процессов, глобальных социальных экспериментов и катаклизмов. В этих условиях многим этносам, особенно малочисленным, очень трудно было сохранить свои национальные корни, самобытность и культурное своеобразие. Массовые политические репрессии, этнические депортации, национальные операции, проведенные НКВД СССР, заставили многих представителей нацменьшинств прятать свои корни. Польская, немецкая или греческая фамилии могли стать основанием для ареста и осуждения по 58-й статье УК РСФСР. «Неправильная» национальность была поводом для подозрений и преследований. Поэтому при любом удобном случае представители «подозрительных» национальностей меняли фамилии, записывались русскими или украинцами, скрывали этнические корни.

1930-е годы побили рекорды по бедам и страданиям, выпавшим на долю страны и ее многочисленных народов. Впрочем, наступавшие 1940-е принесли еще больше несчастий и потерь.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Института российской истории РАН.

Литература

[Араловец, 2009](#) – *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. IV](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 138 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. V](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. V: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 86 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. VII](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 111 с.

- [Всесоюзная перепись, Вып X](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. X: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 250 с.
- [Всесоюзная перепись, 1937](#) – Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
- [Всесоюзная перепись, 1939](#) – Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
- [Демографическая модернизация, 2006](#) – Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- [Жиромская, 2001](#) – *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
- [Земсков, 1991](#) – *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльпоселенцы, ссыльные и высланные (Статистическо-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 151–165.
- [Земсков, 2005](#) – *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
- [История Гулага, 2004](#) – История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.
- [История государства, 1999](#) – История отечественного государства и права. Ч. II / под ред. О.И. Чистякова. М.: БЕК, 1999. 491 с.
- [Исупов, 2000](#) – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
- [Кропачев, 2009](#) – *Кропачев С.А.* Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // *Российская история*. 2009. № 1. С. 206–213.
- [Кропачев, 2010](#) – *Кропачев С.А.* Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей. Краснодар: Экоинвест, 2010. 296 с.
- [Кропачев, 2011](#) – *Кропачев С.А.* «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 гг. // *Российская история*. 2011. № 2. С. 116–124.
- [Кропачев, 2018](#) – *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы российской истории и историографии. Майкоп: Полиграф-Юг, 2018. 280 с.
- [Кропачев, Селицкий, 2016](#) – *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированные в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. 220 с.
- [Лубянка, 2004](#) – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.
- [Налоева, 2018](#) – *Налоева Е.Д.* Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2018. 720 с.
- [Население России, 2000](#) – Население России в XX веке: в 3-х т. Т. 1 / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
- [Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.
- [Репрессии против поляков, 1997](#) – Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. 256 с.
- [Соломон, 1998](#) – *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.

References

[Aralovets, 2009](#) – *Aralovets, N.A.* (2009). *Gorodskaiia sem'ia v Rossii, 1927-1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif and K, 304 p. [in Russian]

- [Demograficheskaiia modernizatsiia, 2006](#) – *Visnevskii, A.*, ed. (2006). Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii. 1900–2000. [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. M.: Novoe izdatel'stvo, 608 p. [in Russian]
- [Istoriia gosudarstva, 1999](#) – *Chistiakov, O.I.*, ed. (1999) Istoriia otechestvennogo gosudarstva i prava. Ch. II. [History of the national state and law. Part II]. Moscow: BEK, 491 p. [in Russian]
- [Istoriia Gulaga, 2004](#) – *Vert, N., Mironenko, S.V.*, ed. (2004). Istoriia stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaiia polovina 1950-kh godov: Sobranie dokumentov: v 7 t. T. 1. Massovye repressii v SSSR. [History of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes. Vol. 1. Mass repressions in the USSR]. M.: ROSSPEN, 728 p. [in Russian]
- [Isupov, 2000](#) – *Isupov, V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 244 p. [in Russian]
- [Kropachev, 2009](#) – *Kropachev, S.A.* (2009) Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia v Parizhe o stalinskom “bol'shom terrore” [International scientific conference in Paris on Stalin's “great terror”]. *Rossiiskaia istoriia*. 1: 206-213. [in Russian]
- [Kropachev, 2010](#) – *Kropachev, S.A.* (2010). Masshtaby demograficheskikh poter' SSSR. Nachalo 1930-kh – seredina 1940-kh godov. Problemy otechestvennoi istorii i istoriografii: sbornik nauchnykh statei [The Scale of demographic losses in the USSR. Early 1930s – mid-1940s. Problems of national history and historiography: collected articles]. Krasnodar: Ekoinvest, 296 p. [in Russian]
- [Kropachev, 2011](#) – *Kropachev, S.A.* (2011). “Bol'shoi terror” i ego zherty v zerkale sovetskoi propagandy 1937–1938 gg. [“The Great terror” and its victims in the mirror of Soviet propaganda 1937–1938]. *Rossiiskaia istoriia*. 2: 116-124. [in Russian]
- [Kropachev, 2018](#) – *Kropachev, S.A.* (2018) Demograficheskie poteri naseleniia SSSR. Nachalo 1930-kh – seredina 1940-kh godov. Problemy rossiiskoi istorii i istoriografii. [Demographic losses of the USSR population. Early 1930s – mid-1940s. Problems of Russian history and historiography]. Maykop: Poligraf-Iug, 280 p. [in Russian]
- [Kropachev, Selitsky, 2016](#) – *Kropachev, S.A., Selitsky, A.I.* (2016) Martirolog poliakov Kubani. Repressirovannye v khode “pol'skoi operatsii” NKVD 1937-1938 gg. [Martyrology of Kuban poles. Repressed during the “Polish operation” of the NKVD in 1937-1938]. Maykop: Poligraf-Iug, 220 p. [in Russian]
- [Lubyanka, 2004](#) – *Lubianka*. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937-1938. (2004) [The Lubyanka. Stalin and The main Directorate of state security of the NKVD. Archive of Stalin. Documents of the highest bodies of party and state power. 1937–1938]. Moscow: MFD. 736 p. [in Russian]
- [Naloeva, 2018](#) – *Naloeva, E.D.* (2018) Nauka byt' Chelovekom (Vospominaniia, perepiska, dokumenty). [Science to be the Human (Memories, correspondence, papers)]. Nalchik: Pechatnyi dvor, 720 p. [in Russian]
- [Polyakov, 1986](#) – *Polyakov, Iu.A.* (1986) Sovetskaia strana posle okonchaniia grazhdanskoi voiny: territoriia i naselenie. [Soviet country after the end of the civil war: territory and population]. Moscow: Nauka, 272 p. [in Russian]
- [Population of Russia, 2000](#) – *Poliakov, Iu.A.*, ed. (2000) Naselenie Rossii v XX veke: v 3-kh t. T. 1. [Population of Russia in the 20th century. In 3 vols. Vol. 1]. M.: ROSSPEN, 463 p. [in Russian]
- [Repressii protiv poliakov 1997](#) – Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan (1997) [Reprisals Against Poles and Polish citizens]. Moscow: Zven'ia, 256 p. [in Russian]
- [Solomon, 1998](#) – *Solomon, P.* (1998) Sovetskaia iustitsiia pri Staline [Soviet justice under Stalin]. M.: ROSSPEN, 462 p. [in Russian]
- [Vsesoiuznaia perepis', 1937](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov. (2007) [All-Union population census of 1937: General results. Collection of documents and materials]. Moscow: ROSSPEN, 320 p. [in Russian]
- [Vsesoiuznaia perepis', 1939](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda: Osnovnye itogi. (1992) [All-Union population census of 1939: Main results]. Moscow: Nauka, 256 p. [in Russian]

Vsesoiuznaia perepis', Vyp. IV – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. IV: Narodnost' i rodnoi iazyk naseleniia SSSR. (1928) [All-Union population census on December 17, 1926: Brief summaries. Issue IV: Nationality and native language of the population of the USSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 138 p. [in Russian]

Vsesoiuznaia perepis', Vyp. V – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. V: Voзраст i gramotnost'. Evropeiskaia chast' RSFSR. Belorusskaia SSR. (1928) [All-Union population census on December 17, 1926: Brief summaries. Issue V: Age and literacy. European part of the RSFSR. Byelorussian SSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 86 p.

Vsesoiuznaia perepis', Vyp. VII – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. VII: Voзраст i gramotnost' naseleniia SSSR. (1928) [All-Union population census of December 17, 1926: Brief summaries. Issue VII: Age and literacy of the population of the USSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 111 p. [in Russian]

Vsesoiuznaia perepis', Vyp. X – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. Kh: Naselenie Soiuza SSR po položeniiu v zaniatii i otrasliam narodnogo khoziaistva. (1929) [All-Union population census of December 17, 1926: brief summaries. Issue X: Population of the USSR on the situation in employment and branches of the national economy]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 250 p. [in Russian]

Zemskov, 1991 – *Zemskov, V.N.* (1991). Zakliuchennye, spetsposelentsy, ssyl'poselentsy, ssyl'nye i vyslannye (Statisticheskogeograficheskii aspekt). [Prisoners, special settlers, exiles, exiles (Statistical and geographical aspect).] *Istoriia SSSR*, № 5, pp. 151–165. [in Russian]

Zemskov, 2005 – *Zemskov, V.N.* (2005). Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. [Special settlers in the USSR, 1930–1960.] Moscow: Nauka, 306 p. [in Russian]

Zhiromskaya, 2001 – *Zhiromskaya, V.B.* (2001). Demograficheskaiia istoriia Rossii v 1930-e gg. Vzgliad v neizvestnoe. [Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown.] Moscow: ROSSPEN, 280 p. [in Russian]

Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изменениям демографического поведения этносов России в 1930-е годы, – изменениям, которые произошли, прежде всего, под влиянием крайне негативных экзогенных факторов. Рождаемость, смертность, брачность, разводимость, болезни, уровень образования и грамотности, религиозности и другие демографические показатели народов анализируются в контексте политических процессов, глобальных социальных экспериментов и катаклизмов. В этих сложных условиях многим этносам, особенно малочисленным, очень трудно было сохранить свои национальные корни, самобытность и культурное своеобразие. Исследуются факторы, определившие на долгие годы уклад и качество жизни народов России.

Ключевые слова: 1930-е годы, административно-территориальное деление, демография, репрессивная политика, Россия, РСФСР, этносы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 129-138

DOI: 10.13187/rs.2020.2.129
www.ejournal15.com

Bataysk Aviation School of Pilots: Training and Education of Personnel for the Red Army during the Initial Period of the Great Patriotic War (1941–1942)

David M. Gryadski ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the consideration of the process of training and education of military pilots in the first years of the Great Patriotic War at the Bataysk Aviation School of Pilots. The article is based on a number of sources such as: regulatory documents, curricula and memoirs of teachers and cadets of the school. In this regard, the purpose of this article is to study and analyze the training system at the Bataysk Aviation School in the early first of the Great Patriotic War in the context of the development of military education in the region. The main sources on this topic are the materials of the meetings of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). In this regard, the most interesting for us are the materials stored in fund 13 of the Center of Documentation of Contemporary History of the Rostov Region, which contain the information on the results of the control and verification exercises of the air defense and air force of the North Caucasus Military District on the eve of the war, which allows us to assess the degree of preparedness of the personnel of the air defense and air forces. Another group of sources is represented by sources of personal origin, in particular the memoirs of the Soviet ace pilot Grigory Dolnikov, which make it possible to reconstruct not only the “official” side of the school’s work, but also the personal side of education in this institution. Methodology includes a number of general scientific methods: description, comparison, synthesis; as well as the historical-anthropological method, which made it possible to reconstruct through the prism of the personal experience of participants in military training. In general, the Bataisk Aviation School met the needs of the Red Army in flight personnel and trained knowledgeable pilots, and also participated in the dissemination of military knowledge in the Rostov region.

Keywords: Great Patriotic war, Bataysk, Bataysk Aviation School, training for the Red army.

1. Введение

Интерес к истории военного образования обусловлен рядом причин. Изменение в структуре вооруженных сил, порядка комплектования и подготовки войск выводит на первый план проблемы подготовки и обучения. В последнее время эти проблемы привлекают внимание широкого круга историков и исследователей (Комал, 1990; Бранденбегер, 2009; Афанасенко, 2014 и др.). В изучении данных вопросов достаточно информативными являются источники личного происхождения. Они содержат сведения не только о повседневности, но и ее эмоциональной оценке авторами.

* Corresponding author

E-mail addresses: mr.gryadskiy@mail.ru (D.M. Gryadskiy)

История военно-учебных заведений является органической частью любой более общей проблемы, связанной с военным образованием. Затрагивая историю отдельного военно-учебного заведения, мы можем более точно понять современные противоречия, которые скрываются в реформе военного образования. В октябре 2008 г. был анонсирован комплекс мероприятий по изменению состава, структуры и численности Вооруженных сил Российской Федерации. Весь первый этап данной реформы (2008-2015) был полностью посвящен военному образованию. В 2009 г. были созданы учебно-научные центры видов Вооруженных сил, укрупнен ряд военных академий и университетов. Основной причиной такого подхода стал существенный недостаток широкопрофильных военных университетов и оторванность военной науки от образования (Газманов и др., 46).

В данной статье рассматриваются вопросы подготовки кадров в Батайском авиационном училище летчиков в первые годы Великой Отечественной войны. Статья опирается на выявленные в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) и Центре документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) материалы, дающие возможность исследовать процесс подготовки кадров в Батайском авиационном училище.

2. Материалы и методы

Источниками данного исследования стали архивные дела ЦАМО РФ (фонд 4 – Секретариат Генерального штаба РККА) и ЦДНИРО (фонд 9 – Ростовский обком КПСС и фонд 13 – Ростовский горком КПСС). В ЦАМО РФ сохранились приказы с прилагаемыми к ним планами обучения по открытию Батайской авиационной школы. Эта информация позволяет реконструировать образовательный процесс в данном военно-учебном заведении. В ЦДНИРО содержится информация из протоколов заседаний городского и областного комитетов ВКП(б). В фонде Ростовского горкома КПСС содержатся протоколы заседаний военного отдела Ростовского областного комитета ВКП(б), позволяющие реконструировать процесс принятия тех или иных решений партийными органами в области военного образования. Также привлекались источники личного происхождения. Это воспоминания военных летчиков В.Г. Дементьева и Г.У. Дольникова, которые учились в Батайском авиационном училище. Воспоминания позволяют нам посмотреть на процесс обучения глазами самих курсантов Батайского авиационного училища.

3. Обсуждение и результаты

С первого дня организации РККА Советское государство было вынуждено сохранять высокую боевую готовность и выучку солдатских и командных кадров в ней с целью поддержания обороноспособности страны. Стремительные технологические изменения в военной сфере, происходившие в связи с процессами индустриализации, заставляли укреплять и модернизировать военные навыки и умения военнослужащих РККА. Все предвоенные годы происходило насыщение армии новой техникой. Это усложняло ее структуру и требовало подготовки кадров, которые могли бы эффективно эксплуатировать данную технику. В Военно-воздушных силах (ВВС) требовались и серьезные знания общеобразовательного цикла. Это было одним из основных направлений деятельности военно-учебных заведений в предвоенный и военный периоды. В годы Великой Отечественной войны, в разгар советского контрнаступления, после успешного завершения Сталинградской битвы и освобождения Ростова-на-Дону, 23 февраля 1943 г. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин, отмечая успехи РККА в деле борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, приказывал всем звеньям командования: «Неустанно совершенствовать боевую выучку и укреплять дисциплину, порядок и организованность во всей Красной Армии и в Военно-Морском флоте» (Сталин, 1948: 95). Этим задачам отвечали предпринимаемые меры по расширению сети военно-учебных заведений, в том числе и на юге РСФСР. К 1939 г в Северо-Кавказском военном округе (СКВО) функционировало 37 военно-учебных заведений. Часть из них была создана еще в дореволюционный период, другие в связи с модернизацией армии, насыщением ее новой техникой и необходимостью осваивать новые виды вооружения. Одним из таких военно-учебных заведений было Батайское авиационное училище военных летчиков.

Историография по теме представлена рядом статей, которые затрагивают проблему военного образования в контексте более широких вопросов. В 1990 г. на страницах «Военно-исторического журнала» была опубликована работа Ф.Б. Комала «Военные кадры накануне войны» (Комал, 1990). Автор отстаивает тезис о том, что специализированные военные училища создавались с целью удовлетворить потребности численно растущей Красной армии. Более развернуто проблему преподносит В.И. Афанасенко. В работе «О подготовке военных специалистов в Северо-Кавказском военном округе накануне и в первый период Великой Отечественной войны (1940-1942 гг.)» автором рассматривается взаимосвязь общеобразовательных и военных школ, после окончания которых можно было поступать без экзаменов в военные училища (Афанасенко, 2014). Интересный взгляд на проблему военного образования в регионе представлен в работах А.Ю. Безугольного. В них автор смещает акцент на обучение в национальной среде, рассматривая, однако, данную проблему опосредованно, вписывая ее в более широкие рамки проблем национального строительства в вооруженных силах на Юге РСФСР (Безугольный, 2007; Безугольный, 2016).

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов заявил: «Страна победившего социализма – самая миролюбивая из всех стран мира, но, будучи окружена капиталистическими странами, являясь бельмом на глазу капиталистических стран, она больше, чем какая-либо другая страна находится под угрозой нападения» (ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 175. Л. 1). Это обязывало советское руководство быть постоянно готовым и «держат весь народ, в состоянии мобилизационной готовности, всемерно укреплять боевую готовность Красной Армии и Военно-Морского флота» (ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 175. Л. 1). К основным компонентам, обеспечивавшим обороноспособность государства, всегда относились профессионализм и высокая степень подготовки войск. В условиях болезненной нехватки офицеров среднего и младшего командного звена происходило расширение сети военно-учебных заведений и активизировалось развитие спорта в регионе. Этим же целям отвечала краткосрочность в проведении обучения. При комплектовании училищ предпочтение отдавалось солдатам срочной службы, сверхсрочникам и сержантам до 25 лет (Комал, 1990: 25-26). Солдаты-сверхсрочники требовали меньше усилий со стороны военных инструкторов, так как уже имели служебный опыт и представление о военной службе. Именно солдаты сверхсрочной службы могли обучить призванных бойцов военным навыкам. Одним из таких военно-учебных заведений было и Батайское авиационное училище военных летчиков. Училище отдавало предпочтение именно подготовке призывников, имеющих спортивный разряд или значок ГТО. Партийные органы Ростовской области в апреле 1939 г. отмечали: «Если призывник вышел со значком ГТО, значит, он разносторонне подготовлен и полученная им физическая закалка облегчает выполнение задачи боевого обучения военному делу» (ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 175. Л. 5).

Батайское авиационное училище военных летчиков берет свое начало от Читинского училища военных летчиков. 19 августа 1938 г. в Чите было организовано авиационное училище, которое занималось подготовкой летного состава для Красной армии. Однако в октябре 1939 г. оно было переведено в Батайск на базу расформированной ранее Батайской Первой Краснознаменной школы гражданского воздушного флота имени Баранова (Историческая справка). Незадолго до перевода училища из Читы в Батайск при Ростовском областном комитете ВКП(б) был создан военный отдел. Усложнение структуры военного образования требовало создания новых органов власти, которые координировали бы военную деятельность в регионе. 26 апреля 1939 г. Ростовский обком ВКП(б) постановил: «В соответствии с решением 18 съезда партии создать при РК и ГК ВКП(б), в десятидневный срок, оргинструкторский и военный отделы. Горкомам и райкомам ВКП(б) представить на утверждение Обкома ВКП(б) кандидатуры, утвержденные РК и ГК ВКП(б), на заведующих этих отделов» (ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 142. Л. 210). Военный отдел Ростовского обкома партии, созданный в 1939 г., следил за состоянием военной подготовки в области и давал обкому ВКП(б) ежемесячные отчеты о деятельности военных училищ в том числе и военных училищ области. На военные отделы также возлагались обязанности организации призыва, помощи военным органам в деле постановки на учет военнообязанных, организации противовоздушной обороны и т.п. (КПСС в резолюциях и решениях..., 1985: 90).

К началу 1940 г. Батайское авиационное училище начало подготовку первого набора военных летчиков, которые в июне 1940 г. пополнили ряды РККА. За шесть месяцев было подготовлено 542 летчика-истребителя (Ревина, 6). Новые летные кадры обладали достаточно глубокими и разносторонними знаниями, которые не ограничивались исключительно летным делом. Приказ от 3 марта 1941 г. предписывал установить следующий срок подготовки летного и технического состава для школы военных пилотов: «Школа военных пилотов. Срок обучения: в мирное время – 9 месяцев, в военное время – 6 месяцев» (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 321). Также приказом устанавливалось, что задача училища состоит в том, чтобы за короткий срок «научить курсанта: владеть техникой пилотирования днём и ночью; водить звено и эскадрилью на всех высотах днём, ночью и в сложных метеоусловиях, на предельный радиус самолета и с боевым применением» (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 322). Для практической подготовки курсантов при училище были организованы авиационные отряды. В военно-учебном заведении имелось два авиационных отряда, один из которых летал на центральном Батайском аэродроме в самом городе, а другой – на разлетной площадке у села Койсуг, в 8 км западнее Батайска.

Благодаря ряду имеющихся источников, мы можем реконструировать учебный план, принятый в данном училище. В.Г. Дементьев, бывший курсантом в школе накануне войны, вспоминал: «Теоретическая работа в основном состояла из следующих дисциплин: конструкция истребителя И-16, его мотор, штурманское дело, метеорология и воздушно-стрелковая подготовка. При изучении последнего предмета нужно было хорошее базовое знание геометрии, особенно объемной, стереометрии, да и тригонометрия с ее синусами и косинусами тоже была нужна» (Дементьев, 1988: 47). Летчик-ас Г.У. Дольников вспоминал: «Нас за короткий срок обучили всем премудростям солдатской науки – быстро окапываться в обороне и ходить в рукопашную, метко стрелять и переносить тяготы в длительном походе» (Дольников, 1983: 35). Как отмечал выпускник училища В.Г. Дементьев, «большое внимание в школе уделялось физической подготовке. Два раза в неделю проводились занятия на снарядах в спортзале – использовались турник, брусья, батут, лопинг и другие» (Дементьев, 1988: 47). Подготовку новых летных кадров облегчал настрой самих курсантов, которые стремились попасть в училище. В.Г. Дементьев, обучавшийся до поступления в Батайскую авиационную школу в Нахичеванской авиационной школе, вспоминал, что обеспечение курсантов в первой было гораздо лучше и качественнее. Он писал: «В Батайской школе сразу почувствовался другой подход к воспитанию курсантов, особенно со стороны строевых командиров. Комендант школы был зверь. Ходил всегда со свитой и за малейшее нарушение сразу отправлял на гауптвахту» (Дементьев, 1988: 52). Но это никак не влияло на позитивный образ военнослужащего Красной армии в глазах курсантов, да и населения Ростовской области. Батайский городской комитет ВКП(б), проводя мониторинг настроения призывников, отмечал: «Советская молодежь стремится быть похожей на героев-летчиков... и до прихода в армию желает получить зачатки военных знаний, военных специальностей – летчиков, пулеметчиков, красных кавалеристов и пр.» (ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 175. Л. 5-6). Когда в декабре 1940 г. была расформирована Нахичеванская авиационная школа, всех курсантов перевели в Батайскую авиационную школу, в которой готовили летчиков-истребителей. В.Г. Дементьев об этом моменте вспоминал: «Моей радости не было предела, хотя вначале я и боялся, что меня из-за высокого роста не допустят на истребители. Обошлось – допустили!» (Дементьев, 1988: 52).

В приказе Народного комиссара обороны С.К. Тимошенко от 3 марта 1941 г. «Об установлении системы подготовки и порядка комплектования ВУЗов военно-воздушных сил и улучшения качества подготовки летного и технического состава» также четко была обозначена задача военной школы как военно-учебного заведения по подготовке высококвалифицированных пилотов. Приказ гласил: «...задача школы научить курсанта-пилота: пилотированию и применению боевого самолета днём в простых метеорологических условиях; групповым полетам в составе звена и дать практику в маршрутных полетах, с посадкой на незнакомых аэродромах, для чего включить в программу 10 таких полетов. Истребителей, кроме того, научить начальным воздушным стрельбам и основам воздушного боя, а в бомбардировочных школах научить пикированию на самолетах УСБ и СБ до углов 40°» (Ревина, 7). Также в приказе предписывалось в обучении строго учитывать все особенности подготовки пилотов-истребителей и пилотов

бомбардировочной авиации. Приказ нормировал необходимый налет для бомбардировщиков и истребителей: «Установить в школах военных пилотов общий налет на курсанта на учебном и боевом самолетах:

а) Для бомбардировщиков – 20 часов, из них: контрольно-вывозных – 8 часов; самостоятельных – 12 часов» (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 321).

Приказом точно определялись модели самолетов: «Обучение производить на УСБ и СБ с предварительной тренировкой на Р-5.

б) Для истребителей – 24 часа, из них: контрольно-вывозных – 9 часов; самостоятельных – 15 часов.

Обучение проводить на УТИ-4, И-16 тип 15, а с конца августа И-15 заменить на УТИ-26.

в) С 1 января 1942 г. произвести специализацию школ пилотов по видам авиации, соответственно переработав программы» (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 321).

Батайской авиационной школе удавалось поддерживать подготовку на достаточно высоком уровне, что позволило сформировать в августе 1942 г. для отражения наступления противника на Кавказ 3 августа 1942 г. 927-й «А» истребительный авиационный полк (с 21 августа 976-й истребительный авиационный полк) под командованием командира авиаотряда школы – майора Самуила Ивановича Терещенко (Ревина, 7). С началом войны количество учебно-тренировочных полетов резко сократилось, многие инструкторы стремились попасть на фронт. Осенью 1941 г. авиашкола была перебазирована в г. Евлах Азербайджанской ССР. На новом месте, силами курсантов и инструкторов был организован аэродром. На аэродроме школа занялась не только продолжением обучения летчиков, но и их переобучением. В конце июля 1941 г. в СССР по программе ленд-лиза поступили британские истребители «Харрикейн», «Томогавок», «Спитфайер», «Киттихаук» и «Аэрокобра». Однако только в начале февраля 1943 г. летчики Батайской школы начали проходить обучение на «Аэрокобрах» (Дольников, 1983: 42).

Школа проводила обучение столь стремительно по ряду причин, одной из которых была уже имеющаяся начальная военная подготовка у курсантов. К тому же ряд инструкторов, обучавших полетам на И-16, работали в школе еще в период ее нахождения в Чите. Исследователь М. Маслов отмечает, что еще в период пребывания в Чите «летчики получали и облетывали самолеты, а затем перелетали к линии фронта. Там пока было тихо, обе стороны накапливали силы для решающего сражения» (Маслов, 1997: 47). Следовательно, у инструкторского и преподавательского состава имелся опыт подготовки пилотов в боевой обстановке. Затишье на фронте позволяло уделять больше времени обучению курсантов.

Однако школа уделяла самое пристальное внимание подготовке курсантов именно в практическом ключе. Летчик нес персональную ответственность за свою подготовку, а преподаватель являлся лишь помощником курсантов. Выпускных оценок для летчиков не существовало: они либо завершали курс обучения, либо нет. Обучение в Батайской авиационной школе было приведено в соответствие с Указаниями по методике обучения в летных школах РККА. Согласно этому документу, учебный процесс представлял собой набор практических и теоретических занятий с курсантами, а именно: «...лекция; привитие практических навыков, розыгрыш полета; полет на земле и наземная подготовка; полет; самоподготовка; контроль и проверка знаний; занятия с отстающими курсантами» (Указания, 1935: 8). Согласно этим же указаниям, перед началом каждого урока преподаватель был обязан проводить проверку остаточных знаний и заданного материала у нескольких курсантов. На это отводилось от 10 до 20 минут каждого урока. Документ требовал, каждый урок завершать контрольными вопросами. Академический час продолжался 50 минут, между каждым из предметов делался 10-минутный перерыв (Указания, 1935: 10). Зачеты также принимались в строгом соответствии с рекомендациями, в соответствии с которыми на подготовку к ответу отводилось 10–15 минут. Принимались зачеты не ведущими преподавателями, а специально назначаемой комиссией. Комиссия лишь сообщала курсанту верно или неверно был дан ответ на тот или иной вопрос, не вдаваясь в подробные комментарии.

Летные занятия с курсантами проводились как днем, так и ночью, с целью обучить курсанта пилотировать в ночных условиях. Основными элементами техники полета уделялось особое внимание. К ним относились: «...осмотрительность и внимание, взлет,

разворот и виражи, расчет точности посадки...» (Указания, 1934: 7.) Весь курс летной подготовки включал в себя последовательный ряд задач, задачи же в свою очередь – упражнения. Каждое упражнение имело определенную цель, порядок и технику выполнения, которые должны были строго соблюдаться. Особенностью летной подготовки была имитация и отработка всевозможных летных приемов на земле, выработка осмотрительности и внимания; навыков «смотреть и видеть, как на земле, так и в воздухе; взлет; разворот и виражи; расчет точности посадки; трехточечная посадка со стандартным профилем» (Указания, 1934: 8). Курсант Батайской авиационной школы Г.У. Дольников вспоминал, что сопровождение самолета товарища было одной из сложнейших задач: «...отлета, каждый был обязан сопровождать за крыло машину своего товарища при вырубивании на взлетную и встретить после посадки. Хорошо, когда летали сами – рулили тихо, без рывков» (Дольников, 1983: 37). Однако некоторые инструкторы требовали максимально быстрого выполнения приказа, заставляли курсанта бежать за машиной: «...желая проучить курсанта, рулил с такой скоростью что, уцепившись за плоскость, бежишь подчас, переставляя ноги в воздухе, словно в горизонтальном полете. Да еще пыль аэродромная в глаза набивается, на зубах скрипит» (Дольников, 1983: 37).

С началом войны первый отряд Аэроклуба из Ростова-на-Дону перевели в Батайск, где начали обучать полетам на боевых самолетах. Курсант Дементьев В.Г. вспоминал: «Мы начали летать на боевых самолетах-истребителях И-16. Прежде всего мы отработали рулежку на старых, отслуживших свой срок истребителях со снятой с плоскостей крыла обшивкой. Это было сделано для уменьшения подъемной силы крыла, чтобы курсант невзначай не поднялся в воздух» (Дементьев, 1988: 54). Обучение шло довольно быстро, командиры внимательно следили за исправностью боевой техники, что в военных условиях было принципиально важно. В строевые и учебные части ВВС поступило указание: «...всеми силами беречь материальную часть, избегать неоправданных потерь самолетов» (Дементьев, 1988: 57). Это указание, довольно логичное, использовалось порой как инструмент наказания: «Однажды один из курсантов нашего отряда, пилотируя в зоне, сорвался в штопор, но сумел вывести самолет из него. Мы, видевшие все это с земли, восхищались его мужеством. После посадки этого курсанта комиссар Инкин велел построить эскадрилью и произнес горячую речь, в которой поведал, что страна потеряла много самолетов, что оставшиеся самолеты надо беречь, а только что курсант такой-то... нарочно пытался разбить самолет! Все мы опешили» (Дементьев, 1988: 58). Такие выпады усиливали напряжение в общении командиров и курсантов, однако являлись частными случаями.

Военно-учебное заведение отбирало в свои ряды курсантов по нескольким категориям. Так, в воспоминаниях Г.У. Дольникова можно прочесть, что школа отбирала кандидатов в свои ряды, исходя из двух категорий. В одну входили курсанты, которые проходили обучение с элементами навыков пехоты. Солдат за короткий срок обучали премудростям солдатской жизни. Благодаря этому, по словам Г.У. Дольникова, «мы стали хорошими помощниками командирам эскадрилий, звеньев и инструкторам в организации жизни и быта в казарме, занятий в классе и на аэродроме» (Дольников, 1983: 25). Такое своевременное переобучение позволило Батайской авиационной школе в суровые годы Великой Отечественной войны поддержать кадровый баланс своих офицеров – воспитателей и преподавателей. Это не осталось без внимания исследователей. В одной из работ, посвященных школам ВВС РККА, отмечается: «Личный состав Батайской авиационной школы ни на один день не прерывал подготовку летчиков-истребителей. Наиболее успевавшие в практической учебе курсанты оставались в школе летчиками-инструкторами» (В орлином краю, 1977: 70). Именно оставшиеся инструкторы подготовили в годы войны кадры для ПВО города. Во время приближения противника к Батайску партийно-государственные органы требовали от Батайской авиашколы, привлекая партийных работников, «мобилизовать для участия в учениях по ПВО широкие массы рабочих, работниц, домохозяек, молодежь, интеллигенцию. Добиться на учениях по ПВО через широко развернутое соцсоревнование высоких показателей в учениях по ПВО и участия широких масс трудящихся в обороне нашей социалистической родины» (ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 140. Л. 57).

При Батайской авиационной школе имелись также свои подразделения ПВО. Именно они являлись слабым местом в подготовке школы. «Планирование и учет боевой подготовки

по всем пунктам ПВО ведется неудовлетворительно, командирская подготовка на низком уровне, повседневный контроль боевой подготовки отсутствует» (ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 37. Л. 5). Однако именно им пришлось принять в 1941 г. бой с немецкими войсками.

Школа также активно участвовала в чтении публичных лекций для населения области, в частности, преподаватели школы привлекались для чтения курса истории ВКП(б). Ростовский обком партии отмечал: «Лекции вызывают огромный интерес и активность у слушателей, оказывая большую помощь самостоятельно изучающим историю ВКП(б)» (ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 146. Л. 108). Таким образом, школа не только выполняла узкоспециализированные функции подготовки военных летчиков, но и занималась массовыми военно-просветительскими акциями. Однако не все лекторы оказывались на высоте положения, что являлось серьезной проблемой в распространении военного знания. Партийные органы Ростовской области отмечали: «...к чтке лекций допускаются непроверенные, неподготовленные и даже неграмотные люди, материал лекций отдельными лекторами преподается сухо, вяло, утомительно, без большевистского огонька, наглядные пособия не используются, допускаются неточности и даже извращения, контроль за качеством лекций поставлен неудовлетворительно, помощь лекторам не организована» (ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 146. Л. 108). При этом лекторы имели достаточно большой корпус работ, которые позволяли грамотно выстраивать подготовку солдат. Как отмечает Д.Л. Бранденбергер, «хотя основное внимание предполагалось сосредоточить на истории партии, преподаватели не должны были опускать лекции по вопросам внутренней и международной политики СССР, истории нашей страны. Схожие приоритеты лежали в основе курсов в Красной Армии». В 1940–1941 гг. популярная серия «Библиотека красноармейца» включала в себя русскую литературу и книги по русской истории (Бранденбергер, 2009: 92).

4. Заключение

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

- Батайская авиационная школа была создана с целью поддержания кадрового баланса РККА в СКВО. Школа занималась созданием кадров, которые могли освоить и эффективно применять новейшие на тот момент виды вооружения. Ее создание отвечало необходимости модернизации армии в предвоенные и военные годы.
- Переброшенное в Батайск из Читы училище в кратчайшие сроки сумело подготовить необходимое количество кадров для обеспечения потребностей авиации СССР.
- Данное военно-учебное заведение стремилось подготовить своих курсантов по достаточно широкому спектру дисциплин, что позволяло летному составу в случае необходимости действовать совместно с частями пехоты.
- Летные кадры обладали обширными знаниями, что достигалось применением элементов подготовки пехоты в общей системе обучения. Преуспевающих и отличившихся курсантов оставляли при школе для поддержания преподавательского состава.
- Добиться высоких результатов в подготовке курсантов позволяла насыщенная предметами военного и летного характера программа. Она включала себя такие дисциплины, как конструкция самолета, штурманское дело, метеорология, воздушно-стрелковая подготовка, пилотирование самолета днем и ночью, групповые полеты в составе звена, маршрутные полеты.
- В годы Великой Отечественной войны школа активно готовила приданные ей участковые команды ПВО.
- Школа также активно участвовала в различного рода оборонных мероприятиях до и во время Великой Отечественной войны.

Литература

Безугольный, 2007 – Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.

Безугольный, 2016 – Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии». Национальный вопрос в военном строительстве СССР. 1922-1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 271 с.

КПСС в резолюциях и решениях..., 1985 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. 674 с.

Бранденбергер, 2009 – Бранденбергер Д. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания 1931-1956 гг. СПб.: Академический проект: ДНК, 2009. 415 с.

В орлином краю, 1977 – В орлином краю: Очерки о боевом пути авиации Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1977. 207 с.

Газманов и др., 2011 – Газманов О.М., Каныгин А.Н., Макеев А.А., Мельникова В.Д. Военная реформа. Цифры и факты. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20191013162551/http://www.pircenter.org/media/content/files/o/13406914410.pdf> (дата обращения: 07.11.2020.)

Дементьев, 1988 – Дементьев В.Г. Воспоминания о войне. М.: Воениздат, 1988. 253 с.

Дольников, 1983 – Дольников Г.У. Летит стальная эскадрилья. М.: Воениздат, 1983. 221 с.

Историческая справка – Историческая справка. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090523091133/http://www.mil.ru/849/1051/1332/50639/50640/index.shtml> (дата обращения: 17.09.2020).

Комал, 1990 – Комал Б. Военные кадры накануне войны // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 2. С. 21-29.

Маслов, 1997 – Маслов М.А. Истребитель И-16. М.: Армада, 1997. 75 с.

Ревина – Ревина И. Батайское авиационное училище летчиков. [Электронный ресурс]. URL: <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/573034-1-batayskoe-aviacionnoe-uchilische-letchikov-serova-informacionno-istor.php> (дата обращения: 07.09.2020).

Сталин, 1948 – Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1948. 208 с.

Указания, 1934 – Указания инструкторскому и командно-летному составу по проведению курса летной подготовки. М.: Отдел издательства наркомвоенмора, центральная типография НКВМ им. Клима Ворошилова, 1934. 45 с.

Указания, 1935 – Указания по методике обучения в летных школах ВВС РККА. Сталинград: Учеб. сектор N-ой части, 1935. 135 с.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Afanasenko, 2014 – Afanasenko V.I. Training Military Specialists in the North Caucasus Military District on the Eve of and in the Initial Period of the Great Patriotic War (1940–1942) // *Voennyi sbornik*. 2014. Vol.(3), № 1, pp. 19-32.

References

Afanasenko, 2014 – Afanasenko, V.I. (2014). Training Military Specialists in the North Caucasus Military District on the Eve of and in the Initial Period of the Great Patriotic War (1940–1942). *Voennyi sbornik*. 3(1): 19-32.

Bezugol'nyj, 2007 – Bezugol'nyj, A.Yu. (2007). *Narody Kavkaza i Krasnaya armiya 1918–1945 gody* [Peoples of the Caucasus and the Red Army 1918–1945]. М.: Veche, 512 p. [in Russian]

Brandenberger, 2009 – Brandenberger, D. (2009). *Natsional-bol'shevizm: stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya 1931–1956 gg.* [National-bolhevism. Stalinist Mass Culture and the formation of Modern Russian National Identity. 1931–1956]. SPb.: Akademicheskiiy proekt: DНК, 415 p. [in Russian]

Gazmanov i dr., 2011 – Gazmanov, O.M., Kanygin, A.N., Makeev, A.A., Melnikov, V.D. (2011). *Voennaya reforma. Cifry i fakty* [Military reform. Facts and figures]. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20191013162551/>, <http://www.pircenter.org/media/content/files/o/13406914410.pdf> (07.11.2020). [in Russian]

Dement'ev, 1988 – Dement'ev, V.G. (1988). *Vospominaniya o voyne*. [Memories about the war]. М.: Voениzdat, 253 p. [in Russian]

Dol'nikov, 1983 – Dol'nikov, G.U. (1983). *Letit stal'naya eskadril'ya* [Flying steel squadron]. М.: Voениzdat, 221 p. [in Russian]

[Istoricheskaya spravka](https://web.archive.org/web/20090523091133/http://www.mil.ru/849/1051/1332/50639/50640/index.shtml) – Istoricheskaya spravka [Historical reference]. URL: <https://web.archive.org/web/20090523091133/http://www.mil.ru/849/1051/1332/50639/50640/index.shtml> (date of access: 17.09.2020). [in Russian]

[Komal, 1990](#) – *Komal B.* (1990). Voennye kadry nakanune voiny [Military personnel on the eve of the war]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2: 21-29. [in Russian]

[KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov..., 1985](#) – KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1985) [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee of the CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 9-th edition. Vol. 7. M.: Politizdat, 674 p. [in Russian]

[Maslov, 1997](#) – *Maslov, M.A.* (1997). Istrebitel' I-16 [Fighter I-16]. M.: Armada, 75 p. [in Russian]

[Revinova](#) – *Revinova, I.* Bataiskoe aviatsionnoe uchilishche letchikov [Batay aviation school of pilots]. [Electronic resource]. URL: <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/573034-1-batayskoe-aviacionnoe-uchilische-letchikov-serova-informacionno-istor.php> (date of access: 07.09.2020). [in Russian]

[Stalin, 1948](#) – *Stalin, I.V.* (1948). O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuza [About the Great Patriotic war of the Soviet Union]. M.: Voенное izdatel'stvo Ministerstva vooruzhennykh sil Soyuza SSR, 208 p. [in Russian]

[TsAMO](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central archive of the Ministry of defense of Russian Federation].

[TsDNIRO](#) – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region].

[Ukazaniya, 1934](#) – Ukazaniya instruktorskому i komandno-letnomu sostavu po provedeniyu kursa letnoj podgotovki [Instructions for instructors and command and flight personnel on conducting a flight training course]. M.: Otdel izdatel'stva narkomvoenmora central'naya tipografiya NKVM im. Klima Voroshilova, 1934. 45 p. [in Russian]

[Ukazaniya, 1935](#) – Ukazaniya po metodike obucheniya v letnyh shkolah VVS RKKA [Guidelines for training in flight schools of the red army air force] (1935). Stalingrad: Academic sector of the N-th part, 1935. 135 p. [in Russian]

[V orlinom krayu, 1977](#) – V orlinom krayu: Oчерki o boevom puti aviatsii Krasnoznam. Sev.-Kavk. voen. okruga [In the eagle region: Essays on the combat path of aviation Red banner North Caucasus military district]. Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1977. 207 p. [in Russian]

Батайское авиационное училище летчиков: подготовка и обучение кадров для РККА в начальный период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.)

Давид Михайлович Грядский ^{а,*}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена подготовке и обучению военных пилотов в первые годы Великой Отечественной войны в Батайском авиационном училище летчиков. Целью исследования является изучение и анализ системы подготовки кадров в Батайском авиационном училище в первые годы Великой Отечественной войны в контексте развития военного образования в области. Основными источниками по данной теме являются материалы совещаний Ростовского Обкома ВКП(б), нормативно-правовая документация, учебные планы и мемуары преподавателей и курсантов училища. В этом отношении наиболее интересными для нас являются материалы, хранящиеся в Ф. 13 ЦДНИРО, которые содержат информацию о результатах контрольно-проверочных учений ПВО и ВВС СКВО накануне войны, что позволяет оценить степень подготовленности личного состава войск ПВО и ВВС. Другую группу представляют источники личного происхождения, в частности,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mr.gryadskiy@mail.ru (Д.М. Грядский)

воспоминания советского летчика Григория Устиновича Дольникова, которые позволяют реконструировать не только «официальную» сторону работы училища, но и личную сторону обучения в данном военно-учебном заведении. В целом Батайское авиационное училище отвечало потребностям РККА в летных кадрах и готовило знающих пилотов, а также участвовало в распространении военных знаний в Ростовской области. Методология включает ряд общенаучных методов – описание, сравнение, синтез; а также историко-антропологический метод, который позволил реконструировать события сквозь призму личного опыта участников военного обучения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Батайск, Батайское авиационное училище, подготовка кадров для РККА.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 139-145

DOI: 10.13187/rs.2020.2.139
www.ejournal15.com

Taman Peninsula as the Most Important Strategic Bridgehead in the Struggle for Crimea at the Initial Stage of the Great Patriotic War

Vyacheslav A. Ivanov ^{a, *}

^a Crimea Central Museum of Tavrida, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the significance of the Taman Peninsula as the most important strategic bridgehead of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War. Thanks to the creation of a system of military infrastructure on Taman, the command of the Transcaucasian Front planned and carried out the largest landing operation of Soviet troops on the Kerch Peninsula in the initial period of the Great Patriotic War (December 26, 1941 – January 2, 1942). The author examines the unique phenomenon of the crossing of the Red Army and the Black Sea Fleet using the ice road through the Kerch Strait, from Taman to Kerch, in the winter of 1941–1942, which made it possible to strengthen properly the defense of the Kerch Peninsula and weaken the German offensive on the besieged Sevastopol. The publication assesses both the achievements and miscalculations of the Soviet command during the liberation of the Eastern Crimea and the defense of the North Caucasus in the winter of 1941 – in the spring of 1942. The article also shows the contribution of the soldiers of the Transcaucasian (later Crimean) Front and the Black Sea Fleet to the common cause of defeating the Nazi invaders in the initial period of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Taman bridgehead, Kerch ice crossing, Red Army, Black Sea Fleet, Caucasian Front, Crimean Front.

1. Введение

В 75-летний юбилей Великой Победы советского народа над нацизмом особую значимость приобрели исследования исторических связей Крыма и Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. Во время пребывания Республики Крым в составе независимой Украины этим вопросам, в отличие от советского периода, фактически не уделялось внимания в силу политической ангажированности украинской исторической науки и фальсификации событий Великой Отечественной войны в угоду собственным политическим интересам. Воссоединение Крыма с Российской Федерацией в марте 2014 г. способствовало актуализации этой довольно сложной, но чрезвычайно перспективной научной проблемы.

Анализируя вопрос стратегического значения Таманского полуострова в период битвы за Крым, выделим ряд основных факторов, которые, по нашему мнению, свидетельствуют об особенностях таманского плацдарма в начальные годы Великой Отечественной войны:

– во-первых, здесь сосредоточивалось большое количество судов, готовых для транспортировки десанта на Керченский полуостров с дальнейшей целью снятия осады немецко-румынских войск под Севастополем. Низменный равнинный рельеф, значительная

* Corresponding author

E-mail addresses: slavik1855@gmail.com (V.A. Ivanov)

изрезанность береговой линии, присутствие многочисленных заливов, береговых кос, лиманов как нельзя лучше подходили для сосредоточения крупной армейской группировки, направленной для высадки на флангах и в тылу вражеских войск на Керченском полуострове и в Восточном Крыму;

– во-вторых, на Тамани части Красной армии и местное население принимали участие в оснащении мастерских, готовых обслуживать корабли десанта, переправляющегося через Керченский пролив и Азовское море. Специально оборудованные метеостанции в Тамани и Анапе позволили подготовить Керченско-Феодосийскую десантную операцию с учетом специфики климата Азово-Черноморского региона, в частности, в районе высадки;

– в-третьих, были организованы пункты приема раненых и больных красноармейцев и краснофлотцев, которые получали необходимую медицинскую помощь (в первую очередь это касается периода проведения Керченско-Феодосийской десантной операции и эвакуации советских войск с Керченского полуострова после завершения майской кампании 1942 г. и повторного захвата нацистами Керчи);

– в-четвертых, сосредоточение на таманском плацдарме различных по национальному составу частей Красной армии способствовало укреплению тесной дружбы, сотрудничества и взаимовыручки между народами Северного и Южного Кавказа, жителями Кубани и Крыма в 1941–1942 гг. и веры в общее справедливое дело разгрома нацистской Германии и ее сателлитов. Тесное боевое содружество народов Кавказа значительно выросло именно в результате боев за Крымский полуостров зимой 1941 – весной 1942 гг.;

– в-пятых, контроль частями и подразделениями Красной армии территории Таманского полуострова, обеспечение безопасности морских коммуникаций в Азовском и Черном морях не давали гитлеровцам возможности осуществлять наступательные операции с целью захвата источников сырья и нефтепродуктов, крайне важных для германской военной промышленности. В этом отношении сражение за Восточный Крым в 1941–1942 гг. невозможно было вести без наличия хорошо подготовленного военного плацдарма, которым в начале Великой Отечественной войны являлся для воинов Красной армии и Черноморского флота Таманский полуостров.

2. Материалы и методы

В данном исследовании применялся диалектический метод познания исторических процессов, основывающийся на принципах историзма, объективности и системности, что помогло комплексно охарактеризовать различные источники и провести их сопоставление и анализ. В научный оборот вводятся неопубликованные материалы из Государственного архива Республики Крым, что позволило рассмотреть и проанализировать роль Таманского полуострова в проведении активных наступательных и оборонительных операций на Керченском полуострове, способствовавших успешной обороне Севастополя от немецко-румынских войск. Сдерживая противника на южном приморском фланге, советские вооруженные силы подготавливали тем самым почву для коренного перелома в Великой Отечественной войне на Юге РСФСР. Обращение к источникам личного происхождения дало возможность акцентировать внимание на важности изучения проблемы участия тыла советских войск, находившихся на Таманском полуострове, в разгроме группировки гитлеровских войск в Восточном Крыму.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие основные задачи:

– проанализировать состояние боеготовности советских войск, находящихся на Таманском полуострове, накануне проведения операции по освобождению Керченского полуострова от гитлеровских захватчиков;

– показать роль Керченской ледовой переправы для перевозки военных материалов и грузов, необходимых для боевых действий Закавказского (позднее Крымского) фронта;

– определить значение таманского стратегического плацдарма как опорного пункта в битве за Крым в 1941–1942 гг.;

– выявить достижения и просчеты советского командования при обороне акватории Керченского и Таманского полуостровов зимой 1941 г. – весной 1942 г.;

– рассмотреть значение боевых операций в Восточном Крыму и на Северном Кавказе в контексте событий Великой Отечественной войны в акватории Азово-Черноморского региона.

3. Обсуждение и результаты

Значение Таманского полуострова как стратегического плацдарма впервые проявилось во время проведения Керченско-Феодосийской десантной операции. В подготовительный период, который начался еще 3 декабря 1941 г. после получения предварительного распоряжения штаба Черноморского флота особое внимание руководства уделялось скрытности предстоящей операции. Так как равнинное расположение Таманского полуострова позволяло противнику легко его просматривать, то передвижения войск 51-й армии, которые готовились для непосредственной высадки, происходили исключительно в ночное время суток (Зубков, 1974: 22). Командные пункты 51-й армии и Азовской военной флотилии для подготовки войск к передислокации разместились на оборудованных базах в Темрюке, а самой Керченской военно-морской базы – в Тамани (Акулов, 1980: 42). Времени на подготовку операции отводилось очень мало, именно поэтому в короткие сроки нужно было подготовить причалы, оборудовать транспортные суда и корабли для перевозки личного состава и боевой техники, скрытно сосредоточить их в пунктах посадки (Краснознаменный Закавказский, 1969: 161). Войска 44-й и 51-й армии, ранее не участвовавшие в боях, обучались умению вести уличный бой, преодолевать различные заграждения и препятствия, принимать самостоятельные решения в соответствии со складывающейся обстановкой и поставленной боевой задачей. Занятия проводились командирами, которые, как правило, уже имели опыт боевых действий. Ледовая обстановка на Азовском море не позволяла, как отмечает в своих воспоминаниях контр-адмирал (на то время) С.Г. Горшков, «вывести малые корабли и плавсредства из Приморско-Ахтарской и Ейска» (Горшков, 1989: 56). Командование Черноморским флотом обратилось к народному комиссару Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецову с просьбой отменить проводку танкеров, чтобы не расплыть и без того ограниченные войска для предстоящего десанта. Эта просьба была удовлетворена. В Темрюке были собраны довольно внушительные силы: около трехсот различных плавединиц Азово-Кубанского пароходства, рыболовного флота и Азовтехфлота, а также ближайших рыболовецких колхозов Кубани. В то же время техническое состояние этих судов оставляло желать лучшего. Боевые действия летом 1941 г. привели к тому, что большая часть кораблей Азовской флотилии нуждалась в ремонте. Практически 60 % единиц плавсредств гражданских ведомств, отведенных для предстоящего десанта, требовала капитального ремонта, предусматривавшего проведение соответствующих работ с корпусами и двигателями, оборудования этих судов средствами радиосвязи. Контр-адмирал С.Г. Горшков в воспоминаниях подчеркивает: «Потребовались титанические усилия, чтобы привести их в порядок к началу операции» (Горшков, 1989: 57).

Нет нужды подробно излагать ход Керченско-Феодосийской десантной операции. Стоит остановиться на нескольких интересных эпизодах, связанных непосредственно с таманским стратегическим плацдармом на начальном этапе Великой Отечественной войны, а именно – переправе войск Крымского фронта по льду Керченского пролива в начале 1942 г. и эвакуации войск этого фронта после тяжелого поражения, нанесенного им немецко-румынскими подразделениями на Керченском полуострове в мае 1942 г.

В конце декабря 1941 г. войска Красной армии в составе частей и соединений 51-й армии во взаимодействии с кораблями Черноморского флота, действуя из района западного и северо-западного побережья Таманского полуострова, успешно высадили десант на побережье Керченского полуострова (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 73). Немцы были застигнуты врасплох, они готовились к встрече Нового года и полагали невозможными наступательные операции со стороны Красной армии. Морской десант кораблей Черноморского флота, высадившийся в районе Феодосии, вынудил немецкие войска, расположенные гарнизонами по Керченскому полуострову, к поспешному бегству (Свердлов, 1987: 27). Боясь быть отрезанными на Керченском полуострове, немецкие войска к 3 января 1942 г. отступили в район города Старый Крым. Передовые части фронта, преследуя отступающего противника, быстро продвинулись вперед, оставив свои тылы и базы снабжения в районе переправ с Таманского полуострова. Развитие дальнейшего успеха наступления стало целиком и полностью независимым от снабжения войск всем необходимым для жизни и боя.

В конце декабря 1941 г. и в начале января 1942 г. погода была совершенно неблагоприятной для проведения операции. В основном дул восточный и северо-восточный ветер силой 4–8 баллов при температуре до 15 градусов ниже нуля. Падал снег, метель

ограничивала видимость, затрудняя переходы и движение всех видов транспорта. Если в дни высадки передовых десантных частей (27–30 декабря) зеркало воды Керченского пролива было открыто, и движение мелких судов, используемых для переправы войск, было возможным, то в первых числах января 1942 г. северо-восточный ветер погнал из Азовского моря в Черное громадное количество воды.

Движение через пролив прекратилось. Подошедшие к переправам тыловые части и базы снабжения остановились в ожидании переправы на Керченский полуостров. Сложилась совершенно неблагоприятная обстановка для наступающих частей Крымского фронта, которые были вынуждены в районе Старого Крыма приостановить движение вперед. Противник предпринял контрнаступление, заставил отступить советские войска на заранее подготовленный оборонительный рубеж – Ак-Монайские позиции. Контрнаступление немцев было приостановлено. К этому времени части фронта получили подкрепление, доставленное по Черному морю кораблями флота и транспортной авиацией (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 73 об). Противник стал концентрировать силы для последующего наступления с целью опрокинуть наши войска в Черное море. Требовалось срочно доставить подкрепление, переправить через пролив дополнительные соединения и части 51-й, 43-й и 47-й армий Крымского фронта. С этой целью начальником Инженерного управления Крымского фронта была поставлена задача 3-му отдельному инженерно-строительному батальону по инженерному обеспечению переправы войск через пролив. Производилось непрерывное наблюдение за движением льда. Со стороны косы Чушка велось наблюдение полуострова группой Инженерного отдела Черноморского флота (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 75).

Части 3-го отдельного инженерно-строительного батальона расчищали трассу со стороны Тамани следующим образом: во-первых, освобождали от снега полосы шириной 6-8 м в местах, где снег наносило отдельными косами (особенно на участках с торосами льда) и где наносы достигали 40-80 см; во-вторых, убирали торосы льда путем киркования, разбивки отдельных ледяных глыб ломом; в-третьих, разметали трещины льда, занесенные снегом, с обозначением их надписями. Одновременно с расчисткой производилось закрепление трассы маяками с привязанными к ним пучками камыша. Вышки устанавливались в шахматном порядке по обе стороны трассы через 100 м. Через отдельные трещины устраивались мостики из дощатых щитов. Габариты мостиков обозначались четырьмя маяками. У каждого мостика непрерывно дежурили команды из 4-5 красноармейцев, которые в случае необходимости исправляли или передвигали мостики.

На третий день переправы под руководством представителя Инженерного отдела Черноморского флота со стороны Керченского полуострова было начато строительство ледяной дороги путем укладки дощатой арматуры с последующим намораживанием льда (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 76). Ставилась задача увеличивать толщину льда на 6-8 см с шириной полосы дороги 4 м. Доски толщиной 2,5-4 см укладывались клетками, образуя квадраты с размером сторон 1 м. Укладка была произведена на протяжении до 1,5 км, но в связи с отсутствием необходимого количества досок работа была приостановлена. Было закончено строительство прибрежного участка дороги от 25 до 300 м, и испытание показало хорошие результаты. Но, тем не менее, движение продолжалось по прежним трассам, т.к. в прибрежной части лед был несколько толще, чем в центральной части пролива (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об.).

Благодаря замерзанию пролива удалось в короткий срок переправить значительное количество войск фронта на Керченский полуостров с Тамани (Акулов, 1980: 48). Были переправлены почти все части второго эшелона 51-й и 43-й армий: автомобильные батальоны, батальоны аэродромного обслуживания, медсанбаты, полевые госпитали, базы и склады снабжения. Также были перебросены некоторые инженерные части, артиллерия на конной тяге, зенитная артиллерия, подразделения связи, кавалерийская дивизия и пехотные части. С 17 января по 7 февраля 1942 г. по трассам переправы прошло свыше 30 тыс. автомашин (Сирота, 1976: 94-95; Сирота, 1987: 171). Было хорошо организовано инженерное обеспечение. Своевременное передвижение трассы с опасных мест, устройство мостиков и ограждений содействовали успешной переправе войск по льду Керченского пролива. В целях уменьшения потерь от воздушных ударов противника войсками Крымского фронта применялись различные меры. Во-первых, устранялась проблема

скопления техники в местах переправ. При въезде на косу Чушка у поселка Кордон Ильича был установлен усиленный контрольно-пропускной пункт с задачей пропускать на переправу в первую очередь части согласно приказу командующего, притом в количестве, не допускающем большого скопления техники на косе. Во-вторых, для отражения воздушных налетов германской авиации в районах переправ на косе Чушка и на Керченском полуострове в районе д. Маяк и Жуковки стояли батареи зенитных орудий. По трассам на льду были установлены зенитные пулеметы. В-третьих, в дневное время почти непрерывно над районом спецпереправы несли боевое дежурство истребители Крымского фронта. За время работы переправы противник совершил всего лишь несколько налетов на нее, но не смог причинить какого-либо существенного ущерба. Если же в результате воздушного удара на трассе образовывались воронки, то они немедленно устранялись дежурными аварийными бригадами (ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 77 об).

В результате наступления немецких войск 8–13 мая 1942 г. была прорвана оборона советских частей на центральном участке Турецкого вала, и вражеские дивизии устремились к Керчи. Оборонявшиеся части Красной армии не смогли сдержать противника, и уже к исходу 14 мая он ворвался на западную и южную окраины города. В сложившейся ситуации Маршал Советского Союза С.М. Буденный с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования отдал распоряжение об эвакуации войск с Керченского полуострова. Таманский полуостров вновь приобрел в глазах советского командования важное стратегическое значение: весь свободный тоннаж грузов, крайне необходимых для обеспечения переправы через Керченский пролив, надлежало немедленно направить из портов Кавказа в Керчь, необходимо было создать усиленный конвой из катеров и тральщиков, чтобы приступить к эвакуации тяжелой артиллерии и минометов, организовать надежную противовоздушную оборону всех переправ и пристаней в районе Керчи. Для обеспечения выполнения этой задачи начальником переправы через Керченский пролив был назначен командир Керченской военно-морской базы контр-адмирал А.С. Фролов (Горшков, 1989: 81).

Эвакуация на Таманский полуостров в мае 1942 г. происходила в тяжелых условиях. Поступил приказ командующего фронтом Керчь не сдавать ни в коем случае, организовать оборону по типу севастопольской, создать ударную группу с целью уничтожить прорвавшегося к городу врага, кроме того, восстановить работу одной из керченских переправ. Но в условиях начавшегося хаоса было фактически утрачено управление войсками, и этот приказ выполнить было уже невозможно (Горшков, 1989: 82). В первую очередь перевозили раненых, затем штабы и тыловые подразделения. Согласно приказу командующего флотом для обеспечения эвакуации войск с Керченского полуострова из баз и портов Тамани были направлены плавсредства. Всего в операции по перевозке грузов, войск и техники с 15 по 20 мая 1942 г. приняли участие 128 транспортов, буксиров, барж, болиндеров, парусно-моторных судов, тяжелых самоходных понтонов и тяжелых понтонных лодок – около 30 различных кораблей. Переправа осуществлялась по двум линиям: Керчь – Тамань и Еникале – коса Чушка. Следует отметить, что советские суда отчаливали от пристани, груженные до отказа, под ударами вражеской авиации. Посадка войск и погрузка материальной части войск Крымского фронта происходила под контролем офицеров военно-морской комендатуры Керченского порта и отдела военных сообщений штаба Черноморского флота.

Наблюдалась явная паника, дезорганизация, растерянность и даже самоустранение некоторых советских офицеров, оказавшихся в такой непростой ситуации. Сам процесс эвакуации происходил главным образом ночью, т.к. днем господствовавшая в небе немецкая авиация, вражеская артиллерия и минометы, контролировавшие к тому времени ряд основных высот в районе Керчи, препятствовали движению переправляющихся частей Красной армии и флота (Краснознаменный Закавказский, 1969: 181). Несмотря на огромные трудности, в которых происходила эвакуация, более 120 тыс. военнослужащих, 1,4 тыс. человек гражданского населения, 838 т различных грузов, 25 гаубиц, 47 реактивных установок, 27 минометов и 14 автомашин удалось перевезти на Таманский полуостров (Горшков, 1989: 82). Последние советские войска покинули Керченский полуостров в ночь с 19 на 20 мая 1942 г. (Гречко, 1967: 45; Киринов, 1958: 5). В этот же день приказом Ставки Верховного Главнокомандования Крымский фронт был ликвидирован. Его войска (кроме частей 51-й армии) вошли в состав 47-й армии вновь созданного Северо-Кавказского фронта (Абрамов, 2006: 61–80; Щербак, 1977: 105).

4. Заключение

В годы Великой Отечественной войны Таманский полуостров стал важнейшим звеном в битве за Крым периода обороны и наступления. На начальном этапе Великой Отечественной войны перед советским командованием стояла важнейшая задача не допустить овладения немцами Севастополем и Керчью, не только удержать Крым, но и по возможности очистить его от врага, с дальнейшей целью не допустить противника к нефтепромыслам Северного Кавказа.

Командование Вооруженных сил СССР в кратчайшие сроки подготовило таманский плацдарм для проведения операции по освобождению Керченского полуострова от гитлеровских захватчиков: была организована тщательная разведка, оснащены транспортные суда и корабли для посадки личного состава, подготовлено навигационное оборудование и обеспечен подвоз необходимых материалов в Темрюке, Тамани, Ейске и Приморско-Ахтарской.

Важную роль в перевозке стратегических грузов сыграла созданная советским командованием Керченская ледовая переправа, позволившая в кратчайшие сроки перебросить до 30 тыс. бойцов, что существенным образом усилило оборону всего Крымского фронта зимой 1942 г.

Значение таманского стратегического плацдарма как опорного пункта в боях за Крым в 1941–1942 гг. трудно переоценить: в военном отношении это организованная советским командованием тыловая база, оказывавшая значительное влияние на ход боев на южном приморском фланге, а в пропагандистско-агитационном плане – территория, объединяющая в единое целое Крымский полуостров и Северный Кавказ.

При обороне акватории Керченского и Таманского полуостровов зимой 1941 г. – весной 1942 г. советское командование удачно применяло концентрацию войск, расположение тыловых баз на Тамани, сосредоточение ударной наступательной группировки. Все это способствовало успеху Керченско-Феодосийской десантной операции, благодаря которой удавалось не только контролировать Керченский полуостров, но и отбивать попытки немцев захватить Севастополь вплоть до июля 1942 г. Переоценка возможностей Крымского фронта зимой – весной 1942 г. привела к катастрофическому поражению под Керчью в мае того же года.

Рассмотрев значение боевых операций в Восточном Крыму и на Северном Кавказе в контексте событий Великой Отечественной войны в акватории Азово-Черноморского региона, мы выяснили, что, по свидетельству различных источников, именно расположение советских стратегических военных объектов на Таманском полуострове способствовало эвакуации части войск на Кубань. Эти части и подразделения, пусть деморализованные и ослабленные, влились в состав сил защитников Кавказа.

Литература

- [Абрамов, 2006](#) – Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.
- [Акулов, 1980](#) – Акулов М.Р. Керчь – город-герой. М.: Воениздат, 1980. 176 с.
- ГАРК – Государственный архив Республики Крым.
- [Зубков, 1974](#) – Зубков А.И. Керченско-Феодосийская десантная операция. М.: Воениздат, 1974. 93 с.
- [Горшков, 1989](#) – Горшков С.Г. На южном приморском фланге (осень 1941 г. – весна 1944 г.). М.: Воениздат, 1989. 286 с.
- [Гречко, 1967](#) – Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
- [Кирич, 1958](#) – Кирич И.Д. Черноморский флот в битве за Кавказ. М.: Воениздат, 1958. 199 с.
- [Краснознаменный Закавказский, 1969](#) – Краснознаменный Закавказский (очерки истории Закавказского военного округа) / отв. ред. П.П. Гнедовец. М.: Воениздат, 1969. 448 с.
- [Свердлов, 1987](#) – Свердлов А.В. Воплощение замысла. М.: Воениздат, 1987. 160 с.
- [Сирота, 1976](#) – Сирота Н.А. Так сражалась Керчь. Симферополь: Таврия, 1976. 159 с.
- [Сирота, 1987](#) – Сирота Н.А. Дороги мира и войны: документальная повесть. Симферополь: Таврия, 1987. 208 с.
- [Щербак, 1977](#) – Щербак С.М. Боевая слава Керчи. Симферополь: Таврия, 1977. 151 с.

References

- Abramov, 2006** – Abramov, V. (2006). Kerchenskaya katastrofa 1942 [Kerch catastrophe of 1942]. M.: Yauza, Eksmo, 352 p. [in Russian]
- Akulov, 1980** – Akulov, M.R. (1980). Kerch' – gorod-geroi [Kerch is a hero city]. M.: Voenizdat, 176 p. [in Russian]
- GARK** – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym [State archive of the Republic of Crimea].
- Zubkov, 1974** – Zubkov, A.I. (1974). Kerchensko-Feodosiiskaya desantnaya operatsiya [Kerch-Feodosia landing operation]. M.: Voenizdat, 93 p. [in Russian]
- Gorshkov, 1989** – Gorshkov, S.G. (1989). Na yuzhnom primorskoy flange (osen' 1941 g. – vesna 1944 g.) [On the southern coastal flank (autumn 1941 – spring 1944)]. M.: Voenizdat, 286 p. [in Russian]
- Grechko, 1967** – Grechko, A.A. (1967). Bitva za Kavkaz [Battle for the Caucasus]. M.: Voenizdat, 424 p. [in Russian]
- Kirin, 1958** – Kirin, I.D. (1958). Chernomorskii flot v bitve za Kavkaz [Black Sea Fleet in the battle for the Caucasus]. M.: Voenizdat, 199 p. [in Russian]
- Krasnoznamennyi Zakavkazskii, 1969** – Krasnoznamennyi Zakavkazskii (oчерki istorii Zakavkazskogo voennogo okruga) [Red Banner Transcaucasian (essays on the history of the Transcaucasian Military District)]. Ed. P.P. Gnedovec. M.: Voenizdat, 1969. 448 p. [in Russian]
- Sverdlov, 1987** – Sverdlov, A.V. (1987). Voploshchenie zamysla [The embodiment of the plan]. M.: Voenizdat, 160 p. [in Russian]
- Sirota, 1976** – Sirota, N.A. (1976). Tak srazhalas' Kerch' [So Kerch fought]. Simferopol: Tavriya, 159 p. [in Russian]
- Sirota, 1987** – Sirota, N.A. (1987). Dorogi mira i voyny: dokumental'naya povest' [Roads of Peace and War: documentary narrative]. Simferopol: Tavriya, 208 p. [in Russian]

Таманский полуостров как важнейший стратегический плацдарм в борьбе за Крым на начальном этапе Великой Отечественной войны

Вячеслав Александрович Иванов ^{a, *}

^a Центральный музей Тавриды, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется значение Таманского полуострова как важнейшего стратегического плацдарма советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Благодаря созданию на Тамани системы военной инфраструктуры командование Закавказского фронта спланировало и осуществило крупнейшую десантную операцию советских войск на Керченском полуострове в начальный период Великой Отечественной войны (26 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.). Автор рассматривает уникальный феномен переправы Красной армии и Черноморского флота с помощью ледовой дороги через Керченский пролив, с Тамани на Керчь, зимой 1941–1942 гг., что позволило должным образом укрепить оборону Керченского полуострова и ослабить немецкое наступление на осажденный Севастополь. В публикации дана оценка как достижениям, так и просчетам советского командования при освобождении Восточного Крыма и обороне Северного Кавказа зимой 1941–весной 1942 гг. Также в статье показан вклад воинов Закавказского (позднее Крымского) фронта и Черноморского флота в общее дело разгрома гитлеровских захватчиков в начальный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, таманский плацдарм, Керченская ледовая переправа, Красная армия, Черноморский флот, Закавказский фронт, Крымский фронт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: slavik1855@gmail.com (В.А. Иванов)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 146-151

DOI: 10.13187/rs.2020.2.146
www.ejournal15.com

Boat “Chaikovsk”: Reconstruction of the Biography of the Ship

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington (DC), USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Psychoanalyze Institute, Russian Federation

^d Izhevsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

Among the ships and vessels named in honor of Udmurtia, the boat “Chaikovsk” stands apart. It got its name at a time when the Supreme Soviet of the Udmurt ASSR voted to rename Votkinsk to Chaikovsk, but the Supreme Soviet of the USSR did not support this initiative. On the basis of the personnel orders of the Sarapul operational office, the article attempts to reconstruct the vessel’s biography. Some facts were clarified by examining the office’s salary slips and annual reports of the Central Statistical Office. Based on the analysis of the vessel’s biography, it was assumed that it could belong to the type of river tugboat with a wooden hull, according to the classification of Yemelyanov and Krysov.

Keywords: river transport, history, Sarapul operational office, personnel orders, reconstruction of biography, Udmurtia, boat.

1. Введение

В ноябре 2020 г. отмечается 100-летие государственности Удмуртии. За век истории несколько десятков судов военного и торгового флота получили названия, связанные с Удмуртией. Среди них были топонимы, гидронимы, названия крупных предприятий и даже районов городов. Но в этом ряду катер «Чайковск» стоит особняком. Дело в том, что в 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета УАССР № 620/8 город Воткинск переименовывался в Чайковск (ЦГА УР. Ф. Р-620. Оп. 1. Д. 239. Л. 167). К счастью, Верховный Совет СССР инициативу не поддержал, и город остался со своим старым названием. Но это не помешало в 1955 г. появиться катеру «Чайковск». Обычно этим именем неправильно называют город Чайковский в Пермском крае, но он получил его лишь в ноябре 1956 г., и к моменту появления «Чайковска» был все еще Сайгаткой. Задача данной статьи состоит в реконструкции биографии катера «Чайковск».

2. Материалы и методы

Катер «Чайковск», находившийся в составе флота Сарапульской эксплуатационной конторы, до сих пор не был объектом исследования. Это объясняется скупостью источников по Сарапульской эксплуатационной конторе в частности, и вообще по Управлению по

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

транспортному освоению и технической эксплуатации малых рек при Совете Министров Удмуртской АССР. Пока обнаружены лишь ежегодные статистические отчеты конторы (ЦГА УР. Ф. Р-845) и документация по ее личному составу (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б). К сожалению, оба источника весьма специфические и требуют специальных методов анализа, чтобы на основе их можно было бы реконструировать биографии судов.

Основным источником данного исследования являются приказы по личному составу конторы, на основе которых удалось получить некоторую техническую и эксплуатационную информацию о катере «Чайковск». Частично полученные сведения удалось дополнить зарплатными ведомостями и отчетами Центрального статистического управления (далее – ЦСУ). А далее, путем сравнения и анализа сделаны обоснованные предположения относительно некоторых фактов биографии судна, например, аварии двигателя.

3. Обсуждение и результаты

Первое упоминание катера в приказах по Сарапульской эксплуатационной конторе происходит 11 апреля 1955 г., когда в связи с приближающимся ледоходом на него назначался ответственный за состояние – Г.М. Хлебников (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 305). Учитывая то, что перед этим судно не упоминается в связи с выводом в зимний отстой, можно предположить, что его получили зимой 1954/55 гг. А назначенный ответственным, по заведенной традиции, потом становился капитаном судна. 27 апреля в связи с началом навигации на «Чайковск» приняли помощника капитана Б.И. Анисимова (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 309 об.). Что показательно, катера «Чайковск» и «Краснокамск» пропустили в приказе о переводе команд на навигационный оклад. В связи с этим 5 мая специальным приказом пришлось исправлять допущенную ошибку и команды судов перевели на навигационный оклад с 25 апреля задним числом (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 312 об.). Указанная оплошность еще раз доказывает, что оба катера только что были приняты конторой. 19 мая в связи с получением конторой катера «Талица» произошла рокировка капитанов. В результате и капитан, и его помощник с «Чайковска» отправились на «Енисейск» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 314). Подобная кадровая перестановка, фактически оставившая судно без команды, возможно, была связана с тем, что его пока еще толком не эксплуатировали. Это выглядит довольно странным, поскольку полученный одновременно с «Чайковском» «Краснокамск» в это время уже активно используется для буксировки барж. И лишь 20 июня капитаном судна назначили В.Н. Парфенова (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 319). Судя по зарплатным ведомостям, «Чайковск» начал навигацию лишь в июле, а «Краснокамск» – вообще в августе 1957 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 27. Л. 50 об.). Частично это объясняют пояснительные записки к ежегодным отчетам ЦСУ. В 1955 г. там имеется запись: «Техническое состояние самоходного флота удовлетворительное за исключением катеров “Краснокамск” и “Чайковск”, имеющих маломощные двигатели (СТЗ-30) и не имеют (так в документе. – Н.М.) заднего хода. Кроме того, у катера “Чайковск” недостаточная остойчивость. На данных катерах есть необходимость в установке двигателей 2ДСП для более эффективного их использования» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3847. Л. 27). Двигатели СТЗ-30 имеют паспортную мощность 32 л.с., которые в отчетах конторы могли округляться и до 30, и до 35 л.с. Кроме того, данная запись может свидетельствовать о том, что оба катера были однотипными.

7 июля на катере случилось первое чрезвычайное происшествие. В этот день помощник механика судна самовольно не вышел в смену, в результате чего «Чайковск» вышел в рейс по сопровождению плота до пристани Каракулино лишь на одну смену. Принимая во внимание то, что виновник не имел дисциплинарных нарушений, за срыв рейса ему лишь «поставили на вид» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 321). Но уже 26 июля по подобной причине катер вынужден был простоять с семи до девяти вечера – самые напряженные часы работы. В результате произошел срыв выполнения задания во время рейдовых работ и задержка работы переправы на 30 минут. На сей раз виновника оштрафовали за два часа простоя (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 322 об.).

17 августа катер получил задание следовать в Вятку и попутно забуксировать баржи № 3, 4, 5, 6. Однако два члена команды в это время находились в состоянии алкогольного опьянения. В результате капитану пришлось ждать почти 20 часов, пока те не смогли снова

встать на вахту. Дисциплинарные наказания в этот раз последовали для всех, в том числе и для капитана, допустившего пьянство на борту (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 327 об.). Этот случай, вместе с тремя аналогичными происшествиями на других катерах, стали предметом обсуждения на всех судах конторы в рамках кампании по борьбе с аварийностью. Что касается «Чайковска», то проблему попытались решить ротацией личного состава, сменив на катере механика и водителя.

21 октября в связи с окончанием навигационного периода на «Чайковске», как и на других катерах, находившихся в Сарапульском отстойном пункте, получили приказ поднять судно на берег для последующего зимнего ремонта (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 335 об.). С 1 ноября, после выведения в зимний отстой, команды всех катеров перевели на сдельную оплату (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 338).

Первое достойное упоминания событие 1956 г., связанное с «Чайковском», сухие строки документов сформулировали так: «Исключить из списков личного состава Б.И. Анисимова, капитана катера “Чайковск”, с 10 марта 1956 года ввиду смерти...» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 357).

3 апреля из-за приближающегося ледохода на катере был назначен ответственный за состояние судна – Г.Н. Дурнев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 360). Обычно эти обязанности исполнял капитан, так что уже 12 апреля Г.Н. Дурнева назначили капитаном в предстоящей навигации (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 361 об.). По-видимому, на катере возникли какие-то проблемы с зимним ремонтом. 28 апреля начальник конторы приказал привести «Чайковск» вместе с другими катерами в эксплуатационную готовность к 1 мая (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 363 об.). Все катера из этого списка сдали в эксплуатацию досрочно к 30 апреля, однако «Чайковска» в этом списке не было, что может свидетельствовать о серьезных проблемах либо с ремонтом судна, либо с комплектованием команды, поскольку последнюю перевели на навигационный оклад еще 27 апреля (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 364 об.).

Тем не менее, «Чайковск», несмотря на отсутствие специального приказа, все-таки начал навигацию. 18 мая при следовании с плотом к Рычино катер получил повреждение. К нему на помощь пошел теплоход «Победа», который сам попал на затонувшее при сплаве бревно («топьяк»), в результате чего на нем сорвало шпильку у редуктора (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 367). Поскольку про ремонт «Чайковска» не сообщалось, можно предположить, что повреждения «Победы» оказались намного серьезней.

17 июля из-за отсутствия работы для сохранения материальной части «Чайковск» вывели из эксплуатации (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 376). Предполагалось, что эта мера позволит лучше подготовить судно к зимнему ремонту, но 28 июля на нем снова начали трехсменную работу, сформировав вторую вахту из команды «Краснокамска» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 377 об.). Это служит еще одним подтверждением того, что оба катера были однотипными.

7 октября в три часа дня, в районе пристани Дербешки, «Чайковск», буксируя баржи, начал пересекать курс пароходу «Белая», в результате баржа № 5 навалилась на пароход и поломала привальный брус. По итогам разбирательства виновным в данном происшествии признали капитана «Чайковска» (ему припомнили и появление на работе в нетрезвом виде, и грязь на вверенном судне), получившего строгий выговор (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 385 об.). А уже 9 октября судно получило приказ встретить зиму, как и в прошлом году, в Сарапульском отстойном пункте (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 21. Л. 388).

1 апреля нового 1957 г. в приказе о назначениях команд капитаном судна снова числится Г.Н. Дурнев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 6).

В мае по недосмотру механиков катера «Чайковск» и «Краснокамск» практически одновременно вышли из строя. Сначала 10 мая механик «Краснокамска» при пуске двигателя забыл залить трансмиссионное масло (нигрол), вследствие чего были расплавлены подшипники первичного вала коробки скоростей. А 12 мая также отсутствие смазки сказалось на работе подшипника шатуна «Чайковска»¹. В результате расплавился

¹ Шатун – соединительная деталь между коленвалом и поршнем.

палец, и оборванным шатуном пробило картер¹. Длительность ремонта катеров составила соответственно 15 и 8 дней. На основании распоряжения начальника Управления малых рек Хаминтова «Чайковск» 12 мая вывели из эксплуатации и поставили в отстой (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 13 об.).

Информация об отправке катера в отстой подтверждается зарплатными ведомостями конторы. Судя по ним катер не работал в июле–августе (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 27. Л. 132–144). Возможно, это было связано с ожиданием нового двигателя. Но те же ведомости не регистрируют простой «Краснокамска», хотя повреждения коробки передач в данном случае можно отремонтировать лишь заменой вала. Принимая во внимание однотипность обоих катеров, можно предположить, что коробку передач с «Чайковска» поставили на «Краснокамск», а сам катер вывели из эксплуатации в ожидании нового двигателя, который и установили в августе 1957 г. 28 октября 1957 г. катер закончил навигацию, и его вывели в отстой (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 30).

Первая запись 1958 г., относящаяся к «Чайковску», связана с неподобающим поведением одного из членов его команды. 8 марта, во время празднования Международного женского дня, он учинил на работе пьяный скандал, за что «удостоился» строгого выговора (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 41 об.). А 8 апреля приказом по конторе утвердили списки команд катеров на период навигации 1958 г. В соответствии с этим документом команда «Чайковска» насчитывала четыре человека: капитана Помыткина, помощника капитана, механика и помощника механика (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 47 об.). Видно, что катер комплектуется двумя сменными вахтами по два человека. Однако 11 июня произошла рокировка капитанов «Чайковска» и самоходки СТ-7, в результате чего капитаном катера стал Е. Мальцев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 84 об.). В целом навигация 1958 г. прошла спокойно и без происшествий, если не считать увольнение одного из членов команды за пьянство. 4 сентября вместе с четырьмя другими катерами «Чайковск» вывели в отстой «в связи с сокращением перевозок и отсутствием плотов» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 62). Но, по всей видимости, катер продолжил работу. Об этом свидетельствует то, что на 8 октября приходится еще один инцидент. В этот день катер должен был идти в Чистополь с плотом, но из-за коллективной пьянки всей команды сделать этого не смог. Принятые меры за срыв задания были довольно жесткие: все виновные получили выговоры, а капитана уволили (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 66). По-видимому, после этого случая катер вывели в зимний отстой. А уже 18 октября из-за закрытия навигации все оставшиеся члены команды были уволены в межнавигационный отпуск (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 68).

2 апреля 1959 г. вышел приказ о назначении команд судов. Новым капитаном «Чайковска» стал А.Н. Казанцев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 81). Что интересно, в эту навигацию судно ни разу не упоминается в приказах, из чего можно предположить, что работа катера в этот год прошла без инцидентов. Но в зарплатных ведомостях имеется одна странность. Начиная с апреля 1959 г. и заканчивая выводом судна из эксплуатации в октябре 1960 г. на нем непрерывно находится команда, без традиционного межнавигационного зимнего отпуска. Это заставляет предположить, что, начиная с 1959 г., на катере имелись какие-то технические проблемы. Отчасти это подтверждается приказом по конторе № 61, в соответствии с которым с 12 октября 1959 г. «Чайковск» выводился из эксплуатации: «...команду обязываю до исхода дня 15.10 катер очистить от грязи, мотор вывести в мастерскую, имущество сдать на склад» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 93). Обычно подобные формулировки давались для списываемых судов, но что касается «Чайковска», то он снова фигурирует в приказе 30 марта 1960 г. о назначении команд на новую навигацию. Как и в предыдущем году, в 1960 г. командиром числится А.Н. Казанцев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 107). Можно предположить, что в конторе хотели списать судно сразу после навигации 1959 г., но поскольку там не дождалось соответствующего

¹ Поршневым палец – сплошной или полый цилиндрический стержень, служащий для подвижного шарнирного соединения поршня с шатуном. Картер – основная корпусная деталь двигателя коробчатого строения, предназначенная для опоры рабочих деталей, их защиты и размещения запаса смазочного масла.

приказа Минречтранса, пришлось потратить много усилий на ввод «Чайковска» в эксплуатацию в навигацию 1960 г.

Как и в предыдущем году, катер не упоминается в приказах 1960 г. в связи с разного рода происшествиями или инцидентами. И снова не понятно, идет ли на «Чайковске» безаварийная работа, или, наоборот, он находится в отстое в тщетных попытках отремонтировать катер. Хотя, вероятнее всего, из-за посредственного технического состояния «Чайковск» привлекают к работе лишь эпизодически. Приказы этого года отражают лишь обычные кадровые перестановки. Наконец, приказом 17 октября 1960 г. катера «Краснокамск», «Чайковск» и самоходная баржа СТ-7 выводятся из эксплуатации. Для «Чайковска» вывод из эксплуатации следовало произвести 20 октября. Капитану и механику в трехдневный срок надлежало сдать все имущество на склад, горючее и масло слить, передав их на бензосклад, а сам катер вычистить от грязи и масла. Далее в приказе прямо упоминается, что «катер “Чайковск” списывается» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 123). Последнее упоминание судна в приказах по конторе происходит 11 ноября 1960 г., когда «по собственному желанию» уволился капитан катера «Чайковск» А.Н. Казанцев (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2Б. Д. 35. Л. 128 об.). Очевидно, к этому времени судно уже разукomплектовали и списали.

Частично имеющиеся сведения дополняются ежегодным отчетом ЦСУ. В соответствии с ним в 1961 г. убыл с баланса «за ветхостью» «катер СТ-7, мощностью 80 л.с., балансовая стоимость 9900 руб.», в данном случае без сомнений речь идет о самоходной барже СТ-7, списанной одновременно с «Чайковском». В этом же отчете указано, что списан «полуглиссер старой конструкции 6700 руб.» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 6428. Л. 11). Понятно, что под этим полуглиссером имеется в виду «Чайковск» или «Краснокамск».

Рис. 1. Вид Сарапула в 1950-х гг. с интернет-форума «Сарапульская старина» (ok.ru/sarapulskastarina). Слева видно судно, подходящее под описание речного буксирного катера из справочника Крысова и Емельянова. Велика вероятность, что это «Чайковск» или «Нефтекамск»

4. Заключение

Анализ документации по личному составу дает возможность сделать предположения о характеристиках катера «Чайковск». Это небольшое судно (команда 2 человека)

с маломощным двигателем СТЗ-30 в 32 л.с., которое использовалось в основном для буксировки плотов.

В справочнике Крысова и Емельянова указанное описание полнее всего соответствует «речному буксирному катеру» (Емельянов, Крысов, 1950: 282-283). Керосиновый двигатель СТЗ мощностью 32 л.с. показан сразу на двух типах судов: речном буксирном катере безымянного типа и судне типа БРК-3. Оба имели примерно одинаковые характеристики, но корпус первого выполнялся из дерева, а второго – из стали. Учитывая небольшой срок службы, можно заключить, что, скорее всего, «Чайковск» имел деревянный корпус, хотя источники прямо об этом не сообщают.

Литература

Емельянов, Крысов, 1950 – Емельянов Ю.В., Крысов Н.А. Справочник по мелким судам. Л.: Судпромгиз, 1950. 396 с.

СГА – Управление по делам архивов администрации города Сарапула.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

References

Emel'yanov, Krysov, 1950 – Emel'yanov, Yu.V., Krysov, N.A. (1950). Spravochnik po melkim sudam [Handbook of small vessels]. L.: Sudpromgiz, 396 p. [in Russian]

SGA – Upravlenie po delam arkhivov administratsii goroda Sarapula [Office of Archives Affairs of the administration of the city of Sarapul].

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Катер «Чайковск»: реконструкция биографии судна

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, *}

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

Аннотация. Среди кораблей и судов, названных в честь Удмуртии, особняком стоит катер «Чайковск». Он получил свое название в период, когда Верховный Совет Удмуртской АССР проголосовал за переименование Воткинска в Чайковск, а Верховный Совет СССР эту инициативу не поддержал. На основе приказов по личному составу Сарапульской эксплуатационной конторы в статье производится попытка реконструкции биографии судна. Отдельные факты удалось уточнить, изучив зарплатные ведомости конторы и ежегодные отчеты Центрального статистического управления. На основе анализа биографии судна сделано предположение, что он мог принадлежать к типу речного буксирного катера с деревянным корпусом по классификации Емельянова и Крысова.

Ключевые слова: речной транспорт, история, Сарапульская эксплуатационная контора, приказы по личному составу, реконструкция биографии, Удмуртия, катер.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)